

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

СУПРУНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024

Сборник научных статей

Минск
РИВШ
2025

УДК 81(042)
ББК 81я43
С89

Рекомендовано
советом филологического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 9 от 30 апреля 2025 г.)

Рецензенты:

профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
УО «Минский государственный лингвистический университет»,
доктор филологических наук, профессор *Е. Г. Задворная*;
доцент кафедры редакционно-издательских технологий
УО «Белорусский государственный технологический университет»,
кандидат филологических наук, доцент *В. И. Куликович*

Редакционная коллегия:

заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания,
доктор филологических наук *А. А. Баркович*;
доцент кафедры теоретического и славянского языкознания,
кандидат филологических наук *Т. В. Бобко*;
доцент кафедры теоретического и славянского языкознания,
кандидат филологических наук *К. И. Иванов*;
доцент кафедры теоретического и славянского языкознания,
кандидат филологических наук *А. М. Калюта*

Супруновские чтения – 2024 : сборник научных статей / Белорус. гос. ун-т, филол. ф-т ; редкол.: А. А. Баркович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2025. – 206 с.
ISBN 978-985-586-922-2.

В сборник вошли статьи по материалам докладов на конференции «Супруновские чтения – 2024», проведенной на филологическом факультете 26 ноября 2024 года и посвященной памяти профессора А. Е. Супруна. Тематика статей освещает актуальные проблемы теоретического и славянского языкознания, а также современные разработки в области прикладной лингвистики.

Адресуется специалистам в области филологии, аспирантам и магистрантам филологических специальностей.

УДК 81(042)
ББК 81я43

ISBN 978-985-586-922-2

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
Антонов А. В. Эволюция новостного контента: от печати до цифровой эпохи	7
Баркович А. А. Оппозиционная семантика языка: контекст компьютерного опосредования коммуникации	14
Бобко Т. В. Репрезентация знаний о языке в обыденном интернет-общении	21
Гао Ваньжоу Названия видов сообщений в русском и китайском языках: специфика представления в толковом словаре	31
Герасимович О. В. Septem peccata mortalia: аксиологический аспект	39
Иванов К. И. «Королевство за коня». Вариативность речевых партитур в пьесе Йордана Радичкова «Образ и подобие» и их воссоздание в переводе на русском языке	47
Ивашина Н. В. Об одном астронимическом архетипе	62
Калюта А. М. «Материковые» прилагательные: преобразование семантики слов в современных условиях	70
Кан Жоши Лисица в картине мира китайцев и русскоязычных белорусов	79
Козловская Л. А. Грамматические категории глагола в коммуникативно-прагматическом аспекте	87
Коршунова К. Н. Влияние турецкого языка на словарное разнообразие в сербском языке	93
Марцынкевіч В. І. Пазнаюць нашу дачку і ў андарачку: візуальная лексіка ў беларускіх прыказках (лінгвасэнсарны аспект)	99
Маслова В. А., Дединкин А. Л. Лингвистическая экспертиология как прикладная отрасль науки	107
Милько С. Г. Англоязычные композиты как отражение глобализационных процессов в русском языке	114

Назаранка Ю. В. Выбранные афарызмы Г. Сенкевіча і С. Е. Леца: прагматычны аспект	122
Пискун Е. В. Специфика китайской повседневной интернет-коммуникации	127
Рудачэнка Я. А. QR-код як лінгвадыдактычны сродак	139
Рудзько К. С. Транспазіцыя асабовых форм дзеяслова ў беларускай мове.....	144
Саматія А. А. Преимущества и недостатки языкового интерфейса англоязычных интернет-ресурсов	153
Селезнева В. С. Структурные ограничения формализации русского языка.....	158
Станкевіч Г. В. Канцэпт як маўленчы феномен	164
Супрунчук Н. В. Частные вопросы подготовки корпуса текстов на славянских языках	176
Фамянюка М. А. Анамэсіялогія: прынцыпы і напрамкі аналізу моўнага знака	183
Чжан Хайфэн Лексемы с неполногласием и полногласием как выражение оппозиции «свое-чужое» (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку)	191
Наши авторы	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

На филологическом факультете Белорусского государственного университета 24 ноября 2024 г. прошла научная конференция «Супруновские чтения – 2024». Конференция традиционно проводится с 2000 г. кафедрой теоретического и славянского языкознания в память об основателе кафедры – выдающемся белорусском лингвисте, профессоре А. Е. Супруне.

Адам Евгеньевич Супрун руководил кафедрой с момента ее основания в 1966 г. до конца своей жизни – до августа 1999 г. Его научная деятельность многообразна, достижения масштабны и высоко оценены как отечественным, так и международным научным сообществом. Доктор филологических наук, доктор педагогических наук, А. Е. Супрун является автором около 600 печатных трудов, в том числе более 60 книг и брошюр, под его руководством защищено более 60 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Многие из нынешних и бывших преподавателей кафедры – это студенты, аспиранты, докторанты А. Е. Супруна, а в последующем – и его учеников.

В настоящее время кафедра сохраняет педагогические и научные традиции, заложенные ее основателем. В рамках основанного А. Е. Супруном научного сообщества «Теория языка и славистика» работает 3 поколения ученых, в том числе 2 доктора и 9 кандидатов филологических наук. За последние 5 лет членами научного сообщества подготовлено 17 докторов и кандидатов филологических наук. Результаты пятилетнего периода научной деятельности преподавателей кафедры отражены в более чем 500 публикациях, в том числе в 40 книгах (монографии, учебные пособия, словари), трех сотнях статей (12 – в научных изданиях, включенных в системы цитирования «Web of Science» и (или) «Scopus») и других печатных работах, в почти двух сотнях докладов на научных конференциях соответствующего профиля.

В настоящий сборник включены научные статьи участников конференции «Супруновские чтения – 2024», в состав которых вошли преподаватели филологического факультета БГУ, коллеги из других белорусских, а также российских вузов, аспиранты и магистранты, в том числе из КНР. Тематический профиль конференции определялся исследовательским интересом ее участников, что напрямую соотносится с широтой научных предпочтений А. Е. Супруна. Так, вопросам славистики были посвящены доклады К. И. Иванова, Н. В. Ивашиной, К. Н. Коршуновой, Ю. В. Назаренко, Н. В. Супрунчука и др., изучению теории языка – материалы А. М. Калюты, Л. А. Козловской, В. А. Масловой, А. Л. Дединкина, М. А. Фоменковой и др., этнолингвистическим исследованиям – выступления Кан Жоши, Чжан Хайфэн, В. И. Марцинкевич и др., проблемам компьютерной лингвистики и интернет-коммуникации – доклады А. А. Барковича, Т. В. Бобко, А. В. Антонова и др.

Л. А. Козловская,
канд. филол. наук, доцент

ЭВОЛЮЦИЯ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА: ОТ ПЕЧАТИ ДО ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

В статье рассматривается эволюция новостного контента от печатной прессы до современных цифровых платформ под влиянием технологий и культуры. Особое внимание уделяется роли газет, радио, телевидения, интернета и социальных сетей в распространении информации и формировании общественного мнения. Подчеркивается значение современных технологий, таких как машинное обучение, для автоматизации анализа новостей.

Ключевые слова: новостной контент, журналистика, информация, коммуникация, социальные сети.

A. Antonov. The evolution of news content: from print to the digital age.

The article examines the evolution of news content from the printed press to modern digital platforms, considering the influence of technology and culture. It pays particular attention to the role of newspapers, radio, television, the internet and social media in disseminating information and shaping public opinion. It also emphasizes the importance of modern technologies, such as machine learning, in automating news analysis.

Keywords: news content, journalism, information, communication, social media.

Эволюция новостного контента является отражением технологического и культурного прогресса, который сформировал современную парадигму информационной коммуникации. Начиная с появления печатной прессы и до современных онлайн-платформ, новостной контент претерпел значительные изменения под влиянием технологического прогресса, общественных потребностей и культурных тенденций.

Начало эволюции новостного контента можно проследить с появлением печатной прессы в XV в. Первые новостные издания, такие как "*Avisa Relation oder Zeitung*" и "*Gazeta de Lisboa*", представляли собой сборники новостей и

информации, печатаемые на бумаге [1, с. 153]. Это был переломный момент в истории информационной коммуникации, когда новости стали доступны для широкой аудитории [2, с. 141].

Газеты сыграли не только информационную, но и социальную роль. С появлением таких изданий новостной контент стал не столько средством передачи информации, сколько важным инструментом формирования общественного мнения. Например, уже в XVIII в. газеты начали активно влиять на политические процессы в обществе. Французская революция – пример того, как печатная пресса смогла мобилизовать массы, распространяя идеи равенства и свободы с призывами к действиям. Кроме того, именно через газеты в обществе стали формироваться первые дискуссии и дебаты, формируя современные формы массовой коммуникации. Газеты с самого начала были вынуждены балансировать между стремлением к объективности и влиянием на аудиторию. Редакторы газет понимали, что чем сенсационнее и острее новости, в особенности посвященные политическим темам, тем выше были их тиражи. Таким образом, в газеты проник элемент коммерциализации новостного контента, который сохранился и по сей день, что, на наш взгляд, можно считать зарождением концепции «жёлтой прессы».

Отдельно стоит упомянуть процесс экспериментирования с форматами подачи информации. Например, с развитием технологий печати стало возможным включение иллюстраций, что значительно усилило восприятие новостей. Данный переход от текстовой информации к визуальной может быть рассмотрен как один из важнейших шагов на пути к современному формату новостного контента, где визуализация играет не менее важную роль, чем сам текст.

С появлением радио, телевидения и популяризации кинофильмов в XX веке, получать новости стало возможным не только в письменной, но в звуковой и визуальной форме. Это улучшило доступность информации и увеличило скорость ее распространения. Телевизионные новостные передачи и радиозаписи стали основными источниками информации для миллионов людей.

Радиоприемники, которые к 1920-м гг. были дешевле и доступнее телефонов, в особенности отличались своей беспрецедентной способностью передавать новости и информацию большому количеству людей одновременно. Фактически данные способы коммуникации не столько ускорили процесс распространения новостей, сделав их более доступными для массовой аудитории, сколько изменили характер взаимодействия общества с информацией. В США, к примеру, телевидение было доминирующей формой СМИ с 60-е по 90-е гг. В то время существовало всего три большие телесети (*ABC*, *NBC*, *CBS*), которые контролировали более чем 90 % новостных программ, прямых эфиров и ситкомов, которые смотрели американцы [3].

При этом нельзя сказать, что популяризация телевидения не имела проблем: некоторые социальные критики утверждают, что телевидение способствует формированию «однородной» и «конформистской» культуры, укрепляя представления о том, как выглядит «нормальная» американская жизнь. Но телевидение также способствовало развитию контркультуры 1960-х гг. К примеру, война во Вьетнаме стала первым крупным военным конфликтом, который освещался на ТВ, и ночные кадры военных действий, новостей и тех, кто протестовал против войны, способствовали обострению внутренних конфликтов в стране.

В конце XX в. с развитием интернета началась новая эпоха в эволюции новостей. Цифровая платформа позволила передавать информацию в реальном времени, создавая интерактивный контент и обеспечивая обратную связь от пользователей. Онлайн-новости стали набирать популярность и до сегодняшнего дня являются самым востребованным видом представления информации для многих людей.

С появлением социальных сетей, таких как *Facebook*, *X* и *Instagram*, новости стали еще более доступными. Важной особенностью в эволюции новостного контента стала смена формы обмена информацией: от традиционного единоличного повествования к интерактивному обмену информацией [4, с. 1476]. Пользователи стали активными участниками

новостного и информационного дискурса, что стало возможным благодаря комментариям и другим способам самовыражения в виде реакций на те или иные события.

К примерам, демонстрирующим влияние социальных сетей на новости, можно привести *YouTube* и *TikTok*, которые стали популярными платформами для получения информации о происходящем вокруг. Согласно исследованию *Pew Research*, *YouTube* является одним из главных источников новостей, где около 30 % пользователей регулярно обращаются к нему за новостями. *TikTok* также набирает популярность, особенно среди молодых пользователей, с увеличением доли тех, кто получает новости через эту платформу, достигшей 29 % в 2021 г. [5].

На сегодняшний день крайне важно иметь доступный, удобный, а главное – надежный источник информации. Для многих людей (особенно из СНГ) таковым стал мессенджер *Telegram*, который получил большую популярность за счет своей простоты и функциональных возможностей: создание каналов по типу *one to many* и групп по интересам. Кроме того, одним из факторов популяризации Телеграма стала его безопасность как для новостных агентств, так и для читателей. Журналисты имеют возможность безопасно передавать информацию, тогда как читатели не будут подвергаться цензуре, как это бывает в случае с ТВ или газетами.

С помощью данного приложения новостные агентства и независимые журналисты могут быстро и оперативно распространять информацию без необходимости в посредниках (например, веб-хостингах для сайтов). В свою очередь пользователи имеют возможность свободно подписываться на интересующие их каналы, при этом получая новости в режиме реального времени. Конечно, в силу либеральной политики мессенджера, новостные каналы могут быть как независимыми, так и с целью пропаганды определённых взглядов, поэтому очень важно уметь сортировать новостные источники и понимать, какие будут релевантны и надежны, а какие – информационный шум и фейки.

Основным отличием *Telegram* от других новостных источников является частичное отсутствие цензуры, навязчивых постов и другого информационного шума. Функционал приложения позволяет публиковать новости с использованием различных видов медиа: текстовые сообщения, фотографии, видео, ссылки на внешние источники, опросы и т.д., что делает платформу универсальной для распространения новостей в различных форматах.

Подкасты и музыка прочно укоренились в жизни современного человека. Сегодня сложно представить, что кто-то не слушает музыку или не слушал подкасты. Некоторые люди используют сервисы по предоставлению данного контента (например *Spotify*, *Apple Podcasts*) в качестве источника новостей. Основной особенностью данной формы медиа является удобство использования: пользователь сам выбирает, когда и где будет слушать тот или иной подкаст. Спикеры в подкастах зачастую анализируют разного рода события на более глубоком уровне, что позволяет получить свежий взгляд на интересующую новость или проблему.

Благодаря подкастам пользователи могут получить доступ к эксклюзивным интервью и детальному анализу тех или иных событий, которые сложно найти на других площадках. Более того, подкасты позволяют журналистам и аналитикам развивать свои идеи и предоставлять более глубокий контекст, что помогает разобраться в сложных темах. Зачастую подкасты с различными экспертами в той или иной области носят эксклюзивный характер, что добавляет им ценности, предоставляя слушателям уникальное мнение и свежий взгляд на текущие новости.

Нельзя не упомянуть гражданскую журналистику, которая становится все более значимой частью новостного дискурса. Обычные люди, имея при себе лишь смартфон и доступ в интернет, могут мгновенно делиться новостями и событиями, происходящими вокруг них. Существование данного феномена расширяет спектр мнений и точек зрения, которые представлены в медиа. Однако данный вид журналистики не может претендовать на звание «идеального». Довольно часто новости преподносятся непрофессионально и

необъективно, а стремление к сенсациям может подорвать достоверность информации, превратив её в фейк. Очевидно, что в условиях конкуренции за внимание аудитории журналисты могут жертвовать точностью в угоду скорости публикаций. Тем не менее, такой формат остается популярным, поскольку удовлетворяет один из ключевых запросов общества – потребность в оперативной подаче новостей.

Как правило, обычные люди оказываются на месте событий раньше профессиональных репортеров и могут оперативно предоставить важную информацию. Социальные сети и мессенджеры, такие как *X* и *Telegram*, служат популярным средством распространения информации среди городских журналистов. Эти платформы позволяют мгновенно делиться фотографиями, видео, голосовыми и текстовыми сообщениями. Владельцам крупных каналов, чья аудитория может насчитывать сотни тысяч человек, остается лишь дожидаться публикации материала, чтобы затем оперативно донести его до своей аудитории. При этом первоисточник в подавляющем большинстве случаев не указывается. Например, о смерти Уитни Хьюстон стало известно через Твиттер (на данный момент *X*) за час до того, как традиционные СМИ подхватили эту новость [6].

Резюмируя, новостной контент является неотъемлемой частью жизни любого человека. Он не только позволяет оставаться в курсе происходящего, но и формирует общественное мнение, способствует обсуждению актуальных тем и помогает людям ориентироваться в постоянно изменяющемся информационном мире. Новости как феномен претерпели значительные изменения под влиянием технологического прогресса и культурных изменений, соответствуя тем требованиям общества, которые предъявлялись к ним в определенный период истории. Современные технологии, такие как интернет и социальные сети, не только изменили способы получения новостей, но и создали новые форматы, способствующие интерактивности и быстрому обмену информацией. Это позволило пользователям стать активными участниками информационного дискурса. Передовые методы обработки новостного

контента, включая машинное обучение, алгоритмы *NLP* и методы анализа данных, имеют хороший потенциал в аспекте автоматизации анализа новостей и их фильтрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Morison, S. The Bibliography of Newspapers and the Writing of History / S. Morison // The Library. – 1954. – Vol. S5–IX, № 3. – P. 153–175.
2. Chappell, W. A Short History of the Printed Word / W. Chappell, R. Bringhurst. – Point Roberts, WA : Hartley & Marks, 1999. – P. 141–142.
3. Van Ry, V. Sociological Communication / Boise State University // URL: <https://boisestate.pressbooks.pub/soc122/chapter/8-1-a-definition-and-brief-history/> (date of access: 26.09.2024).
4. Harcup, T. What is News? News Values Revisited (Again) / T. Harcup, D. O'Neill // Journalism Studies. – 2017. – Vol. 18, № 12. – P. 1470–1488.
5. News Consumption Across Social Media Platforms in 2021 // Pew Research Center. – 2021. – URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2021/09/20/news-consumption-across-social-media-in-2021/> (date of access: 26.09.2024).
6. Гражданская журналистика // Википедия [сайт]. – 2020. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданская_журналистика (дата обращения: 26.09.2024).

ОППОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКА: КОНТЕКСТ КОМПЬЮТЕРНОГО ОПОСРЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье рассмотрена контекстная обусловленность реализации оппозиционности как семантической составляющей языка. В современных условиях трансляция содержания в коммуникации существенно обусловлена особенностями ее компьютерного опосредования. Принципиальная коммуникационная функциональность компьютера основана на последовательном задействовании в кодировании и декодировании информации бинарной формы оппозиционности. Это влечет как устранение противоречивости языковых конструкций, так и необходимость использования дополнительных языковых и метаязыковых ресурсов, компенсирующих лакуны содержания.

Ключевые слова: оппозиционность, семантика, коммуникация, метаописание, компьютер, информация.

A. Barkovich. Oppositional semantics of language: the context of computer-mediated communication.

This article examines the contextual determinacy of the oppositionality implementation as a semantic component of language. In modern conditions, the content translation in communication is significantly conditioned by the peculiarities of its computer mediation. The fundamental communication functionality of a computer is based on the consistent use of the binary form of oppositionality in coding and decoding information. This entails both the elimination of language constructions inconsistency and conditions additional linguistic and metalinguistic resources use compensating the gaps in content.

Keywords: oppositionality, semantics, communication, meta-description, computer, information.

Компьютерно-опосредованная коммуникация – активно развивающийся социокультурный феномен. Продолжая традиции коммуникации «докомпьютерной», она обладает собственной логикой и инструментарием трансляции содержания. При этом посредством компьютерных технологий не только решаются задачи обеспечения транзита языковой продукции, они

оказались эффективным средством метаязыковой практики. И искусственно-языковыми надстройками бинарная сущность современной репрезентации речевой семантики не ограничена – фактически она распространена на все микро- и макросреды компьютерного опосредования языка. Динамичное развитие компьютерных технологий затронуло не только формат человеческого общения, но и повлияло на его содержание, или семантику [1; 2; 3 и др.].

Опосредование коммуникации компьютерными системами изменило качество современных текстов, а также создало условия для их практически неограниченного масштабирования. Это привело к хорошо заметной эволюции норм и обычаев метаязыковой сферы [4]. Благодаря компьютерным технологиям в Интернете сегодня не только представлено множество текстов, но и присутствуют инновационные лингвистические инструменты – электронные словари, программы распознавания и синтеза речи, нейросетевые модели и многое другое (см., напр., [5; 6] и др.). Тем самым существенно изменился контекст многогранной и многоаспектной деятельности по обеспечению компьютерно-опосредованной коммуникации. В данной связи необходимо отметить, пожалуй, важнейшую специфику функциональности этого контекста – ее фактическую обусловленность оппозиционным характером компьютерного опосредования коммуникации. При этом мы имеем в виду «оппозиционность» и когда обсуждаем «бинарность» базовых системных принципов организации современной коммуникации.

Оппозиционность обладает основополагающим потенциалом дифференциации значимости. В науке это косвенно признавалось во все времена. Так, Ф. де Соссюр отмечал: *«Языковая система есть ряд различий в звуках, связанных с рядом различий в понятиях, но такое сопоставление некоего количества акустических знаков с равным числом отрезков, выделяемых в массе мыслимого, порождает систему значимостей; и эта-то система значимостей создает действительную связь между звуковыми и психическими элементами внутри каждого знака»* [7, с. 152]. Но, благодаря оппозиционности, тотальная дифференцированность компонентов содержания остается в общем контексте

репрезентации и моделирования речевой практики: *«Мы отказываемся, таким образом, от мысли, что каждый “факт” языка можно расценивать сам по себе, что он является абсолютной и объективной величиной, которая допускает изолированное рассмотрение»* [8, с. 24].

В современных же условиях оппозиционность языковых отношений занимает все более важное место в метаязыковом обеспечении коммуникации, благодаря компьютерным технологиям, базирующимся на *статистической коммуникационной модели*. Данная модель безусловно оппозиционна. Более того, она не просто оппозиционна, она бинарна, т. е. отражает противопоставление двух максимально далеких альтернатив. Дискретный бинарный принцип – фундаментальное основание компьютерного опосредования коммуникации: *«...коммуникация [здесь] превращается в процесс выбора. Выбор всегда может быть осуществлен путем простого бинарного выбора, серией “да” или “нет”»* [9, с. 1]. Целесообразный уже по причинам историко-философской и структуралистской логики метаописаний бинарный подход обладает особой метаязыковой обусловленностью в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации.

Конечно, *бинарность* не может считаться специфической инновацией, связанной исключительно с развитием компьютерных технологий. Однако целесообразное категориальное позиционирование бинарности в процессе формализации языка способствует и развитию оппозиционности как категории в целом. Оппозиционность предполагает наличие не только полярных, или бинарных, противопоставлений, но и – градуальное и многовариантное сравнение и противопоставление подобных единиц метаописания. Таким образом, сопоставительная парадигматика языка во многом обеспечена именно оппозиционной составляющей.

Перспективность оппозиционного, в том числе бинарного, моделирования особенностей речевой практики новейшего формата вполне очевидна. Бинарность алгоритмически компенсирует интуитивно конструируемую человеком оппозиционную структуру содержания – при его формализации. И,

конечно, оппозиционная интерпретация динамики языковой системы оказывается перспективным алгоритмом структуризации дискурса в целом. При этом в лингвистике, в силу ее ориентированности на гибкую эвристическую ментальность человека, оппозиционность намного востребованней, чем более специфичная и узкая бинарность.

Выявление и фиксация противоположных значений той или иной степени интенсивности – задача, которая может решаться, но, как и многие, например, математические задачи, не имеет однозначного решения. Вместе с тем, применение релевантной методологии существенно осложнено объективно существующей недискретностью речевой практики. При этом, однако, выявление оппозиционной специфики коммуникации – зачастую не просто лингвистический «эксперимент», а вполне релевантная метаязыковым описаниям проблематика. Уже сам факт выявления оппозиционных отношений – важное условие метаязыкового моделирования речевой практики. Он может быть последовательно развит, в том числе, с помощью градуальной репрезентации взаимообусловленных языковых отношений, таких как синонимических и омонимических. Возможность формальноязыковой идентификации *омонимии* – сам по себе весомый аргумент для развития оппозиционных метаописаний, особенно в контексте нерешенности проблем «снятия омонимии» в существующих вариантах компьютерной разметки текста. В исследовании данной проблематики также логично опираться на отношения «полярности», или оппозиционности: *«Омонимия – один из полюсов на шкале неоднозначности; другим полюсом является моносемия, различные типы которой представляют собой различные степени приближения к многозначности»* [10, с. 186].

Характеристика «оппозиционности» языковых отношений совместима с «бинарностью» компьютерных алгоритмов, а атрибуция языковых отношений посредством оппозиционного моделирования обладает далеко не исчерпанным потенциалом развития «искусственной интеллектуальности» метаописаний. Важность *бинарных признаков, бинарной шкалы* для описания языка справедливо отмечал Ю. Д. Апресян [10, с. 294].

Установление оппозиционной взаимообусловленности является определяющим в формировании логики любого исследования. Системный характер оппозиционной взаимосвязи и неразрывности антонимических, синонимических, омонимических и др. языковых отношений, в общем-то, не требует каких-то новых доказательств в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации. Зачастую оппозиционность востребована и при решении специфических информационных проблем, например, при *анализе тональности текста*. Актуальность оппозиционных описаний разных языковых контекстов, в том числе контрастивных, отмечал Дж. Гамперц, используя «...термин “языковое расстояние” (англ. “languages distance” – А. Б.) для обозначения совокупности фонологических, грамматических и словарных различий внутри кодовой матрицы, как они предстают в сопоставительном исследовании» [11, с. 32]. Перспективной в данной связи видится последовательная оппозиционная дифференциация семантики, определение полюсов оппозиционных отношений и «измерение» лингвистических расстояний между языковыми единицами.

Впрочем, интерпретация языковых фактов в оппозиционном метаязыке позволяет решать и достаточно масштабные задачи, например, по описанию *единого семантического поля* [12]. Конечно, не все языковые отношения могут быть описаны в оппозиционном контексте: «...разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации и не подменять семантические компоненты бинарными или иными дифференциальными признаками, не существует; из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку звеньев-посредников, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [10, с. 252]. Однако систематизированное оппозиционное метаописание тех или иных аспектов речевого функционирования позволяет продуктивно и объективно их оценивать.

Таким образом, лингвистическая репрезентация ключевой для описания современной коммуникации категории – оппозиционности – практически неизбежна при системной рефлексии речевой практики. В условиях тотального компьютерного опосредования коммуникации ее метаязыковая значимость очевидна и безусловна. Традиционные представления о системе метаязыковых ориентиров сегодня дополнены оппозиционной категориальностью, релевантной всем уровням языковой системы и всем аспектам ее рассмотрения. Соотнесение свойств языковых единиц с референтной оппозиционной спецификой – естественная реализация важного потенциала современной коммуникационной сферы. Сегодня эта данность в контексте компьютерного опосредования речевой практики и описывающей ее лингвистики становится все более очевидной и востребованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crystal, D. *Language and the Internet* / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 272 p.
2. Garfinkel, S. *Database Nation: The Death of Privacy in the 21st Century* / S. Garfinkel. – Sebastopol : O'Reilly & Associates, 2000. – 336 p.
3. Pinker, S. *The language instinct* / S. Pinker. – New York : Harper Perennial Modern Classics, 2000. – 525 p.
4. Баркович, А. А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса / А. А. Баркович // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 30. – С. 38–48.
5. Барковіч, А. А. Лексічны патэнцыял беларускай мовы ў святле корпуснай лінгвістыкі / А. А. Барковіч. – Мінск : Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, 2012. – 158 с.
6. Баркович, А. А. Лингвистические корпуса китайского языка: функциональный аспект / А. А. Баркович, Ван Цин // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2015. – № 5 (78). – С. 105–113.
7. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [пер. с франц.] / Э. Бенвенист [под ред., с вступит. статьей и коммент. Ю. С. Степанова]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.

9. Gabor, D. Lectures in Communication Theory / D. Gabor // Tech. Report No. 238, Research Laboratory of Electronics. – M.I.T., 1952. – 48 p.

10. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

11. Gumperz, J. Types of Linguistic Communities / J. Gumperz // Anthropological Linguistics. – Vol. 4, No. 1 (Jan. 1962). – P. 28–40.

12. Барковіч, А. А. Метамоўная характарыстыка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.19 / Барковіч Аляксандр Аркадзевіч ; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2016. – 438 л.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ В ОБЫДЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ

В статье систематизируются метаязыковые высказывания в обыденном интернет-общении на русском языке. Разграничиваются типы знаний о языке: эксплицитные и имплицитные, обыденные и научные, когнитивные и процедурные. Показано, что специфика метаязыковой рефлексии и характер ее вербализации обусловлены контекстом и коммуникативными задачами пользователей.

Ключевые слова: наивная лингвистика, метаязыковая функция языка, метаязыковая рефлексия, интернет-коммуникация.

T. Bobko. Knowledge of language and its representation in ordinary communication on the internet.

The article systematizes metalinguistic statements in everyday Internet communication in Russian. The types of knowledge about language are distinguished: explicit and implicit, everyday and scientific, cognitive and procedural. It is shown that the specificity of metalinguistic reflection and the nature of its verbalization are determined by the context and communicative tasks of users.

Keywords: naive linguistics, metalinguistic function of language, metalinguistic reflection, Internet communication.

Частью системы обыденных знаний о мире (наивной картины мира) является наивная лингвистика – совокупность представлений говорящих о языке. Лингвистические знания языкового коллектива заключаются в корпусе метаязыковых единиц, который является обязательной частью языка и обеспечивает его рефлексивность, а также проявляются в спонтанных высказываниях при необходимости метаязыкового сопровождения коммуникативного процесса. Кроме того, знания говорящих могут целенаправленно эксплицироваться в рамках социолингвистических экспериментов (опросов, анкетирования). Вопросы изучения метаязыковой

рефлексии отчасти включаются в лингвистические исследования по проблемам наивной (народной) лингвистики [1; 2; 3; 4], а градуальный характер обыденного метаязыкового сознания, представляющего собой непрерывную шкалу степеней осознанности [5], и возможности его адекватного отражения в лингвистических моделях становятся одним из важнейших аспектов исследования [6]. Н. Б. Лебедева предлагает различать знание языка (языковую компетенцию), знание о языке (представления носителей языка – наивных лингвистов), знание в языке (зафиксированные в семантике языка знания о мире) и знания на языке (тексты), при этом каждый из четырех уровней включает в себя осознанный и неосознанный компоненты, что позволяет дифференцировать спонтанные представления и навыки непрофессионалов, разные уровни наивной лингвистики и профессиональную рефлексию над языком [7]. И. А. Стернин выделяет языковое знание, коммуникативно-языковое знание и метаязыковое знание [8], В. Б. Кашкин дифференцирует когнитивные и процедурные знания [9].

Неосознанные метаязыковые представления говорящих, которые реализуются в виде метаязыковых лексем, устойчивых выражений, коммуникативных клише и т. п., часто объединяются под термином Н. Д. Арутюновой «нерефлектирующая рефлексия» [10]; между специальными метаязыковыми средствами языка, выполняющими функцию речевого мониторинга и контроля, и вербализируемыми в отдельных метаязыковых высказываниях суждениями говорящих имеется еще ряд форм реализации метаязыковой рефлексии разной степени осознанности.

Метаязыковая рефлексия может выражаться в наивных лингвистических теориях носителей языка: «Каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную «личную теорию» языка. Такая личная теория может найти свое выражение как в явных размышлениях об устройстве и употреблении языка, так и в менее явных мнениях и даже предрассудках» [11, с. 4]. Мифология языка проявляется как в самостоятельных, развернутых суждениях о языке и его

единицах, так и в оценках языковых и речевых феноменов через призму обыденных или, реже, научных знаний.

Цель данной статьи – систематизация знаний о языке, представленных в спонтанных метаязыковых высказываниях, которые возникают в дискуссиях интернет-пользователей на бытовые или общественные темы. Спонтанный, неподготовленный характер таких высказываний позволяет выявить разноуровневые метаязыковые представления говорящих, которые актуализируются в ситуациях коммуникативного напряжения и связаны с необходимостью решать те или иные коммуникативные задачи. Обозначим ряд оппозиций, с помощью которых можно классифицировать разнородные феномены наивной лингвистики.

1. Знания о языке могут быть представлены имплицитно или эксплицитно.

Для имплицитных способов реализации метаязыковых представлений говорящие используют графические средства: выделение шрифтом, подчеркивание, использование прописных букв. Такие способы говорят о том, как носитель языка представляет себе те возможности, которыми он может указать на ненормативный языковой вариант или восстановить нормативный, выразить оценку языковой или коммуникативной компетенции собеседника и в то же время не отвлекать внимание от основной темы беседы, не тратить время и усилия на формулировку эксплицитного метаязыкового комментария (в примерах сохраняется орфография и пунктуация авторов):

– И что вы так на этих отличников ровняетесь. хм... – А с чего вы это взяли? Прочитуйте мне, пожалуйста, где это я "рОвняюсь на отличников"??

– Изучи закон об ОДР сначала – Сначала напишиТЕ его.

Если в имплицитных метаязыковых сообщениях проявляется экономия речевых усилий, то в эксплицитных, наоборот, реализуется стремление говорящего подчеркнуть свою языковую компетентность и/или дискредитировать собеседника. Эксплицитные метаязыковые высказывания

затрагивают нормы языка (лексические, грамматические, орфографические, стилистические) и могут иметь форму правила или примера, иллюстрирующего правило:

– на сдачу экзамена в гимназию попросили принести цыркуль – **цИркуль.**

Цыган на цыпочках цыкнул на цыпленка: "Цыц!".

– Я никогда не одеваю, как здесь принято выражаться, ребенку в жару чепчик (*вообще-то по-русски будет надеваю...*)

– Меня раздражает, когда говорят «скрипя сердцем». **Для тех, кто не знает, правильно - «скрепя сердце», это фразеологизм.**

– Французы это вообще не машины. Французы – это люди.

Кроме того, эксплицитное метаязыковое высказывание о правилах языка может реализоваться косвенно – оценочной, директивной или вопросительной репликой, а также через извинение, каламбур или иронию.

– *инглишь продолжаете?* – **Какая у тебя интересная интерпритация рода этого слова...**

– Как можно в одном посте написать порковка и парковка?

– Словам "тыя", "переться" и т.п вы можете учить своих детей.

– Респект и "уважуха" (**извините за сленг**) таким воспитателям!!!

– Сразу видно, интелгентный юноша... – **Между телегой и интеллигентом есть существенная разница, но вам ее не понять.**

– *Лучше когда очень припрет ревность к стенке, брать и читать орфографический словарь, и голова занята, и польза есть.*

Причины, по которым говорящий выбирает тот или иной способ выражения метаязыковой рефлексии, могут быть различными: экономия времени, предположение, что сообщение понятно и без четкого формулирования правила, важность самого метаязыкового знания или его использование для реализации интенций говорящего (самопрезентации, дискредитации собеседника, речевой агрессии, совета и т. д.). В форме метаязыкового комментария отражаются актуальные для говорящего коммуникативные задачи.

2. Знания о языке могут быть научными и обыденными.

Между наивным и научным знанием о языке невозможно провести четкую границу: как языковая компетенция, так и рефлексия по ее поводу являются неотъемлемой частью человеческой деятельности. Наивная лингвистика, как и любая другая сфера наивного знания, является основой для возникновения научного знания о языке и представляет собою совокупность мифологизированных представлений о языке и коммуникации. Признаки, по которым наивные лингвистические построения можно отнести к мифологическим, перечислены в работах И. А. Стернина [8] и В. Б. Кашкина [12]. Большинство лингвистических представлений, которые можно выявить в результате анализа метаязыковых комментариев, принадлежат, естественно, к сфере обыденного знания. Типичными обыденными представлениями, которые выявляются при анализе повседневного интернет-общения, являются следующие:

1) миф о вечности слова [12], который отражает нераздельность для говорящего слова и денотата (сигнификата):

– *Ненавижу слово «толстовка». По-моему, женщина, которая ЭТО носит, просто не хочет следить за собой и ей все равно на мнение окружающих.*

2) представление о приоритете коммуникативной функции языка над номинативной: аргумент «главное – это смысл» является обычным финалом дискуссии о выборе точных слов:

– *Верно, состояние латентным бывает, а отношение — нет, даже если сто раз ногой топнуть. все равно — нет, не бывает. — Но смысл при этом не понятен?*

3) противопоставление правильности и понятности речи (если я хорошо знаю, о чем говорю, то неважно, правильно ли я говорю), основой которого являются установки: знание языка равно знанию орфографии; правила придумывают специалисты с целью усложнения языка; это «школьное» или «филологическое» знание, ненужное обычному человеку:

– Но вы же поняли, что вам те, неграмотные, написали и что они у Вас спросили, не так ли? А смысл общения в чём, спрашивается? Понимать друг друга. Проще относиться к людям, и к вам потянутся. А то снобизм развели.

4) орфографоцентризм, который является основополагающей характеристикой русского метаязыкового сознания [13; 14]: хорошая речь – это орфографически правильная речь, при этом знание правил может противопоставляться качествам человека или межличностным отношениям:

– Не могу всерьёз воспринимать тему, написанную так безграмотно. Хоть бы в ворде через проверку орфографии прогнал.

*– И, скажу Вам серьёзно, человеку вовсе не обязательно быть грамотным. Неграмотный человек вполне может быть замечательным, добрым, отзывчивым человеком, приятным собеседником, надёжным другом, верным и любящим супругом и родителем. Умение правильно писать буква**Ф**ки не есть главное в жизни.*

В наивной лингвистике уживаются противоречивые идеи, что отражает характерную черту обыденного сознания – синкретичность и неосознаваемую противоположность утверждений [12, с. 131], обусловленную тем, что его мифологемы метафоричны, стереотипны, возникают на основе образно-чувственного восприятия и не могут быть подвергнуты рациональному анализу.

5) стремление прояснить внутреннюю форму или этимологию слова, что приводит к ложным выводам:

– В болезни нашей Катюхи не виноват никто. Точнее стечение обстоятельств и экология (не зря экология и онкология сходны по звучанию)...

6) отрицательное отношение к «порче языка», что является еще одним популярным лингвистическим мифом [8, с. 100]:

– *А меня потряхивает от слова «настолки», хотя его часто употребляют, и даже на сайтах. Точно так же, как и от «польки», «воспетки», «улки». Или «северные народы экономят на гласных?»*

При этом носитель языка считает, что есть только один правильный вариант. Такие рассуждения, во-первых, иллюстрируют миф о том, что если слова нет в словаре, его нет в языке [8, с. 99], а во-вторых, о тождестве общенародного и литературного языка:

– *Прочла ненавистное слово «стирка»... Неужели нельзя написать — «стерка»? Деревня.*

Элементы научных представлений о языке и его единицах представлены, как и следовало ожидать, в значительно меньшем количестве контекстов и затрагивают меньший круг вопросов. Научное знание актуализируется в следующих контекстах:

1) необходимость прояснить значения слов:

– *Почитать — чтить, уважать, ценить, обожать, боготворить, дорожить, оказывать почтение (уважение, внимание), почести (царские, божеские) — если что, то это из словаря.*

2) использование лингвистической терминологии как аргумента, обычно для дискредитации собеседника:

– *Твои фразы «в повелительном наклонении» уровня детского сада. — Странно то, что наклонения русского языка знаешь, а понятие «фигура речи» — нет.*

3) внимание к стилистическим параметрам речи или неологизмам:

– *Поскольку я не филолог, спорить не буду, что такое выражение существует или нет, но отлично помню, что сами по себе новые слова и выражения вполне могут появляться в употреблении не зависимо от того, были они раньше или нет.*

3. Знания о языке могут быть когнитивными и процедурными.

Когнитивный аспект языковых знаний связан с представлениями о языке и его единицах или с оценочными характеристиками (нормативными или эмоционально-экспрессивными):

– *Все-таки язык в первую очередь – средство общения, есть же выражение "говорить с к-л на разных языках";*

– *Как мне омерзительно слово "лялька" почему-то... оно для меня индикатором, кстати, является...*

Процедурные знания касаются использования языка. Этот аспект В. Б. Кашкин называет «наивной технологией (как правильно пользоваться языком, как изучать языки, как переводить с одного на другой и т. п.)» [15, с. 35–36]; см. также [16].

– *Ты можешь предположить, что я искренне считала, что говорю простым языком? Понимаешь, для меня это просто. Если мне что-то совсем непонятно, то я спрошу. Точно также и я готова - если что-то непонятно, я отвечу и перепису нормальным языком, но вот эти фразы типа "ну ужасно нельзя нормально сказать..." я очень не люблю, прям очень, потому что у все разное "нормально".*

Кроме того, процедурные знания могут быть связаны с изучением языка или практикой перевода:

– *Мне почему-то совсем не стыдно плохо говорить на английском (относительно выпускников иняза), но стыдно плохо говорить на белорусском.*

В содержательном плане языковые знания могут относиться к разным единицам или уровням языка, к родному или чужим языкам, а также к «языку вообще».

Таким образом, специфика актуализации языковых и лингвистических знаний обусловлена текущими коммуникативными задачами или затруднениями, а поиск факторов, обуславливающих форму их вербализации, является значимым направлением исследования обыденной метаязыковой рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девянина, С. Г. О метаязыковой деятельности наивных лингвистов / С. Г. Девянина // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвуз. сб. науч. ст. – Кемерово ; Барнаул, 2008. – С. 63–68.
2. Журавская, О. А. Метаязык «наивного лингвиста» в описании речевой деятельности: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Журавская Оксана Анатольевна ; С.-Петербург. ун-т. – СПб., 1998. – 16 с.
3. Иванищева, О. Н. Наивные толкования как актуализация фоновых знаний носителя языка / О. Н. Иванищева // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвуз. сб. науч. ст. – Кемерово ; Барнаул, 2008. – С. 81–85.
4. Ростова, А. Н. Народная философия языка / А. Н. Ростова // Этногерменевтика и языковая картина мира. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1998. – С. 79–80.
5. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная моногр.; отв. ред. Н. Д. Голев. – Ч. 1. – Кемерово ; Барнаул, 2009. – С. 7–41.
6. Шмелев, А. Д. Осознанное и неосознанное в наивной лингвистике / А. Д. Шмелев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Вып. 2. – Томск, 2009. – С. 36–46.
7. Лебедева, Н. Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента / Н. Б. Лебедева // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллект. моногр. ; отв. ред. Н. Д. Голев. – Ч. 1. – Кемерово ; Барнаул, 2009. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-391405.html> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Стернин, И. А. Мифологические лингвистические концепты в обыденном языковом сознании / И. А. Стернин // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2016. – № 12. – С. 98–107.
9. Кашкин, В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В. Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 1. – Кемерово ; Барнаул, 2009. – С. 41–60.
10. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–9.
11. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. – Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж : ВГТУ, 2002. – С. 4–34.

12. Кашкин, В. Б. Вещественное представление слова в бытовой философии языка / В. Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 5. – Воронеж : ВГУ, 2007. – С. 117–136.

13. Голев, Н. Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания / Н. Д. Голев // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. И. Стексовой. – Новосибирск, 1999. – С. 97–107.

14. Голев, Н. Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвуз. сб. науч. ст. – Кемерово ; Барнаул, 2008. – С. 19–30.

15. Кашкин, В. Б. Обыденные представления о языке и научная лингвистика / В. Б. Кашкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 34–38.

16. Дебрени, М. «Наивные» представления студентов об изучении иностранных языков / М. Дебрени // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике : мат-лы I междунар. науч. конф. (Кемерово, 29–31 авг. 2006 г.) : в 4 ч. – Ч. 1. – Кемерово, 2006. – С. 3–11.

Гао Ваньжоу
Минск, Беларусь

НАЗВАНИЯ ВИДОВ СООБЩЕНИЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЧАСТОТНОМ И ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

В статье анализируются метаязыковые лексемы, относящиеся к названиям видов сообщений в русских и китайских толковых и частотных словарях. В языковой материал включены слова, имеющие сходное значение и частоту употребления в обоих словарях: *вопрос, письмо, песня, литература* на русском и *问题* ‘вопрос’, *信* ‘письмо’, *歌* ‘песня’, *文学* ‘литература’ на китайском. Эти слова имеют одинаковую частотность в русском и китайском частотных словарях. Анализ словарных дефиниций позволил выявить специфику метаязыковых значений указанных лексем в толковых словарях обоих языков и определить причины их сходства и различия.

Ключевые слова: метаязыковая лексема; толковый словарь; частотный словарь; словарная дефиниция, метаязыковая функция языка.

Gao Wanrou. Names of message types in Russian and Chinese language units: specificity of representation in a frequency and explanatory dictionary.

The article analyses the meta-linguistic lexemes related to the names of types of messages in Russian and Chinese explanatory and frequency dictionaries. The linguistic material includes words with similar meaning and frequency of use in both dictionaries: *вопрос, письмо, песня, литература* in Russian and *问题* ‘вопрос’, *信* ‘письмо’, *歌* ‘песня’, *文学* ‘литература’ in Chinese. These words have the same frequency in Russian and Chinese frequency dictionaries. The analysis of dictionary definitions allowed us to identify the specificity of the meta-linguistic meanings of the mentioned lexemes in the explanatory dictionaries of both languages and to determine the reasons for their similarities and differences.

Keywords: meta-linguistic lexeme; explanatory dictionary; frequency dictionary; dictionary definitions; meta-linguistic function of language.

Толковый словарь является неотъемлемым средством в изучении языка, а также в преподавании и изучении иностранных языков. Толковые словари

предоставляют пользователю информацию о значении слов и возможность изучить употребление слова в разнообразных контекстах [1, с.27]. Так что анализ словарных дефиниций представляет собой важный метод при сопоставительном изучении слов в двух языках, поскольку они фиксируют семантические значения лексем и обеспечивают стандартизацию языкового использования. Они помогают пользователю правильно интерпретировать и применять лексические единицы в различных коммуникативных ситуациях.

В данной статье проводится анализ словарных дефиниций метаязыковых лексем (слов, называющих виды сообщений) в русском и китайском толковых словарях. Выборка метаязыковых лексем для анализа осуществляется на основе данных Русского частотного словаря О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова [2] и Китайского частотного словаря «现代汉语频率词典 Сяньдай ханьюй пиньюй цидянь» (Современный китайский частотный словарь) [3] из первой тысячи частотных слов. Критерии отбора включали два основных аспекта: 1) первое значение слова, указанное в толковом словаре, является метаязыковым; 2) принадлежность к первой тысяче слов в указанных частотных словарях. Из всех отобранных лексем, обозначающих виды сообщений, в статье анализируются только те, которые присутствуют в обоих частотных словарях в первой тысяче частотных слов: в русском языке это *вопрос, письмо, песня и литература*, в китайском языке это *问题* ‘вопрос’, *信* ‘письмо’, *歌* ‘песня’, *文学* ‘литература’. Для определения и анализа всех значений каждой из отобранных лексем, а также выявления специфики метаязыковых значений были использованы следующие словари: Толковый русский словарь Кузнецова [4] и Китайский толковый словарь «现代汉语词典 Сяньдай ханьюй цидянь» (Современный словарь китайского языка) [5]. Для перевода метаязыковых лексем с китайского на русский язык мы использовали Большой китайско-русский словарь (БКРС) [6].

Цель нашего исследования – проанализировать и сравнить значения слов, называющих виды сообщений, в толковых словарях русского и

китайского языков, чтобы выявить их сходства и различия. В нашей статье рассматриваются четыре пары русских и китайских метаязыковых лексем. Они имеют примерно одинаковую частотность в русском и китайском словарях. Слова *вопрос* и *问题* ‘вопрос’ – высокочастотные слова (входят в первые 200 частотных слов как в русском, так и в китайском частотных словарях; слова *письмо* и *信* ‘письмо’ являются среднечастотными (расположены в границах 301–600 частотных слов в обоих словарях); русские слова *литература*, *песня* и китайские слова *文学* ‘литература’, *歌* ‘песня’ относятся к низкочастотным (расположены в границах 701–800 частотных слов в обоих словарях).

В табл. 1 приведены значения слово *вопрос* и *问题* ‘вопрос’ в толковых словарях.

Таблица 1

Значения слов *вопрос* и *问题* ‘вопрос’ в толковых словарях

Лексема	Значение в толковых словарях	Количество метаязыковых значений
Вопрос	1. Устное или письменное обращение к кому-л., требующее ответа, разъяснения и т.п.; слова спрашивающего. <i>Задать в. Обратиться с вопросом.</i> 2. Разг. Вопросительный знак. <i>Поставить в конце предложения в.</i> 3. Положение, дело, задача и т.п., требующие обсуждения, разрешения; проблема. <i>Аграрный, жилищный, национальный в.</i> 4. Дело, обстоятельство, касающееся кого-, чего-л., зависящее от кого-, чего-л. <i>Обратиться по личному вопросу.</i> 5. Только мн.: вопросы, -ов. Предмет, тема специального изучения, научного исследования. <i>Теоретические вопросы кибернетики.</i>	2 из 5: значения 1, 2
问题 ‘вопрос’	1. 要求回答或解释的题目。Вопросы, на которые нужно отвечать или объяснять. 2. 须要研究讨论并加以解决的矛盾、疑难。Конфликты и сложности, которые необходимо рассматривать, обсуждать и решать. 3. 关键；重要之点。Ключ; важный пункт. 4. 事故或麻烦。Случайность или неприятность. 5. 属性词。有问题的；非正常的；不符合要求的。Атрибут. Проблемный; ненормальный; неправильный.	1 из 5: значение 1

Сравнив значения этих двух слов в русском и китайском толковых словарях, мы обнаружили, что первое значение в русском словаре и китайском словаре совпадает. В обоих словарях *вопрос* акцентирует внимание на речевом действии, которое требует ответа или объяснения от собеседника. В русском словаре подчеркивается устный или письменный характер вопроса и выделяется фигура говорящего. А в китайском словаре определение более лаконичное. Здесь *问题* ‘вопрос’ может означать вопросы или проблемы любой формы (не только прямой вопрос между людьми), а чаще обозначает саму проблему, которое нужно решить. Например, в русском и китайском толковых словарях приведены следующие примеры: *Задать вопрос* [4]; *Обратиться с вопросом* [4]; *这次考试一共有五个问题*. ‘На этом экзамене пять вопросов’ [5, с. 1375]; *我想答复一下这一类的问题*. ‘Я бы хотел ответить на этот тип вопросов’ [5, с. 1375]. Различие в том, что в толковом словаре русского языка *вопрос* используется для обозначения вопросительного знака (2). А в китайском словаре *问题* ‘вопрос’ не имеет такого значения.

Таблица 2

Значения слов *письмо* и *信* (сущ.) ‘*письмо*’ в толковых словарях

Лексема	Значение в толковых словарях	Количество метаязыковых значений
Письмо	1. <i>Только ед.</i> умение, навыки писать (1 зн.); само писание. искусство письма. 2. <i>Только ед.</i> система графических знаков, употребляемых в данной письменности. <i>славянское п.</i> 3. <i>Только ед.</i> внешний вид чего-л. написанного; почерк. <i>чёткое п.</i> 4. Написанный текст, передаваемый, посылаемый кому-л. для какого-л. сообщения (обычно упакованный в обёртку, конверт). <i>П. другу.</i> 5. Официальный документ (обычно связанный с деньгами или долговыми обязательствами). <i>Кредитное п.</i> 6. <i>Только ед.</i> Способ видения действительности и приёмы художественного воплощения (в литературе). <i>Реалистическое п.</i> 7. <i>Только ед.</i> Создание произведений живописи с помощью определённых приёмов. <i>П. Саврасова.</i> 8. <i>Только ед.</i> Воспроизведение музыки с помощью нотных знаков. <i>Нотное п. Оперное п.</i>	5 из 8: значения 1, 2, 3, 4, 5

信 (сущ.) 'письмо'	1. 按照习惯的格式把要说的话写下来给指定的对象看的東西。 Записанное в обычной форме то, что должно быть сказано определенной аудитории. 2. <信儿>音信; 信息 <весточка> весточка; информация. 3. 引信 : 信管. Взрыватель. 4. 同'芯'. 如蜡烛的捻子、爆竹的引线等, 蛇的舌头。Аналогично слову 'фитиль'. фитиль свечи, запал; змеиное жало. 5. 姓. Фамилия.	3 из 5: значения 1, 2, 5
----------------------	--	--------------------------------

В табл. 2 мы видим, что среди метаязыковых значений и в русском, и в китайском словарях есть обозначение письменного текста как средства передачи информации, например: *письмо другу* [4]; *送信* 'доставить письмо'[5, с. 1460]; *证明信* 'письмо о подтверждении'[5, с. 1460]. При этом словарь русского языка включает в дефиницию и такие компоненты значения, как наличие упаковки (конверта) и способ передачи, а в китайском словаре эти компоненты отсутствуют, но имеется указание на адресата сообщения и соответствие написанного и сказанного.

Различия в метаязыковых значениях сопоставляемых лексем в двух словарях заслуживают внимания. Перечислим их.

1. В русском словаре значение 1 означает навыки письма и сам процесс письма, а в китайском слово *信* 'письмо' не имеет такого значения.

2. В русском словаре значение 2 представляет собой обозначение системы письменности, например: *Славянское письмо* [4]; *Готическое письмо*[4]; *Арабское письмо* [4].

3. В словаре русского языка значение 3 указывает на внешний вид письменного текста. Примером может служить *чёткое письмо*; в китайском словаре *信* 'письмо' не имеет такого значения и обозначает только характер передаваемой информации.

4. В словаре русского языка значение 5 относится к официальным документам.

5. В китайском словаре значение 2 обозначает передачу информации

в устной форме, например, 口信 ‘устное сообщение’ [5, с. 1460]; 音信 ‘весточка’ [5, с. 1460]; 很久没有他的信儿了. ‘Я давно не получал от него вестей.’ [5, с. 1460]; 我今天加班, 你顺便给我妈捎个信儿. ‘Я сегодня работаю сверхурочно, передай, кстати, сообщение моей маме.’ [5, с. 1460].

6. Значение 5 в китайском словаре соответствует характерному для китайского языка явлению: 信 может также использоваться в качестве фамилии.

Таблица 3

Значения слов *песня* и 歌 ‘песня’ в толковых словарях

Лексема	Значение в толковых словарях	Количество метаязыковых значений
Песня	1. Словесно-музыкальное произведение для пения разным числом лиц; жанр вокальной музыки. <i>Колыбельная п.</i> 2. Пение птиц. <i>Соловыиная п. П. жаворонка.</i> // О протяжных звуках, в которых слышится некоторая лирическая закономерность. <i>П. ветра.</i> 3. Небольшое стихотворение, написанное по законам произведения для пения. <i>Песни Кольцова.</i> 4. мн.: песни, -сен. Традиц.-поэт. Поэтическое творчество, поэзия. 5. = Песнь (2 зн.). В составе названий некоторых произведений народного эпоса. <i>П. о Нибелунгах.</i> ◇ Играть песни. <i>Нар.-разг. Петь, исполнять.</i>	4 из 5: значения 1, 3, 4, 5
歌 ‘песня’	1) <歌儿>歌曲: 民歌, 山歌儿, 唱一个歌儿. <Песня> Песня: народная песня, горная песня, петь песню. 2) 唱: 歌者, 高歌一曲. Петь: певец, петь песню.	2 из 2: значения 1, 2

В табл. 3 видно, что первое значение и в русском, и в китайском словарях обозначает музыкальное произведение; жанр вокальной музыки. В русском словаре значения 3, 4, 5 означают три жанра литературных произведений. В китайском словаре соответствующих значения нет. Важно также, что в русском словаре в дефиниции слова *песня* присутствует указание на людей, исполняющих песни, т.е. на фигуру говорящего (поющего), и их количество.

В китайском словаре значение 2 означает «петь», а в русском словаре только в примере *Играть песни. Нар.-разг. Петь, исполнять* показывается использование данного слова в разговорной речи для пения и игры.

Таблица 4

Значения слов *литература* и 文学 ‘литература’ в толковых словарях

Лексема	Значение в толковых словарях	Количество метаязыковых значений
Литература	1. Вся совокупность научных, художественных, философских и т.п. произведений того или иного народа, эпохи или всего человечества. <i>Обширная л. предыдущих поколений.</i> 2. Вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка. Заниматься литературой. 3. Совокупность произведений, посвящённых проблемам какой-л. науки, отрасли знаний, специальности и т.п. <i>Философская л.</i>	3 из 3: значения 1, 2, 3
文学 ‘литература’	1) 以语言文字为工具形象化地反映客观现实的艺术, 包括戏剧、诗歌、小说、散文等。 Искусство, использующее язык и слово как инструмент для образного отражения объективной реальности, включая драматургию, поэзию, романы, эссе и т.д.	1 из 1: значение 1

Сходство значений в русском и китайском языках (табл. 4) заключается в том, что в дефинициях обоих словарей выделяются такие компоненты, как создание образов, использование слов и языка. В китайском словаре упоминаются и жанры литературы, которые отсутствуют в русском словаре. В значениях 1 и 3 русского словаря данное слово означает совокупность произведений, в то время как в китайском словаре такого значения нет. В китайском словаре слово 文学 ‘литература’ не привязано к определенной сфере производства, а используется как общее понятие, включающее в себе различные виды искусства, такие как драматургию, поэзию, романы, эссе и др.

При анализе значений русских слов *вопрос*, *письмо*, *песня*, *литература* и китайских слов 问题 ‘вопрос’, 信 ‘письмо’, 歌 ‘песня’, 文学 ‘литература’ заметно различие в количестве метаязыковых значений. Слово *вопрос* и 问题 ‘вопрос’ имеет 5 значений в толковом словаре русского языка, из которых 2 метаязыковых (40 %), и 5 значений в толковом словаре китайского языка, из которых 1 метаязыковое (20 %). Слово *письмо* и 信 ‘письмо’ имеет 8 значений

в русском словаре, из которых 5 метаязыковых, что составляет 62,5 %, и 5 значений в китайском словаре, из которых 3 метаязыковых, что составляет 60 %. Слово *песня* и 歌 'песня' имеет 5 значений в словаре русского языка, 4 из которых метаязыковые (80 %), 2 значения в китайском словаре, все из которых метаязыковые (100 %), а слово *литература* и 文学 'литература' имеет 3 значения и одно значение в словарях русского и китайского языков соответственно, все они относятся к метаязыковым значениям (100 %).

Таким образом, мы можем отметить, что в русских толковых словарях слова в целом имеют более высокий процент метаязыковых значений по сравнению с китайскими, за исключением случаев, когда оба слова достигают 100 %-метаязыковой насыщенности. Это говорит о различиях между двумя метаязыковыми системами русского и китайского языков. Описанные в статье сходства и различия в словарных дефинициях названий видов сообщений в толковых словарях говорят как о сходстве, так и о специфике метаязыковых представлений в русской и китайской коммуникативной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин, И. А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж : «Истоки», 2017. – 34 с.
2. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Нац. корп. рус. языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник; 2009. – 1087 с.
3. 现代汉语频率词典 [专著] / 北京语言学院语言教学研究所编. – 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 1491页. = Современный китайский частотный словарь / Ин-т преподавания языков, Пекинский ун-т языка и культуры. – Пекин, 1986. – 1491 с.
4. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2003.
5. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 7版. –北京: 商务印书馆, 2016. 1888页 = Современный китайский словарь / Ин-т языкознания, Китайск. академия обществ. наук. – 7-е изд. – Пекин : Commercial Press, 2016. – 1888 с.
6. Большой китайско-русский словарь [сайт]. – URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.12.2023).

SEPTEM PECCATA MORTALIA: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье обозначено понимание категории «ценность» в целом ряде гуманитарных наук: философии, лингвистике, культурологии, социологии, педагогике и др.; рассмотрены виды и классификации ценностей; обоснована возможность отнесения семи смертных грехов к антиценностям.

Ключевые слова: аксиология, ценность, антиценность, ценностные ориентации, классификация ценностей.

O. Gerasimovich. Septem peccata mortalia: axiological aspect.

The article outlines the understanding of the category of «value» in a number of humanities: philosophy, linguistics, cultural studies, sociology, pedagogy etc.; examines the types and classifications of values; substantiates the possibility of classifying the seven deadly sins as anti-values.

Keywords: axiology, value, anti-value, value orientation, classification of values.

Развитие науки в современных условиях характеризуется тем, что все чаще ставятся вопросы о целях ее развития, о ценностных ориентациях. Наука сегодня активно влияет на все стороны общественной жизни, становится своеобразным центром культуры, поэтому рассмотрение ценностных ориентаций, категорий и систем ценностей, а также актуализация данной темы в научных исследованиях становится важной задачей (в том числе и нравственно-педагогической) [1, с. 3].

Проблема ценностей в научном знании, как и изучение самой категории «ценность», имеет давнюю историю. Первое разграничение познавательного и ценностного принадлежит философу И. Канту, который противопоставляет теоретический разум, направленный на познание сущего, и практический, обращенный к человеческой морали – особому миру должного (ценностей,

норм). Он же первым установил иерархию ценностей, выделив *логические, эстетические, этические и религиозные* [2, с. 430]. Г. Риккерт ставит вопрос о построении системы ценностей как открытой системы и особо выделяет *этические* ценности, в частности, как высшую рассматривает *любовь* [3, с. 22]. Ср. также слова ап. Павла (около 54 г. н. э.): «σὲ μένει πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη, τὰ τρία ταῦτα μέζων σε τούτων ἡ ἀγάπη» – «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13.13) (подробнее см. монографию О. В. Герасимович «Восточнославянская семантическая аксиология (*вера, надежда, любовь*)» (2013 г.) [4].

В начале XX в. возникает «философская дисциплина, исследующая категорию ценности, характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» – **аксиология** (греч. *axia* ‘ценность’ и *logia* ‘учение’). Сам термин был введен в 1902 г. французским философом П. Лапи, а в 1904 г. Э. фон Гартман использовал его для именования специального раздела философии [5, с. 22]. В рамках аксиологии сформировалось несколько направлений: аксиологический психологизм (В. Вундт, Ф. Brentano), аксиологический нормативизм (О. Шпенглер, М. Вебер), аксиологический трансцендентализм (Р. Г. Лотце, Г. Риккерт), аксиологический онтологизм (М. Шелер, Н. Гартман) [6, с. 143–144].

Категория ценности является сегодня одним из важных понятий не только в философии, но и в социологии, культурологии, психологии, педагогике, лингвистике и целом ряде других гуманитарных наук.

В **социологии** ценности понимаются как общезначимые, разделяемые обществом цели и средства их достижения, исследуется их роль в системе социальной регуляции общества и специфика в сравнении с другими социорегулятивными механизмами, а также определяется место ценностей в разных сферах общества [7, с. 11]. Социологи пытаются ответить на вопросы о том, что происходит с ценностями на протяжении жизни общества, какими социальными процессами обусловлена смена ценностей, и др. С позиций

культурологии, ценности – это результат человеческой деятельности и вся культура понимается как совокупность ценностей. Так, П. А. Сорокин определял культуру как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [8, с. 117]. Важное место занимают ценности и в *социальной психологии*, где они трактуются как социальное явление, продукт жизнедеятельности общества и социальных групп, где исследуются ценностные ориентации и устанавливается их иерархия [9, с. 85–86]. В *педагогической* деятельности важно понимание ценности как идеала, принятого личностью, как значимого для нее явления, понятия, установки [6, с. 146]. В *аксиологической лингвистике*, или лингвистической аксиологии, систематически осмысляются категория оценки, а также ценности культуры как «доминанты сознания и поведения в концентрированном виде» [10, с. 8]. Таким образом, на рубеже тысячелетий идут активные исследования ценностей в разных науках, на основе различного материала, выявляются критерии отбора ценностей, подлежащих изучению.

Несмотря на длительный период изучения, в современной науке отсутствует унифицированный подход к дифференциации ценностей, а также нет единых критериев для их классификации (см. подр. [11, с. 19–22]). Выделяются виды ценностей по сферам бытия (ценности природы, культуры, социума), способу существования (материальные, духовные, духовно-материальные), содержанию (вещные, этические, эстетические, логические), значимости в жизни человека (бытийные ценности, ценности потребления) и т.д. Некоторые лингвисты, например, А. В. Голованова, предлагают различать *этические (нравственные), эстетические, утилитарные, гедонистические* ценности [12, с. 6]. С формальной точки зрения, ценности подразделяются на *позитивные и негативные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные* [13].

Таким образом, в современной науке нет единой классификации ценностей, поскольку они исследуются с различными целями и с различных точек зрения, нет и четкого терминологического определения категории «ценность», т.к. в зависимости от исследовательского подхода под «ценностями» понимают *ориентеры, нормы, идеалы, ожидания, идеи, представления, цели, отношения, принципы, верования, убеждения, потребности, стандарты* и т.д.

Исследователями было установлено, что ценности и устойчивы, и подвижны одновременно. Их динамичность обусловлена не только культурой, но и конкретной исторической эпохой. Так, в античной Греции преобладали эстетические ценности, в средневековой Европе – религиозные. На территории Беларуси и России за последний век несколько раз сменились ценности. Так, на этапе становления советского общества преобладали идеологические ценности – воинские доблести в борьбе за социалистическое отечество, храбрость и бесстрашие, готовность пожертвовать жизнью ради нового государства. На этапе индустриализации на первый выдвинулась героика труда (передовики-стахановцы, девушки-трактористки). В брежневскую эпоху основными ценностями стали стабильность, повышение уровня жизни – «догнать и перегнать Америку», развивается двойной морально-ценностный стандарт. В наше время главными ценностями в обществе, навязываемыми СМИ, становятся деньги и потребление, т.е. *антиценности*.

В XX в. проблема моральных пороков получает развитие в трудах Николая Гартмана, который рассматривает «этику неценностей» (нем. *Unwertethik*) под углом зрения «ценностных противоположностей», а именно: противоположности позитивной (добродетель) и негативной (порок) [14, с. 536].

В настоящее время в связи с актуализацией теолингвистического направления исследований возник интерес к феномену моральных пороков, осмысление которого породило своеобразную «аксиологию

порочности» – «совокупность представлений о ценностном значении и содержании моральных пороков в истории культуры» [15, с. 22].

Т. А. Светоносова приходит к выводу о том, что ценность имеет биполярную структуру: каждой ценности соответствует антиценность. Антиценности носят антиномический характер и рассматриваются как понятия, отрицающие ту или иную ценность [16, с. 7]. На наш взгляд, список семи смертных грехов (лат. *septem peccata mortalia*) также следует причислить к категории «антиценность», т. к. существует противоположный ему список семи добродетелей (лат. *septem virtutes*).

Следует отметить, что не все исследователи принимают понятие «антиценности». Так, В. П. Тугаринов считает, что ценности не могут быть отрицательными, т.е. антиценностями, т.к. само понятие «ценность» содержит только позитивную оценку [17, с. 260].

Согласно Сократу, ценности существуют вне субъекта и определяют поведение субъекта как его цель, следовательно, ценность имеет положительную оценку. Г. Г. Слышкин, выделяя ряд различий между философской категорией ценности и соответствующей лингвистической категорией, отмечает, что философия рассматривает преимущественно положительные ценности, тогда как в лингвистике внимание исследователей постоянно обращено как к ценностям, так и к антиценностям [18, с. 78].

В литературе, посвященной аксиологической тематике, используются термины «ценность», «псевдоценность», «квазиценность», «антиценность» (см., например: [19, с. 59; 20, с. 231–234]). Ценности и антиценности представляют собой крайности, а квази-, псевдоценности занимают промежуточное положение. В качестве примеров квазиценностей исследователи приводят ошибки, заблуждения, ненадежную информацию, нумерологию, оккультизм, недостоверные факты, непроверенную информацию и др., а антиценностей – жадность, враждебность, агрессивность, осквернение и разрушение среды обитания, наркоманию, алкоголизм и др. [20, с. 257; 21, с. 257]. Псевдоценности и антиценности «антисоциальны»,

поскольку они представляют собой опасность и вред обществу, несут угрозу деградации и даже уничтожения человечества [20, с. 257].

Учитывая вышесказанное, заключим, что антиценности – это те негативные установки, которые противостоят тому, что устанавливается этическими и моральными ценностями, которые регулируют и направляют поведение людей в обществе. В таком ключе антиценности представляют собой ряд отрицательных, а иногда и опасных установок, которые обычно не получают поддержки со стороны общества. Антиценности угрожают ценностям, на которых основана жизнь в обществе, таким как уважение, честность, ответственность, солидарность [22, с. 48]. Иными словами, негативную ценность в аксиологии принято называть «антиценностью». «Существование, которое приближает нас к абсолютной полноте жизни, есть положительная ценность, а то, что отвлекает от нее, – отрицательная ценность» [23, с. 298].

Таким образом, на сегодняшний день в гуманитарных науках нет единого определения ценностей, не выявлены языковые средства их репрезентации, не выделены основные типы ценностей, отсутствуют методы и приемы их исследования. Решение вопросов изучения аксиологической картины мира, а также проблем моделирования ценностей следует искать на пересечении нескольких подходов: лингвокультурологического, лингвоаксиологического и лингвоконцептологического [11, с. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рихальский, А. А. Феномен ценностно-ориентированной научной деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.08 / Рихальский Андрей Андреевич ; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 18 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант / [Пер. с нем. Н. Лосского]. – М. : Мысль, 1994. – 592 с.
3. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт : [Сборник: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова. – М. : Республика, 1998. – 410 с. – (Мыслители XX в.).

4. Герасимович, О. В. Восточнославянская семантическая аксиология (*вера, надежда, любовь*) / О. В. Герасимович. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 245 с.
5. Шохин, В. К. Аксиология / В. К. Шохин // Философия : энцикл. слов. / Под ред. А. А. Ивина. – М., 2004. – С. 22–25.
6. Дьячкова, М. А. Понятия «ценность» и «духовно-нравственные ценности» в педагогике / М. А. Дьячкова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 12. – С. 141–149.
7. Пермякова, Т. В. Образование как ценность : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.06 / Пермякова Татьяна Владимировна ; Урал. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург, 1999. – 23 с.
8. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 544 с.
9. Елишев, С. О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте / С. О. Елишев // Ценности и смыслы. – 2011. – № 2. – С. 82–96.
10. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград. гос. пед. ун-т ; Н.-иссл. лаб. «Аксиол. лингвистика». – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
11. Маслова, В. А. Региональная лингвистика как наука о региональном языке и ценностях. Язык как главная ценность / В. А. Маслова // Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов. Коллект. моногр. / Под ред. В. А. Масловой, М. В. Пименовой. – Минск : УП «Энциклопедикс», 2017. – С. 8–70.
12. Голованова, А. В. Ценности и оценки в языковом отражении: На материале русского и польского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Голованова Анастасия Владимировна ; Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2002. – 16 с.
13. Ценность (в философии) / Викинаука [сайт]. – URL: [https://science.fandom.com/ru/wiki/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_\(%D0%B2_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8\)](https://science.fandom.com/ru/wiki/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_(%D0%B2_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8)). (дата обращения: 16.07.2024).
14. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман / Пер. с нем. А. Б. Глаголева. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 707 с.
15. Назаров, В. Н. Аксиологический смысл моральных пороков / В. Н. Назаров // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тула. – 2017. – № 1 (21). – С. 22–32.
16. Светоносова, Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: дисс ... канд. филос. наук : 10.02.20 / Светоносова Татьяна Александровна ; Екатеринбургский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – 174 с.

17. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов // Избранные философские труды. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 334 с.
18. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 323 с.
19. Кадачиева, Х. М. Ценность как философская и лингвистическая категория / Х. М. Кадачиева, А. Б. Абдулкадырова // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 4–3. – С. 54–68.
20. Борзенко, И. М. Основы современного гуманизма : учеб. пособие для вузов / И. М. Борзенко, В. А. Кувакин, А. А. Кудишина [и др.]. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 381 с.
21. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 293 с.
22. Ильина, В. А. К вопросу о классификации ценностей и антиценностей / В. А. Ильина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3 (858). – С. 46–53.
23. Лосский, Н. О. Ценность и бытие / Н. О. Лосский. – Москва : АСТФ, 2001. – 864 с.

К. И. Иванов
Минск, Беларусь

**ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧЕВЫХ ПАРТИТУР В ПЬЕСЕ ЙОРДАНА
РАДИЧКОВА «ОБРАЗ И ПОДОБИЕ» И ЕЕ ВОССОЗДАНИЕ
В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК НИКИ ГЛЕН**

В статье исследуются болгарский и русский тексты пьесы Йордана Радичкова «Образ и подобие» и оценивается степень семантической и стилистической адекватности средств воспроизведения «речевых портретов² персонажей в зависимости от их социального и коммуникативного статуса.

Ключевые слова: драматургический перевод, речевой портрет, коммуникативный статус, стилистическая адекватность.

K. Ivanov. Variability of speech scores of characters in Jordan Radichkov's play "Image and Likeness" and its reconstruction in Russian translation by Nicky Glen.

The article examines the Bulgarian and Russian texts of Yordan Radichkov's play "Image and Likeness" and assesses the degree of semantic and stylistic adequacy of the means of reproducing the "speech portraits" of the characters depending on their social and communicative status.

Keywords: dramaturgical translation, speech portrait, communicative status, stylistic adequacy.

Текст пьесы Йордана Радичкова «Образ и подобие» появился впервые в 1986 г. во втором номере журнала «Съвременник» («Современник») [1, с. 283], но прочитать оригинальный текст смогли только непосредственно участвовавшие в печати люди, поскольку уже отпечатанные экземпляры были уничтожены, а автору было предложено убрать моменты, вызывающие беспокойство тогдашней власти в Болгарии. Именно в таком усеченном виде и появился текст пьесы, начинающийся со сцены, в которой король Ричард III встречает дровосека и предлагает ему отдать своего коня и получить в замену королевство и корону. В отличие от драмы Шекспира, здесь обмен был совершен. Недовольство власть имущих было вызвано склонностью

крестьянина, ставшего королем, фотографироваться, а это прозрачно намекало на слабость тогдашнего «первого лица» Болгарии и Коммунистической партии Тодора Живкова. Прямая аналогия могла вызвать и другие «опасные» ассоциации, учитывая то, что в целом текст воспринимается как притча-аллегория о безграничной власти, а последние реплики в нем принадлежат Боженке («Вы видели – так короли по образу и подобию своему *творят* (в оригинале – *въздигат* (возвышают, поднимают ввысь) свои королевства!») и Сатане («Вы видели – так короли по образу и подобию своему *губят* (в оригинале – *съсипват* (уничтожают, опустошают) свои королевства»). Удивительна судьба этого произведения Радичкова еще и потому, что в русском переводе Ники Николаевны Глен, опубликованном в журнале «Иностранная литература» (№3, 1990 г.) [2, с. 112–147], во время «перестройки», купюры были возвращены на свое место. Переводчица по своим соображениям сократила другие части текста, вероятно, посчитав, что они не столь важны для русскоязычного читателя. Оригинальность стиля в рассказах и пьесах Радичкова, переплетение смешного и невероятного, грустного и веселого, реального и фантастического, возвышенного и комического, красивого и ужасного, многообразие языковых средств привлекают внимание исследователей и с точки зрения оценки адекватности их передачи в переводах. Сопоставительный анализ оригинального текста пьесы «Образ и подобие» и его русскоязычного соответствия поможет раскрыть элементы творческого подхода Ники Глен и общие закономерности, определяющие выбор конкретных переводческих решений.

1. «Речевые костюмы» и регистры действующих лиц в разных ситуациях общения. Индивидуальность и типичность коммуникативного поведения. Сценическая речь обычно реализуется в форме монолога, диалога или полилога. В пьесе «Образ и подобие» интерес вызывают изменения в языковом оформлении речи персонажа, представленного в перечне действующих лиц как *Дървар, по-късно крал* (Дровосек, позже – король). До встречи с действующим королем Ричардом III «оборванный дровосек,

который дергает тянущуюся за ним веревку», произносит монолог, чьим молчаливым слушателем является предмет будущего обмена – конь. Лексикон и синтаксическое оформление текста несут яркую разговорную окраску: *Еее, коньо...* Виж слънцето как *прежурия*, може и да завали! *А пусто* сечище далече!... Кога ще стигнем, коньо, *дявол знае!* Не ми остана време дори едно *кошле* сено да взема. Какво сено само накосиха господарските косачи, какви копи напластиха! А аз беднякът, *и глупак отгоре на това*, дори едно кошле не *смогнах* да си взема от господарското сено!... *Че как да смогна*, коньо, и за дърва, и за сено! *Не съм със сто ръце!...Пуста* прахан! В *пикня* и в пепел я варих и пак *не ще* да хваща! Хайде, коньо, *дий!* Стига сме *се туткали* тук на пътеката! *Дий! Дий, че път ни чака!* Разговорность в переводе передана экспрессивной и просторечной лексикой: *коньо* (звательная форма) – ‘коняга’ (прост.); *пусто сечище* – ‘лесосека чертова’ (с инверсией определения и определяемого); *и глупак отгоре на това* – ‘и дурак в придачу’; *че как да смогна* (‘успеть сделать, добиться’) – ‘но где уж мне успеть’; *пуста прахан* – ‘чертов трут’; *стига сме се туткали* (*туткам се* ‘мотаться, волочиться, не торопиться’) – ‘довольно (нам) прохлаждаться’; *дий* – ‘Н-но!’. В некоторых случаях добавления в структуру фразы привносят разговорность в местах, в которых оригинал стилистически нейтрален: *виж как слънцето прежурия, може и да завали* (букв. ‘смотри как солнце печет, может еще дождь пойдет’) – *вишь*, жарит *до чего*, *глядишь*, еще и дождь в дороге нас застанет; *не съм със сто ръце* (букв. ‘у меня – не сто рук’) – *небось*, руки-то две, не сто *пар* (усиление гиперболизации) *рук!*...; *господарските косачи* – ‘господские косари’; *едно кошле не смогнах да си взема* – одной охапкой сена *господского* и *то не поживился*. Лексикон дровосека красноречиво говорит об его повседневной жизни: *сечище*, *кошле*, *сено*, *прахан*, *пикня*, *пепел* – ‘лесосека’, ‘охапка сена’, ‘трут’, ‘моча’, ‘зола’.

В следующий момент с другой стороны сцены выбегает король Ричард. Реплики знакомства сразу указывают на социальные различия, отражающиеся и в их коммуникативном статусе: *Ваша светлост, кой сте вие? Какво ви е?*

(букв. 'Кто Вы? Что с Вами?') – *Аз съм крал Ричард... Предлагам цялото си кралство срещу твоя кон!* – Ваша светлость, из чьих будете? И что с вами стряслось? – Я король Ричард... Предлагаю королевство за твоего коня. Вопросы дровосека при этом являются вполне стереотипными этикетными формулами, но в переводе видим разговорно-просторечные: из чьих будете; что с вами стряслось).

Неравнопоставленность в общении подчеркивается постоянно в ходе диалога, но в обращениях короля есть и вариативность: *Несретнико, какво говориш!* – Несчастный, что ты говоришь; *Не бягай от късмета си, нещастнико* – Не упускай своего счастья, бедный человек; *Бъди честит, бедняко, с кралската корона* – И тебе, бедняк, удачи с короной королевской. В переводе прослеживается тенденция к увеличению стилистического контраста, так текст становится более насыщенным экспрессией (хотя и так степень эмоциональности речи короля высока, в ней много слов-качественных характеристик с отрицательной оценочной коннотацией – *простаци нагли, глупаци разни, кучите му синове и празноглавци, нищожество* – 'наглецы', 'болваны', 'пустые головы и сукины сыны', 'ничтожество'); есть элементы высокого стиля (постпозиция определения – королевство мое, архаизм *доселе*), совпадение оценочного компонента при некотором расхождении в значении (*чапкънин* – 'развратник', *бабник* – мошенник, жулик, ловкач): ни один от тези чапкъни не пожела *прохиндей* да вземе кралството ми – ни один из этих прохиндеев не пожелал доселе королевство мое взять за коня: *Късмет ще имаш* букв. 'Будет у тебя удача, тебе повезет' *ти, бедняко, ако ми отстъпиш коня си. Късмет ще имаш – наместо кръпка кралски герб на дрехата ти ще стои.* – Счастливый жребий тебе, бедняк, достанется, если отдашь мне своего коня. Счастливый жребий, ведь королевский герб вместо заплаты твою одежду будет украшать (в оригинале – 'будет на твоей одежде'). Кумулятивный эффект достигается и за счет повтора однокоренных и повелительных глагольных форм: отдашь, дай, отдай же, уступи при большем разнообразии в оригинале: *ако отстъпиш, дай коня си, склони най-сетне, ако се освободиш.*

В следующих сценах экспликация внутренней речи новоиспеченного короля в виде монологов показывает, как он приходит к осознанию своей новой позиции в обществе: через сомнение и недоверие к требованию обеспечить все атрибуты королевской власти: *Възможно ли е? Не сънувам ли? – Неужто в самом деле?...Может, мне приснилось?; Аз – крал!...Не може да бъде! – Я – король!... Не может быть; Хубав крал, няма що! – Хорош король, ничего не скажешь; Аз крал!... Не мога да повярвам. – Я король!... Поверить страшно; Аз крал?... Истина ли е това? Ако съм крал – къде е свитата ми?... Къде са царедворците!...Съветниците ми къде са! Боже, тази музика дали не е за коронасването ми!...Ей, аз, кралят, питам – къде са царедворците, къде е свитата ми? – Я король!., Это правда? Если я король – где же моя свита? Где царедворцы? Где мои советники? Господи, а вдруг это музыка в честь моей коронации? Я, король, спрашиваю: где царедворцы, где моя свита? Здесь перевод достаточно точно следует за оригиналом, но иногда звучит более драматично: *Не мога да повярвам* ('не могу поверить') – Поверить страшно.*

В сцене третьей герой уже обозначен автором как *Король*, но он еще не убежден, что состоявшийся обмен выгоден для него. Процесс незавершенной трансформации показан в размышлениях героя, оформленных и в содержательном плане с позиции человека из народа: *Губиш коня, но в замяна на това пък вземаш цяло кралство, вземаш трон. Печели ли човек, с печалбата той неща и изгубва. Две добрини на едно място не се събират. Въпросът е оттук нататък да не губиш. – Теряеш коня, зато получаеш целое королевство, получаеш трон!.. Ничего не поделаеш, кругом хорошо никогда не бывает!.. В одном выиграеш, в другом тут же и проиграеш. Вся хитрость в том, чтоб дальше не проигрывать! Разговорность в переводе представлена шире – и словами (*зато, чтоб*), и оборотами (*ничего не поделаеш, кругом хорошо не бывает, вся хитрость в том*). Стиль изложения новоиспеченного владельца в оригинале более ровный и сигнализирует о предстоящих изменениях в его коммуникативном поведении. *«Кой всъщност ще ми покаже кралството?»* (Кто же все-таки*

мне его <королевство> покажет?)» – спрашивает он. Пришло время появиться придворным, и они входят, одетыми в разных тогах – серой, белой, желтой, голубой, оранжевой, зеленой. Сразу уточняются роли и параметры общения между советниками-тогами и новым королем. Статусные различия постоянно присутствуют в обращении советников: *Ваше величество*. Подобострастие, угодничество и одобрение всех действий и слов монарха сквозят во всех репликах советников: *Мы к Вашим услугам; Да, так и есть; Вы правы; Ваше Величество! В этих словах нам видится величие; Вы совершенно справедливо заметили; Мы можем только приветствовать вашу идею насчет собственной вершины; Очень остроумная идея! Остроумнее и быть не может! Ваш острый ум просто поразил нас своим остроумием! Как вы только об этом додумались?* Высказывания часто насыщены гонористическими формами: *От името на кралския съвет бих ви помолил, ако благоволите, да посадите едно дръвче!* (От имени королевского совета я попросил бы вас соблаговолить посадить деревце!). Передать все эти нюансы в переводе – задача несложная и она переводчицей решена успешно. В двух случаях эффект повышения коммуникативного статуса усилен расширением грамматической транспозиции: *както Негово величество справедливо отбеляза* (3 л., ед. ч.) – как справедливо Их величество отметили (3 л., мн. ч.); *Негово величество постоянно ни предупреждава* – Их Величество постоянно нас предупреждает. Меняется также и языковой репертуар короля – в начале он больше задает вопросы, но потом учащаются директивные и оценочные высказывания: *Надо забор поставить крепкий и сделать надпись, что донам и кихотам вход воспрещен! Мельницу пусть охраняют и днем, и ночью, и посмотрите там, нельзя ли ее смазать!; Надо пугала поставить! Поставьте и доложите!; Это хорошо, что ветер у нас мелет зерно для королевства, что вы ветер на ветер не бросаете!; Это очень важно, мои советники-министры, чтоб королевство вызывало интерес. Советникам иногда разрешается выступить от имени монарха: Дорогие подданные! От имени и по поручению Его величества короля объявляю*

Недовольно открытой! Поздравляю подданных с замечательным подарком! Последняя фраза: *Да ни е честита новата придобивка!* с незначительным изменением звучит позже и из уст короля по поводу объявления серого основным цветом королевства (остальные временно отменяются): *Поздравявам всички с новата ни придобивка! Да ни е честита новата придобивка! Нека с третите петли се възвести промяната на кралството ми в сиво! Това е акт от историческо значение!* Здесь перевод звучит более пафосно и высокопарно: *Поздравляю всех с нашей новой победой! Да возвестит пение третьих петухов начало серой эры в жизни королевства! Это событие исторического значения!* Советники и король в общении с народом говорят одними и теми же словами, представляя дискурс власти. Ироническая и не очень лестная оценка качества этого дискурса дана в ответе, который дают советники на вопрос короля «много ли слов употребляют в нашем королевстве»: «Мы употребляем их по потребности. Когда где-либо образуется зияние и его нечем заполнить, мы заполняем его словами. И соседние королевства точно так же поступают. Если между королевствами возникают трения и трещины, то эти трещины надлежит словами заполнять». Слово *зияние* соответствует оригинальному *празнина* (пустота), но оно в русском языке чаще используется в значении лингвистического термина «стечение гласных». У Й. Радичкова слово выглядит более материально и имеет преимущественно пространственные параметры.

Речевой образ Подданного реализуется в разных вариантах. Это: *Женицина, которая едет на воды; Девушка, племянница Женицины; Первый верноподданный и Второй верноподданный.* Традиционные инициальные этикетные секвенции в диалогах показывают, что монарх приспосабливается умело к ситуации общения: *Помага Бог, кралю честити! Помага Бог на всички ви! – Дал бог добро!..* (Бог в помощь, король честной! Бог в помощь всем вам! – Спаси бог!). Следует отметить, что и в пятой, и в седьмой сцене один из участников «пары подданных» делает замечание другому о неуместности слов, произнесенных в присутствии короля: *А ти мълчи, пред*

крал глупости не говори! – А ты молчи, при короле глупости не смей болтать!;
Ама какво приказваши ти пред краля! – Ну что ты такое говоришь королю!

Общение равных по статусу партнеров представлено в шестой и одиннадцатой сценах пьесы. В диалог вступают переносчики земли – Первый и Второй (*Носачи на пръст*). Навязчивое повторение словосочетаний *Носач на пръст*, *Всеки носи пръст*, *С бързана това не става* должно подчеркнуть абсурдность ситуации, в которой, по идее короля, надо копать землю на одной половине королевства и перебрасывать на вторую половину «чтоб превратить ложбину в горы» и «это возвысит нас в глазах всех прочих королевств». Читатель и зритель легко догадаются о схожести подобного мероприятия с трудом Сизифа. Точность в переводе двух диалогов носильщиков земли важна еще и тем, что особая значимость приема повторений для его стиля декларируется самим автором: «Повторение – особая черта в психике нашего народа. Много историй я слушал и всегда обращал внимание на то, что о значимых вещах обычно говорится мимоходом, на цыпочках, а то, что незначительно – повторяется, иногда ему уделяется большое внимание, но это дает возможность для передышки, для отдыха, создает место для размышления» [3, с. 213]. Следует отметить, что переводчица не придерживается в упомянутых диалогах строго текста оригинала – количество повторов ключевой лексики *пръст* (земля) не совпадает – два раза сочетание *носач на пръст* пропущено, один раз не передается целая фраза с ним: *Нека пръстта не е кахър* (Пусть земля не будет проблемой), в другом случае выражение перифразировано: *И ти ли, побратиме, си носач на пръст?* – И ты, браток, повинность эту отбываешь? Разнообразие видим и в передаче фразы *С бързана това не става!*: 1. В этом деле поспешишь – людей лишь насмешишь! и 2. И ты не слишком-то спеши! Вариативность в оригинальном тексте есть, но именно в этих местах переводчица выбирает путь идентичного повтора: *Добра среща, побратиме!* – *Дал бог добро, побратиме!* – *Доброго здоровья, браток!* – И тебе того же, *браток!*; *Добър ти път по стръмното нагоре* – *И на теб, побратиме, добър*

ти път!: – Счастливо тебе вершину одолеть, браток! – И тебе, браток, счастливо!; – *Добра среща, приятелю! – Дал бог добро, приятелю! : Доброго здравья, браток!* – И тебе, браток, того же!; – *Лек ти път! – На теб поллек!* – Спускайся вниз, счастливо! – Твой путь навверх, тебе счастливо! Представляется, что замена обращения, по идее автора, показывает укрепление чувства солидарности и общей судьбы у носильщиков.

Расщепление коммуникативного типа в лицах-представителях сопровождается в тексте пьесы и обратным явлением. В списке действующих лиц есть два персонажа, речевой портрет которых складывается из контрастных стилистических пластов, привлекает склонностью к ситуативным превращениям – *Дядо Боже, грънчар* (Боженька, гончар) и *Сатаната, огняр, помощник на дядо Боже* (Сатана, кочегар, подручный Боженьки). Кроме того, они – представители другой эпохи: *Кои сте вие? – От паметивека идем!.. То нашето не е и път, а цяла епопея.* – Кто вы такие? – Из незапамятных времен мы прибыли! Про наши странствия рассказ показался б вам слишком долг. В репликах Боженьки отчетливо видны 1. позиция Создателя (*Навсякъде настъпи скука, след като в хаоса турих ред. – В хаосе я навел порядок, и всюду воцарилась скука; Днес всеки склонен е душата си да мъчи, но тялото си – не!..Тялото сега стои над всичко!..* – Нынче каждый склонен, попирая душу, чтить тело. Тело нынче царит над всем!) и 2. позиция Ремесленника (Гончара) (*Бях Бог, истина е, но сега съм детрониран в прост грънчар. Това с всеки детрониран става.* – Да, правда, я был богом, но престол мой опрокинут, и я теперь простой гончар. С теми, кого лишают трона, – обычная история!). В словах Сатаны видим 1. Начальника Ада: Когда пошел я с адом попрощаться и бросить на него последний взгляд, он весь был скован стужей, но и 2. Подручного Боженьки: Вот, Боженька, возьмите! Еще глоток, и дрожь в пальцах как не бывало. В речи Сатаны и Боженьки встречаются архаизмы: *Мир вам!; потреба, съсѣд, преизподня, уметност*, но главным средством стилизации можно считать ненормативный порядок слов: *Можем на кралството грънчарите да бъдем* (вм. *Можем да бъдем грънчарите на*

кралството); *Преди много векове било е* (вм. *Било е преди много векове*); *Небето невежеството свърза с душата си* (вм. *Невежеството свърза небето с душата си*); *Излезе невежеството от черупката си, взе да потиска воплите и несъгласията на душата* (вм. *Невежеството излезе от черупката си*). Порядок слов в русском языке отличается меньшей степенью фиксированности по сравнению с болгарским. Поэтому инверсивные аномалии представлены частично в переводе или заменены другими структурами: Мы станем гончарами при вашем королевстве; Случилось это много веков назад; Небеса невежество связало со своей душой; Невежество, расправив плечи (расправить плечи – так переводчик передает смысл фразеологизма *излизам от черупката си*, букв. ‘выходить из своего панциря; раскрыться для общения, дать внешнее выражение своих чувств и мыслей), теперь плюет на (в оригинале – *стало подавять*) вопли и возражения души.

Выразительные средства в репликах героев отражают те стилистические свойства, которые увидел переводчик при восприятии микротекста. В словах *Голубой тоги*, обобщающих казус «выбор места поудобней для королевства нашего» обязательно использование разных глаголов зрительного восприятия: *Западните на изток постоянно гледат, източните са се втренчили на запад, северните на юг очи обръщат, южните към севера поглеждат. Чуждото яйце изглежда по-голямо!* – Западные королевства постоянно на восток *смотрят*, восточные *установились* на запад, северные *заглядываются* на юг, южные – на север. Чужой каравай всегда больше своего кажется!

2. Текст и подтекст пьесы «Образ и подобие» в интерпретации переводчицы. Семантические потери и приращения. Трудно определить жанр пьесы «Образ и подобие» Йордана Радичкова. Сам он назвал ее «хроникой», но по характеристикам ее спокойно можно причислить и к гротеску, театру абсурда, фантастической сказке. Причиной тому – яркая творческая оригинальность, изобретательная фантазия, ирония, остроумие. Они проявляются в богатстве языка, в многочисленных интертекстуальных связях, создающих ассоциативный подтекст. Сам по себе драматический

текст таит много специфических требований, усложняющих его воссоздание средствами другого языка. Прагматический аспект перевода при этом приобретает особую остроту и выражается в специфических переводческих трансформациях. Как решаются эти вопросы в переводе Ники Глен?

2.1. Новаторское словотворчество и окказиональная сочетаемость слов.

Сюжеты в пьесе, сочетающие реальность и фантастику, предрасполагают к языковой игре. Одна из идей короля – «создать место, где подданные могли бы свое недовольство высказать, открыть то ли говорильню, то ли недовольню». В оригинале нововведение предлагается назвать *викалия* (от глагола *викам* – кричать) или *недовольница*. Оба слова созданы по существующим моделям с соответствующими суффиксами (напр. *бакалия* – магазин для продажи товаров первой необходимости; *месарница* – мясной магазин). В переводе одно из предложенных слов – реально существующее, с иронической коннотацией и, к тому же, именно оно задает структурную схему для образования другого. В следующих случаях реализуются разные подходы к решению задачи: 1. Калькирование: *тя кралството ще оскрибуца* – она все королевство обскрежещет; 2. Передача нормативными словами: *адовница* а) адская кухня, б) пекло; 3. Описание: *правокраки* идеи – с прямыми ногами; 4. Создание неологизма: *насам някакъв луд рицар се бе наскитал – пристранствовал* к нам в королевство один рыцарь; 5. Нулевой перевод: *Сатана такава! Осатани ме ти!* 6. Конверсивная замена (имя прилагательное, вместо наречия; двусоставное, вместо односоставного безличного предложения): *Много е откъснато, полуостровно и диво е*. – Очень уж на отшибе этот край, к тому же он слишком **полуостровной** и дикий).

2.2. Изменения, вызванные адаптацией текста к особенностям принимающей культуры. Перевод единиц с национально-культурным компонентом содержания.

2.2.1. Перевод идиоматики. В текстах Йордана Радичкова часто можно встретить фразеологизмы. При этом они могут быть в своей узуальной форме, и тогда переводчик обычно пользуется традиционными способами передачи смысла. Больше проблем возникает в случаях с заменой компонента, близкого

по значению, поскольку возникают ассоциативные связи между формально похожими свободным и устойчивым словосочетанием. Важно ли это для нового читателя или нет, должен оценить переводчик. Многое зависит от наличия в переводящем языке фразем с подобными формой и значением. В анализируемых текстах такие случаи есть: *Тук старата Европа се е настанила. Тя тъй е натъпкана с кралства, че няма къде игла да се забие* (усеченная фразема: *Игла* (вариант: *яйце*) *да хвърлиш, няма къде да падне*). – Здесь старая Европа расположилась. Она и так битком набита королевствами, иглу и ту не всунешь (при наличии фраземы: *Яблоку негде упасть*); *Всеки тук към своята тога тегли, за своя цвят държи* (опора на фразему: *Дърпам (тегля) чергата към себе си* (букв. ‘тянуть половик, коврик <которым укрывались раньше ночью в деревне> на себя’; действовать в своих интересах, к своей выгоде) – Тут каждый на себя тогу тянет, на своем цвете стоит (с опорой на 1) ‘тянуть одеяло на себя’ и 2) ‘стоять на своем’). Есть случаи, в которых второй семантический пласт остается незатронутым: *Притеснено е, обувката наистина ни стяга! Но мигар само нашето кралство само стяга! Всяко кралство от нещо притеснено е и все някъде обувката го стяга* (опора на фразему: *Стяга ме чепикът (обувката)* – ‘я расстроен, у меня большие неприятности’ и на однокоренные слова: *тясно* и *притеснявам* (создаю неудобства кому-либо) – Тесно, жмут нам наши сапоги. Но разве только нашему королевству тесно? Всем сапоги хоть где-нибудь да жмут! Сохранить эмоционально-экспрессивную окраску текста помогает замена фразеологизма лексемой из жаргона: *Тя, таковато, разгони фамилията на кралството. На малко кралство и една идея само е достатъчна, за да му таковато фамилията*. – Она это королевство враз и уконтропутила. А коли королевство маленькое – много ли ему надо? Вот одной идеи и хватило, чтоб его уконтропутить. Стилистическая адекватность достигается за счет использования наличных ресурсов языка перевода в местах, где это возможно. Невозможно найти русские соответствия фразеологизму со значением «разогнать, расправиться жестко с кем-либо» и просторечному слову, универсальному

заменителю любого другого слова *таковато*, но в других местах фразы находим просторечные враз, коли, чтоб, уконтропупить (ограничить, подавить, уничтожить кого-либо или что-либо – слово использовал Вл. Высоцкий в песне «Возле города Пекина»). Особо важно передать все нюансы подтекста, когда обыгрывается внутренняя форма паремии: *Изпускам питомното, за да гоня дивото!* (Выпускаю прирученное, чтобы гнаться за диким). Нужно целостное преобразование текста на основе подобной по смыслу единицы в переводящем языке: *Ще ни съпоставят те! По цял ден зяпат дивото, обаче защо не идат да легнат вечер с негодивото, ами при нас се прибират! При питомното идат, защото като спят с питомното, то покрай него може и те малко да се опитомят!* – Целыми днями пялят глаза на журавушек этих, на русалок, да только вечером не с ними ложатся, а к нам приходят, к синицам, Журавль-то в небе, а синица в руках! А как с нами поспят, глядишь и опомнятся, на землю спустятся.

В переводе пропущен целый фрагмент диалога Короля и Женщины, основанный на омонимии глаголов со значениями перестирать и спорить – *препирам се*. В результате читатель перевода не узнает, что спорить с кем-либо – пустое дело, спор между двумя женщинами закончился дракой между ними, а еще хуже, когда спорят королевства и никто из них не уступает, тогда они хватаются за грудки (*хвацат се за гушите*). Изменена и грамматическая форма в предложении: *Това са Индиите*. – Это Индия. Таким образом, становится ненужным объяснять, что в средние века многие считали, что Индий на самом деле три, все они – сказочно богатые страны, а правит там христианский князь. Прагматическая адаптация распространяется и на ремарки, описывающие действия героев, если они могут вызвать непонимание читателя и зрителя. Так «плевок в пазуху» (*плюя си в пазвата*), формально описывающий и в виде фразеологизма номинирующий для болгар состояние «успокаиваться после сильной угрозы», заменен на более понятный для иностранной аудитории невербальный акт «креститься».

2.2.2. *Перевод лексем, обозначающих реалии.* Текст пьесы «Образ и подобие» воспринимется как обобщенная аллегория-притча об отношениях

власти и народа. Поэтому логически понятны трансформации, происшедшие в переводе с лексемами, обозначающими тесно связанные с культурой и бытом болгар реалии: *водни вампири и таласьми* – водяные духи и бесы водяные; *на краката ни цървули* (кожаная национальная обувь) *не останаха* – всю обувь давно уже сносили; *самодиви* (мифологические существа в болгарском фольклоре, которые выглядят как красивые молодые девушки) – русалки, закономерно появляется и соответствующий окказионализм, для номинации гипотетического мужского варианта такого существа – *самодив* – русал. Перенесена лексема *балкани*, но с дополнением, раскрывающим аппелятивизацию имени: *Балкански полуостров. Кралствата са пълни с балкани*. – Балканский полуостров. Королевства набиты горами, по-ихнему **балканами**.

3. *Стилистические проблемы перевода пьесы «Образ и подобие».* Сценичный диалог – особый случай произносимой речи. Перевод драматургического произведения отличается особой мерой точности, учитывающей не только языковые проблемы, но и специфику жанра (наличие двух типов текста – диалог и ремарки), национальный характер употребления некоторых стилистических приемов, влияние особенностей быта, традиций, национального мышления, порождающих самобытные вкусы и отношение к театру. В переводе пьесы Й. Радичкова очень важно было передать характеристики стиля речи персонажей, порожденные комплексом социальных признаков, тем более, что в речевой практике некоторых героев можно различить две стилевые струи. Можно сказать, что в целом Ника Глен справилась с этой задачей. Ей удалось в большинстве случаев передать и отношение персонажей к тому, что они говорят, придавая модальную окраску репликам. Наряду с этим, нельзя не отметить и некоторые отклонения при переносе стилистических ситуаций оригинала в язык перевода:

1. Нивелирование (обеднение) выразительных особенностей: *Харесва ми, че всички цветове в кралството ми се оглеждат, по този начин те един друг си помагат, подкрепят се и се допълват.* – Мне нравится, что в нашем королевстве собрались все цвета и даже помогают один другому. Высказывание

Короля звучит менее ярко – в оригинале – 4 глагола, в одном из них есть образный компонент: *оглеждат се* (смотрят друг на друга), *помагат си*, *подкрепят се* (поддерживают друг друга), *допълват се* (дополняют друг друга). В переводе – два, стилистически нейтральных глагола; 2. Семантический сдвиг(ослабление броскости) в представлении смыслового инварианта: *У тях по два или три цвята най-много да се видят, но тъй силно избелели, че трудно ще ги различите кое **цикламено** е, кое, **розово** кое **нембено**.* – У них всего-то и увидишь два, ну самое большое три цвета, да и ни так выцвели, что трудно различить, где *бежевый*, *коричневый* где, а где, к примеру, *терракотовый*. Перевод передает то, что цвета должны быть одной гаммы, но они здесь ближе к коричневому, а в оригинале – к светлым оттенкам красного, а третий (*нембен*) к тому же еще в болгарском жаргоне означает еще и «неясно какой, неопределенный, нелепый», что подходит лучше к идее о выцветании; 3. Стирание контекстуального подтекста без стилистической компенсации: *Ако се захванем мъжки, можем кралството **във въздуха да вдигнем** и от падина **във връх да го превърнем**.* – Взяться бы всем дружно, мы королевств наше бы *приподняли* и превратили бы ложбину в гору. Исчезла многозначность выражения *вдигам във въздуха* ('взрывать, разрушать с помощью взрыва'), которая в контексте следующих событий воспринимается как неосознанное предвестие бедствий, грозящих героям. Указанные недочеты не умаляют ценность анализируемого переводного текста, а только напоминают о сложности драматургического перевода и о необходимости дальнейшего развития сопоставительно-стилистического изучения родственных и неродственных языков в теоретическом и практическом планах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радичков, Й. Образ и подобие / Й. Радичков // Съвременник. – 1986. – № 2. – С. 283–318.
2. Радичков, Й. Образ и подобие. Хроника. Пер. с болг. Н. Глен / Й. Радичков // Иностран. л-ра. – 1990. – № 3. – С. 112–147.
3. Литература за 8 клас / Б. Пенчев, В. Герджикова, О. Попова, И. Кръстева. – София : БУЛВЕСТ-2000, 2001. – 272 с.

Н. В. Ивашина
Минск, Беларусь

ОБ ОДНОМ АСТРОНИМИЧЕСКОМ АРХЕТИПЕ

В статье рассматривается славянская система номинаций Венеры, которая формировалась на основе архетипического противопоставления 'утренняя' – 'вечерняя звезда'. Эта оппозиция модифицировалась и пополнялась новыми мотивами и моделями, связанными с особенностями быта и культуры славянских народов, а также образами, заимствованными у соседних народов.

Ключевые слова: славянская народная астронимия, славянские названия Венеры, архетип.

N. Ivashina About one astronymical archetype.

The article examines the Slavic system of nominations for Venus, which was formed on the basis of the archetypal opposition 'morning' – 'evening star'. This opposition was modified and replenished with new motifs and models related to the peculiarities of life and culture of the Slavic peoples, as well as images borrowed from neighboring peoples.

Keywords: Slavic astronomy, Slavic names of Venus, archetype.

В славянской народной астронимии круг объектов номинации немногочислен. Однако ограниченность народной астронимической системы в значительной степени компенсируется разнообразием названий-вариантов одного объекта. Источниками вариантов являются различные образы, положенные в основу номинации, разная степень конкретизации одного образа, а также разное лексическое выражение одного и того же образа. Все эти особенности астронимической системы представлены в славянских номинациях Венеры.

С древнейших времен Венера (которую считали звездой) привлекала внимание людей как утренняя звезда, видимая до восхода солнца, и вечерняя звезда, которую можно увидеть после захода солнца. Отсюда и два типа

названий Венеры: *утренняя звезда* (появляется на востоке) и *вечерняя звезда* (на западе). До сих пор в некоторых славянских областях считают, что это две разные звезды [1, с. 49]. Оппозиция ‘утренняя’ – ‘вечерняя звезда’ представлена не только во всем славянском ареале, но и в большинстве языков мира. По-видимому, можно говорить о типологическом сходстве.

До Пифагора греки также называли Венеру двумя именами: *εσπερος* ‘вечер’ и *φωσφόρος* ‘несущий свет’ или *ἑωσφόρος* ‘несущий утро’. Позже эти обозначения греки заменили мифологическими по образцу названий, существовавших в Древнем Вавилоне, где планеты называли именами богов. Так появилось греческое название Афродита, которое долгое время использовалось и в Древней Руси, например, в Изборнике Святослава 1073 г. среди семи планет называется и Афродита. Римляне перевели греческие обозначения планет; латинские названия разошлись по всему миру и стали астрономическими терминами.

Многообразные модификации названий Венеры в древних и современных славянских языках и диалектах сводятся главным образом к архетипическому противопоставлению ‘утренняя’ – ‘вечерняя звезда’.

1. Появление Венеры утром было знаком рассвета, восхода солнца и наступления нового дня. В славянском ареале названия Венеры как утренней звезды связаны с несколькими семантическими центрами:

1.1) семантический тип ‘утро’ представлен в двух лексических вариантах: а) с корнем *jutr-*: русск. *утренняя звезда*, *утренница*, польск. *jutrzenka*, *jutrznia*, чеш. *jitřenka*, словац. *jutrenka*, в.-луж. *jutrnica*, н.-луж. *jutšnica*, *jutrna gwězda*, словен. *jutrnica*, *jutrajnica*, *jutrna*, *jutrova zvezda*, *zjutrna zvezda*, серб. *јутрања звезда*, болг. *утреница*; б) с корнем *ran-*: бел. *ранішня зорка*, *паранковая зараначка*, укр. *рана зіззда*, *ранішня зоря*, польск. *ranna gwiazda*, *poranna gwiazda*, *gwiazda zaranna*, болг. *ранница*;

1.2) семантический образ ‘заря’ (**zorja* ‘свет, блеск’): бел. *зара*, *заранка*, *зараначка*, *зарніца*, укр. *зірниця*, *зоряниця*, русск. *заряница*, *зарница*, *зарянка*, польск. *zorniczka*, *zorka*, *zora*, чеш. *zornice*, *zornička*, *zora*,

словац. *zornička, ranná zornička*, в.-луж. *zernička switnica*, словен. *zorjanska zvezda, zorjenica, zornica*, серб. *зораца, весница зоре*, болг. *зора, зорица, зорничка, зорница, зорната звезда*, мак. *зорница*;

1.3) семантический центр ‘день’: укр. *денниця*, русск. *денница*, польск. *deniczka, dyniczka*, чеш. *denice, denička*, словац. *dennica*, словен. *danica, daničica*, серб. *даница*, болг. *денница*, мак. *деница*. Название **дѣньница* известно в славянских языках с древнейших времен: ст.-сл. *дѣньница*, др.-русс. *дѣньница* (также ‘падающая звезда’), ст.-польск. *dziennica*, ст.-чеш. *dennicě*, др.-серб. *дѣньница*, ср. отрывок из Богословия Иоанна, экзарха Болгарского: *Афродитъ же ѣлють иже овѣгда дѣньница, овѣгда заходѣн ѣна* [2, с. 771]. Мифологизированный образ Денницы до сих пор сохранился в славянском фольклоре [3, с. 87; 2, с. 118]. Название **дѣньница* обычно толкуют как ‘предвещающая день’, ср. ст.-чеш. *kdy vychází Dennicě, jest znamení, že skóro den bude* [4, с. 116 (86r)]. Однако возможна и другая интерпретация. Д. О. Святский, например, считает, что это название Венера получила потому, что бывает видна днем, и приводит примеры из русских летописей с указанием дневной видимости Венеры на небе [5, с. 39];

1.4) семантический тип ‘свет, рассвет’ пересекается со значением ‘заря’: бел. *світальна зорка, светава зора*, укр. *свитивка*, польск. *świtalna gwiazda, świetląca gwiazda*, серб. *сјајница (сјати ‘светить, сиять’)*;

1.5) значение ‘солнце’ лежит в основе словенской номинации *sončna zvezda, sončnica* [6, с. 77]. Возможно, название возникло как оппозиция вечерней звезде, которая связывается с луной, ср. пассаж в старочешском манускрипте 15 века: *riekají lidé Dennice, když jde před Sluncem, a když za Sluncem, tehdy jí dějí Zvieřitedlnice* [4, с. 116].

2. По мнению М. Гладышовой [7, с. 68], Венера как вечерняя звезда менее известна, чем утренняя. При появлении Венеры вечером наступало время, когда появлялись лесные звери, а пастухи загоняли скот домой. Как вечерняя звезда Венера связывается со следующими мотивами:

2.1) семантический центр ‘вечер’: бел. *вечарніца, вечарнічка, вячэрняя зорка*, укр. *вечірниця, вечірка, вечірна зірка*, русск. *вечерница, вечерняя звезда*, польск. *wieczornica, wieczorniczka, wieczórka, wieczorna gwiazda*, чеш. *večernička, večerní hvězda*, словац. *večernica*, в.-луж. *wječornička*, н.-луж. *wjacornička, wjacorna gwězda*, словен. *večernica, večerašnjica, zvečerna zvezda*, серб. *вечерка, вечерњица, вечерњача, вечерња звезда*, болг. *вечерница, вечерничка, вечернина, вечерна звезда*, макед. *вечерка, вечерница*;

2.2) значение ‘зверинная звезда’: ст.-польск. *zwierzęca gwiazda, zwirnica*, польск. *gwiazda zwierzęca, zwierzonka*, ст.-чеш. *zvieředlnice, zvieřitedlnice*, чеш. *zvířetnice*, словен. *zverinščica*. С названием связывается поверье, согласно которому вечерняя звезда светит зверям. При этом возможны различные варианты:

2.2.1) ‘волчья звезда’: русск. *волчья звезда*, польск. *wilcza gwiazda*. Волк занимает важное место в народных представлениях о животных, ср. украинскую загадку, в которой волк соотносится с темнотой: *Прийшла темнота під наші ворота*;

2.2.2) ‘заячья звезда’: польск. *gwiazda zająca*. В народных представлениях славян заяц также связан с ночным временем;

2.3) семантический тип ‘пастушья звезда’: в.-луж. *wowčerska hwězda, pastyrśka hwězda*, н.-луж. *pastyrśka gwězda*, болг. *овчарска звезда, шилигарска звезда* (шиле ‘баран’), серб. *овчарица*, словен. *ovčarica* связывают с Марсом [6, с. 77], вероятно, ошибочно. Этот мотив соотносится с семантическим центром ‘зверинная звезда’, поскольку в славянской народной культуре существуют представления о лесных зверях как о хищниках, уносящих скот. Разнообразные запреты, заговоры, обереги направлены на защиту скота от зверей и прежде всего от волков и связаны с так называемыми «волчьими днями». В то же время многие тюркские народы называют Венеру ‘пастушьей звездой’, так как с ее появлением пастухи выводят скот на пастбище. Этот образ известен и в европейских языках: португальском, французском, итальянском, греческом и др.;

2.3.1) ‘воловья звезда’ – одна из вариаций образа ‘пастушьей звезды’ с указанием конкретного скота: русск. *воловья звезда*, польск. *gwiazda wołu*, серб. *воларица*, *воларка*, *волоранка*, *волујара*;

2.3.2) ‘скотья звезда’: польск. *bydłęca gwiazda*.

2.4) В народных представлениях Венера тесно связана с луной. В славянском фольклоре Венера выступает как сестра Месяца, его невеста или жена. Подобные воззрения известны и первобытным народам [7, с. 74]. Вечером Венера может появляться рядом с Луной, отсюда названия ‘лунная звезда’: бел. *маладзіковая зорачка*, польск. *gwiazda miesięczkowa*, *gwiazda księżycyca*, *towarzyszka księżycyca*. Источником названий может быть наблюдение утренней и вечерней звезды в связи с убывающей или прибывающей луной.

2.5) В древнерусских текстах вечерняя звезда называлась также *преходъница*, причем во всех контекстах подчеркивается оппозиция к ‘утренней звезде’, ср.: *Бѣ имена полагають свѣтиломъ яко же се: денница, или прѣходница, власежелици, кружилия* [8, с. 771]. Серб. *преходница* Н. Янкович объясняет тем, что Венера переходит через небо с одной стороны на другую. В сербских народных песнях *Даница* и *Преходница* выступают как две звезды, утренняя и вечерняя [8, с. 119–120].

3. Единичные названия связаны с религиозными мотивами (польск. *pierwsza gwiazda*, *żydowska gwiazda*, словен. *židovska zvezda*), со значением ‘сумерки’ (польск. *mrok*, *mrocznica*), с оппозицией ‘весенняя – осенняя звезда’ в макед. *пролетна даница* – *јесена даница*, ср. также болг. *янинка*, *попова звезда* [9, с. 23] и др.

4. В древнерусских памятниках встречается название *Чигирь звезда*, под которым понимается и Венера, и комета с хвостом. Существует несколько интерпретаций. Возможно, лексема заимствована из др.-евр. *Цигр* (*Zohar*) – название Венеры [5, с. 38 со ссылкой на А. И. Соболевского], ср. обозначения Венеры в польских и словенских диалектах – *żydowska gwiazda*, *židovska zvezda*. Ю. А. Карпенко вслед за Д. О. Святским полагает, что источником номинации было арабское название Венеры – *Зухра*, т.е. ‘блестящая’. При

этом ссылаются на астрономическую статью 17 в., в которой говорится: *Чигирь бо звѣзда, именовашеся сирским языком* [5, с. 39; 10, с. 80]. В церковнославянских памятниках 17 в. дважды встречается название Венеры *зигра, всигра*, заимствованное, как полагают, из арабского [11, с. 83]. В. Даль приводит в одном этимологическом гнезде *чигирь* ‘Венера’ и ‘устройство, с помощью которого поднимают воду’, там же *чигирить воду* ‘поднимать чигирем’, т. е. Венера «восходит и заходит как чигирная бадья» [12, с. 603]. Вместе с тем в русских говорах встречается лексема *чига* ‘подзывание овец’ (звукоподражание), а отсюда *чигара* ‘овца’ [12, с. 603]. Заманчивое сопоставление, если вспомнить о номинации ‘пастушья звезда’, в основе которой лежит лексема со значением ‘овца’. Интересно, что во всех астрономических загадках образ овец является опорным, с его помощью кодируются звёзды, ср.: *Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат. Бежали овцы по Калиновому мосту, увидали зорю, упали в море. Stříbrné ovce rohatý pastýř hlídá. Pole neměřené, ovce nesčítané, pastýř nesjednaný. Поле немерено, овце неброени, рогат овчар ги пази.* Можно констатировать устойчивую связь между овцами и звездами. Не исключено, что в русских говорах древнее название *Чигирь* поддерживается новыми образами, не связанными с исходной мотивацией. Это вполне вероятно, поскольку для астрономов характерно стремление передать образ средствами родного языка. Отсюда почти исключительное предпочтение калькирования прямому заимствованию.

5. В чешском средневековом сборнике представлены названия Венеры *Ctitel* и *Smilnice*. Имя *Ctitel* возникло под влиянием античной традиции: лат. *veneror, -ari* означает *ctíti*, т. е. ‘чтить, почитать’. Также с античной мифологией связано название *Smilnice*. Венера, как известно, была богиней любовной страсти. *Smilnice* связана прежде всего с плотской любовью, ср. описание тех, кто родился под знаком этой планеты, в старочешском манускрипте: *jest v přirození ženském a příchyllost dává ... ke jhraní a což smilství příslušie, jakožto kadeře, tance, objímanie, freje a jiné*

takové věci [4, с. 116] и в Виленском сборнике: *аже кто са родитса и тою звездоу любить бладство* [13, лл. 71 – 71 об.].

Таким образом, славянская система номинаций Венеры формировалась на основе архетипического противопоставления ‘утренняя’ – ‘вечерняя звезда’. Эта оппозиция модифицировалась и пополнялась новыми образами и моделями, связанными с особенностями быта и культуры славянских народов. Отсюда большое количество вариантов названия с прозрачной внутренней формой, которые оживляют и поддерживают древнейшую модель. В то же время для номинаций Венеры, как и для всей славянской астрономии, характерно взаимодействие с астронимами соседних народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Szyfer, A. Tradycyjna astronomia i meteorologia ludowa na Mazurach, Warmii i Kurpiach i jej współczesne przeobrażenia / A. Szyfer. – Olsztyn : Pojezierze, 1969. – 114 s.
2. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский – М. : Книга, 1989. – Т. I–III. Репринтное изд. – Т. I, Ч. 1, 1989.
3. Святский, Д. О. Очерк истории астрономии в Древней Руси. В 2 ч. Ч. I / Д. О. Святский // Историко-астрономические исследования. – Вып. VII. – М. : Физматгиз, 1961. – С. 71–128.
4. Hvězdářství krále Jana / A. Černá, P. Hadrava, A. Hadravová, M. Stluka. – Praha : AV ČR, 2004. – 195 s.
5. Святский, Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. В 2 ч. Ч. II. / Д. О. Святский // Историко-астрономические исследования. – Вып. VIII. – М. : Физматгиз, 1962. – С. 7–82.
6. Matičetov, M. Slovenska ljudska imena zvezd in predstave o njih / M. Matičetov // Anzeiger für Slavische Philologie. – Bd. VI. – Wiesbaden, 1972. – S. 60–103.
7. Gładyszowa, M. Wiedza ludowa o gwiazdach / M. Gładyszowa. – Wrocław : Ossolineum, 1960. – 235 s.
8. Јанковић, Н. Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама Срба / Н. Јанковић. — Београд, 1951. — 206 с.
9. Ковачев, Й. Народна астрономия и метеорология. Сборник за народни умотворения и народопис. – Кн. XXX. – София : Българска академия на науките, 1914. – 84 с.
10. Карпенко, Ю. А. Названия звездного неба / Ю. А. Карпенко. – М. : Наука, 1981. – 184 с.

11. Рачева, М. Към ранните заемки от арабски произход в славянските езици: няколко редки астрономически названия – заемки в старобългарски или в староруски език? / М. Рачева / *Palaeobulgarica* // Старобългаристика, V. – 1981. – № 3. – С. 78–84.

12. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980 (Репринтное изд.). – Т. IV. – М., 1980. – 683 с.

13. Станкевич, Л. И. Рукописный сборник гадательно-астрологического содержания XVI в. (“Аристотелевы врата, или Тайная тайных”) из фонда Нац. библиотеки Беларуси / Л. И. Станкевич // Книжная культура пограничья Славии Восточной и Западной. Материалы Междунар. электрон. конф., нояб. 2007 г. / Ин-т славяноведения РАН ; Национальная библиотека Беларуси ; Белорусская библиотечная ассоциация. – URL: www.knizhkult.narod.ru/Stankevich.html (дата обращения: 10.08.2016).

«МАТЕРИКОВЫЕ» ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ: ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье на словарном и текстовом материале рассматриваются процессы преобразования семантики «материковых» прилагательных *европейский*, *азиатский* и др., всё чаще обретающих качественное значение.

Ключевые слова: семантика, прилагательные, относительность, качественность, толковые словари.

A. Kalyuta. "Mainland" adjectives: transformations of word semantics in modern conditions.

The article, using dictionary and textual material, examines the processes of transformation of the semantics of "mainland" adjectives: *European*, *Asian*, etc., which are increasingly acquiring a qualitative meaning.

Keywords: semantics, adjectives, relativity, quality, explanatory dictionaries.

Прилагательные *европейский*, *азиатский*, *американский*, *африканский*, чьи значения описываются толковыми словарями как «относящееся к континенту, материку», всё чаще, хотя каждое и в разной степени, передают значение качества. Особенно заметны эти преобразования в слове *европейский* и производном от него усечённом корне *евро-*: *европейское качество*, *европейский уровень*, *евросервис*, *европакет*, *евроремонт* и др.

Словосочетание *европейское качество* от частого употребления стало настолько привычным, что относительное прилагательное в нём само стало отождествляться с качеством: *европейский* – значит качественный. В Европе давно стали обычными жёсткие требования в отношении качества производимых товаров и услуг, ведётся строгий контроль на разных этапах их производства и реализации. В Европе и за её пределами это понятие также используется в рекламе товаров. Вот, например, что пишут в Узбекистане: «...на нашем рынке

... эталоном «премиальности» стало понятие «европейское качество». По умолчанию считается, что производитель, который не приклеит такой ярлык на свой товар, не может рассчитывать на лояльность потребителей. И вот со всех вывесок и из каждого второго рекламного имиджа на нас смотрит «европейское качество». Оно везде: на парикмахерских, на вывесках фаст-фудов и закусочных, на щитах производителей товаров и услуг. Европейское качество – это как миф об идеале, к которому все стремятся. Но что удивительно, вместо того чтобы просто соответствовать этому качеству и позволить потребителям самим в этом убедиться, производители предпочитают размещать это неоднозначное утверждение на своей рекламе. С точки зрения маркетинга, такое решение аналогично тому, чтобы приклеить, скажем, наклейку на своё авто с надписью «водитель европейского уровня», или вывести на своем пиджаке «профессионал европейского масштаба» [1].

Европейское качество, европейский уровень, европейский масштаб – в этих и иных примерах обнаруживается переход относительности в качество. Но если в семантике многих относительных прилагательных, в составе которых есть сема со значением ‘материал, вещество’ – *бархатный* (*бархатная ткань*), *стальной* (*стальной стержень*), *каменный* (*каменный пол*) и др. – изначально имеется как бы «спящее» качество, которое при определённых условиях себя обнаруживает (*бархатные ручки, стальной характер, каменное сердце*), то у «материковых» относительных прилагательных качество развивается в результате длительного процесса переосмысления, связанного с условиями существования и конечным результатом. Это касается не только слова *европейский*, где развивается положительное качество, но, к примеру, и прилагательного *азиатский*, в котором качество получает знак минус, становится как бы «некачеством», а также прилагательных *африканский* и *американский*, в которых тоже, в каждом по-своему, развивается качество. Все эти семантические процессы стали результатом длительного исторического преобразования.

Некоторые толковые словари зафиксировали новое значение «материковых» слов, а какие-то в силу своей специфики нет. Так, в Толковом словаре В. И. Даля нет статей, посвящённых названиям континентов и слов, образованным от них. В словаре С. И. Ожегова–Н. Ю. Шведовой представлены значения исключительно относительных прилагательных: **«Европейский** – относящийся к европейцам, к их языкам, образу жизни, культуре, а также к Европе, её странам, их территории, истории, флоре и фауне; такой, как у европейцев, как в Европе». [2, с. 185]; **«Азиатский** – ...2. Относящийся к народам Азии, к их языкам, образу жизни, культуре...» [2, с. 19]; **«Американский** – ...2. Относящийся к народам Соединённых Штатов Америки, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре...» [там же, с. 23]; **Африканский** – ... 2. Относящийся к африканцам, их языкам, образу жизни, культуре...» (с.32). Правда, обращает внимание «намёк» на качество в статье **Европейский**: «такой, как у европейцев, как в Европе» [там же, с. 185].

Значение качества отмечено в словарях Ушакова и Грота. В словаре Д. Н. Ушакова в статье **Европейский** записано: «связанное с западно-европейской культурой» [3, с. 825], однако во втором значении слова **Европа** находим указание на качество: «2. *перен.* О высокой культуре, о культурной обстановке (разг.). *Чисто, уютно, культурно* — ну, *настоящая Е.*» [там же]. Во втором значении слова **Азиат** находим: «2. Некультурный, грубый человек (возникло на почве высокомерно-презрительного отношения европейцев к колониальным народам, устар.)», а в статье **Азиатский** [3, с. 18] также во втором значении читаем: «2. Дикий, грубый; азиатчина – некультурность, культурная отсталость, грубость. *Кадеты мечтали об освобождении от крепостничества, произвола, самодурства, азиатчины, самодержавия без свержения старой власти (Ленин)*». Итак, словарь Ушакова даже при своём известном стремлении быть «отражением классовых интересов своей эпохи» [3, с. 5] зафиксировал лишь то, что реально существовало в речи, а именно наличие антиномии *европейский – азиатский*, выражающейся, в частности, в противопоставлении «культурный, образованный – некультурный, грубый,

необразованный». Также отметим одно из значений слова **Американец** в словаре Ушакова: «Энергичный, деловитый, практичный человек» [3, с. 32–33]. Прилагательное **Африканский** во втором значении также выражает качество: «необузданный, пылкий *африканские страсти, африканский темперамент*» [3, с. 71].

Ещё ранее в словаре русского языка 1891–1895 гг., составленном Вторым отделением Императорской Академии наук под редакцией Я. К. Грота, а после его смерти в 1893 г. отредактированном А. А. Шахматовым, указывалось: «**Азиатский** – 1. Принадлежащий, свойственный Азии... 2. Дикий, грубый. *Мы – европейские слова и азиатские поступки* (Щербина); *В сей азиатской стороне нас уверяют, жизнь – игрушка* (Пушкин, Всевол.)» [4, с. 19]; там же в статье **Азиат** находим: «Бранное слово: грубый, необразованный человек», а в статье **Азиатщина** – «Азиатский, грубый обычай или быт. *К ручке они не подходили: эта азиатщина была давно отменена.* (Тург., Новь)».

В шахматовской редакции словаря в статье **Европа** записано: «перен. Образованные народы Западной Европы и их культура. ... *Для значительного большинства нашего общества с именем Западной Европы... соединяется представление о культуре и притом культуре общечеловеческой*». Там же в статье **Европеец** читаем: «... переносно: образованный, культурный человек. *Мы (русские) больны оттого, что только наполовину сделались европейцами.* (Тург., Дв. Гн.)» [5, с. 13], а в статье **Европейский** находим: «... переносно: свойственный культурным народам Европы, в противопоставлении, напр., Азии, азиатскому...; противопост. России, русскому: *Как же ты говорил, что никогда больше не наденешь европейского платья?* (Лев Толстой, Анна Каренина). ...*Как европейское поставить в параллель с национальным – странно что-то* (Грибоедов, Горе от ума)» [5, с. 14–15].

Таким образом, преобразования семантики относительных «материковых» прилагательных – это давний исторический процесс, связанный с обиходным представлением о качестве жизни, в первую очередь, в Европе, Азии и Америке, с образованием, культурой, традициями. Европейское

качество чего бы то ни было и ранее было ориентиром, на который равнялись, к которому стремились, с которым сравнивали своё бытие. Эти семантические тенденции в наше время получили развитие, подчас неожиданные.

Современный толковый словарь С. А. Кузнецова (2000 г.) в статье **Азиаты** во втором значении с пометой *устарелое, бранное* указывает: «о некультурном, невежественном человеке» [6, с. 31]. Правда, возникает вопрос, чем руководствовались составители, относя значение к старине: действительно ли значение безнадежно устарело или здесь имеет место политкорректность? Примеры контекстов слов *азиат*, *азиатский* говорят в пользу второго: «*Одно только плохо – нехристь он, азиат, в Бога не верует...*» [В. О. Авченко. Фадеев]; «*Вот и сами вы азиат, — сказал я в потёмках, дразня противника, ибо не было для Куракина худшего оскорбления, — так нечего других обзывать*». [К. Букша. Ана]; «*Как ты напенок держишь, азиат, — орал Худолеев, таская Юсупку за волосы и костыля по шее*». [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго]; «*Одно только плохо – нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот, поди-ка, живёт на земле все равно также, как и я*». [В. К. Арсеньев. Дерсу Узала]; «*Азиат! — сказал он Якову, захлопнув дверь на нос ему, и загудел, толкая меня*» [М. Горький. В людях]; «*Фу, как ты надоел, Брике! Ты совершенный деспот, азиат*». [Л. Н. Андреев. Тот, кто получает пощечины. Представление в четырех действиях]; «*Я, ничего не знающий и некультурный азиат, в сущности, всем доволен, но я делаю вид, что я ничем не доволен, и это мне так тонко удастся, что временами я даже сам себе верю*». [А. П. Чехов. В Москве]; «*Такая многослойная структура создает центростремительную энергию российской жизни; европейская обслуга ненавидит азиатское лицо власти, европейская власть презирает азиатский народ и своего азиатского лидера, народ же боится азиатского начала власти и ненавидит начало европейское*». [М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии]; «*Дурманный запах ее духов скорее был фруктовым. Совершенно азиатский, вульгарный и пошлый запах, который вряд ли можно назвать ароматом*». [В. Мясников. Водка]; «*Мы народ азиатский, с нас берут, берут, берут эти нескончаемые подписки о*

неразглашении все, кому не лень». [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг]. Видимо, политкорректностью можно объяснить отсутствие значений качества у «материковых» прилагательных и в словаре Ожегова–Шведовой.

Также в словаре С. А. Кузнецова в статье **Европейский** отсутствует встреченное в словарях Ушакова и Грота значение «культурный, образованный», хотя приводимые там примеры наречий указывают именно на него: *«европейски образованный человек, одет по-европейски, держится по-европейски»* [6, с. 293]. Думается, что словарь не в полной мере отразил реальные процессы в семантике «материковых» прилагательных, которые унаследовали от прошлой эпохи стремление обрести качественность и даже развить её на новом уровне. Особенно это проявляется в словах с усечённым корнем *евро-*. Корни таких семантических преобразований простираются шире, чем границы русского языка и сознания. Самим европейцам также свойственно считать себя высококультурными и образованными людьми на фоне представителей иных континентов, особенно в последнее время, когда миграция в Европу больше напоминает бедствие для самой Европы. Возможно, что при этом они сами не осознают своего высокомерия, а может быть поступают сознательно, так определяя себя на фоне других. Болгарский художник Янко Цветков в своём «Атласе стереотипов и предрассудков» пишет: «Во время одного из моих визитов в испанскую Кордову я увидел на улице табличку с надписью: «Пожалуйста, ведите себя как европейцы и не трогайте цветы!» Подобные призывы я слышал и в своей родной Болгарии, где слово «европеец» часто используется в качестве собирательного образа человека более цивилизованного, чем мы. Это некий недостижимый идеал, в который никто не верит, но все пытаются ему следовать» [7, с. 26].

Семантические преобразования корня *евро-* по-новому отражают старое представление русских о «родине» качества. Из двух возможных направлений развития качества (качество и его отсутствие) язык выбирает «положительное» качество, которое распространяется во множестве новых образований. Это ещё и результат мифологизации Европы, европейского, что было свойственно

русским с давних времён. В русской культуре в массовом сознании «...был создан образ, в котором самым очевидным образом сливались реальные и мифологизированные черты» [8, с. 233]. Однако удивительно, что современное представление русских о Европе, европейцах, европейском в рамках изначальной оппозиции признаков *свой–чужой* входит в противоречие с традиционными взглядами народа на чужое как «неправильное», «чуждое человеческой природе» [9, с. 15].

Из более чем 200 сложных слов с первой частью *евро-* значение относительности сохраняется в тех, которые составляют группы «Лица» (*еврокомиссар, еврочиновник, евродепутат*), «Объединения» (*Евросоюз, еврокомиссия, европарламент, евторынок, евроторнир, еврокубки, евродурдом*), «Деньги» (*евровалюта, евробонд, евродоллар*).

В тех же словах, где *чужое*, европейское, становится стандартом, оно идеализируется, а относительность преобразуется в качество. Так, например, произошло со словами, относящимися к группе «Внешний вид»: *евровнешность, еврозубы, еврострижка, европричёска, евросиськи*. У многих сложных слов с первой частью *евро-* качество приобретает, можно сказать, на наших глазах. Так, в слове *евроремонт* значение «ремонт, принятый по стандартам Евросоюза» преобразуется в «добротный, качественный ремонт»: «Так же, впрочем, как и ремонт косметический, которым и отделяется любой здравомыслящий хозяин квартиры, накидывая цену как за пресловутый **евроремонт**». [С. Дигол. Мои пыльные ноши // «Волга», 2010]; «А ведь здесь ваялось много всякого сверженного и низринутого, и в покорном хламе комнат чего только можно было не найти; даже **евроремонт** иногда под руку попадался». [В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011]; «Нам не хватает на другое: на **евроремонт** государства». [С. Н. Есин. Дневник, 2004]; «Лет десять назад, когда у нас слово «**евроремонт**» ещё звучало гордо, особой роскошью считалось утыкать такими «галоженками» подвесной или натяжной потолок. [М. Русанова. До лампочки (2004) // «Парадокс», 01.05.2004]; «Да

*просто, – пожала плечами соседка, – небось набрехал вам, что у него **евроремонт** и золотой унитаз».* [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)] [6].

Схожие процессы происходят со словами, составляющими группы «Предметы» (*евроручка, евробутылка, европоддон*), «Строительство» (*евроремонт, евроокна, евророзетка, еврокраска, европакет, евровагонка, евровинт, евродверь, евровилка*), «Действия» (*евромонтаж, евроакция, евроотделка*) (*Перекрытия дома бетонные, кровля из металлочерепицы, деревянные стеклопакеты, VIP-евроотделка.* [А. Быков. Охота за домами (2004) // «Homes & Gardens», 30.04.2004], *евростекление, евростроительство*), «Помещение» (*евротуалет, евросауна*), «Услуги» (*евросервис, еврохимчистка, еврочистка, евромассаж, евроуборка*), «Стиль» (*евромода*). В свете происходящих в языке преобразований особо отметим сложные слова в группе «Стандарт»: *евроуровень, евростандарт, еврокласс, еврокачество, евроценности*. Качество, переходящее на новый, ещё более высокий уровень – так можно описать их значение и причину появления. *«Появляются новые виды образовательных услуг, растёт **еврокачество**...»* [М. Ямалов. Разглядеть бы общую картину... // «Бельские просторы», 2013]. *«Весь наш жизненный и производственный опыт подсказывал, что такую стройку «на голос» не возьмёшь, поэтому сразу мы добивались технологических и организационных решений, обеспечивающих высокий уровень, как говорят в народе, «**евроуровень**»* [Подрядные организации, принявшие участие в строительстве и вводе Комплекса гидрокрекинга на ООО «ЛУКОЙЛ-ПНОС» ЗАО «ЛУКОЙЛ-Нефтегазстрой» (2004) // «Пермский строитель», 14.09.2004] [6].

Семантические преобразования «материковых» прилагательных – живой процесс современного русского языка, корни которого находим в истории. Это процессы, подкрепляющие старые стереотипы и создающие новые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафаров, А. «Европейское качество» - как его называют в Европе? / А. Сафаров. – URL: <https://uzdaily.uz/ru/post/13390/>. (дата обращения 18.05.2025).

2. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / Рос. акад. наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1998. – 939 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1 : А – Кюрины. – 1935. – 1562 с.
4. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / [ред. акад. Я. К. Грот]. – [Изд. 5-е]. – СПб. : типография Императорской Академии Наук, 1891–1895.
5. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / Императорская Академия Наук ; [ред. акад. Я. К. Грота – А. А. Шахматова]. – Т. 2, вып. 1. Е – Железный. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1891. – XXXI с.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., М. : Норинт; 2000. – 1536 с.
7. Цветков, Янко. Атлас стереотипов и предрассудков (пер. с англ.) / Янко Цветков. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 80 с.
8. Софронова, Л. А. Культура сквозь призму поэтики / Л. А. Софронова. – Москва : Яз. славянских культур, 2006. – 828 с.
9. Белова, О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. – М., «Индрик», 2005. – 288 с.

Кан Жоши
Минск, Беларусь

ЛИСИЦА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КИТАЙЦЕВ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЕЛОРУСОВ

В статье рассматривается образ лисицы в языковой картине мира китайцев и русскоязычных белорусов через лингвокультурологический и психолингвистический подходы. Исследование основано на ассоциативных экспериментах. Основная цель – выявлять ключевые культурные коннотации, связанные с образом лисы в обеих культурах.

Ключевые слова: лисица; языковая картина мира; ассоциативные эксперименты; лингвокультурология.

Kang Ruoshi. Fox in the linguistic worldview of the Chinese and Russian-speaking Belarusians.

This article examines the image of fox in the linguistic worldview of the Chinese and Russian-speaking Belarusians through linguistic-cultural and psycholinguistic approaches. The research is based on associative experiments. The main goal of the study is to identify key cultural connotations associated with the image of the fox in both cultures.

Keywords: fox; linguistic worldview; associative experiments; linguistic and cultural studies.

Культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством в процессе исторического развития. Материальная культура включает материальные достижения человека, такие, как архитектура, инструменты, технологические изделия, одежда, транспортные средства и другие материальные объекты. Духовная культура охватывает нематериальные результаты человеческой деятельности: мысли, идеи, верования, искусство, образование, религию, моральные нормы и другие аспекты. Культура передаётся и усваивается через обучение и преемственность, предоставляя обществу нормы поведения и систему ценностей. Это способствует формированию уникальной культурной идентичности каждого общества. Благодаря этому

индивиды и группы осознают свои роли и статус в обществе, что усиливает чувство принадлежности к сообществу и способствует формированию социального самосознания. Культура, обладая как наследуемыми, так и новаторскими чертами, постоянно развивается и изменяется, отражая прогресс и эволюцию человеческого общества. Язык и культура тесно связаны между собой: они взаимозависимы и оказывают взаимное влияние на развитие человеческого общества. Основополагающими элементами культуры являются слова и язык. Язык, являясь носителем культуры, служит важным средством её выражения и распространения. Мифы, легенды, обычаи и ценности многих культур сохраняются через язык в виде рассказов, стихов или письменных текстов.

Кроме того, культура оказывает влияние на мышление через язык. Гипотеза Сепира–Уорфа (известная также как теория лингвистической относительности) утверждает, что структура языка может воздействовать на когнитивные процессы и поведение его носителей [1, с. 276]. Говорящие на разных языках могут по-разному воспринимать, классифицировать и интерпретировать одни и те же явления в зависимости от особенностей языковых структур и способов выражения. Многие лексические единицы, фразеологизмы и метафоры в языках отражают символическое значение, присущее определённой культуре. Например, животные могут иметь различные символические значения в разных культурах. Зоонимы часто несут не только основное значение, но и культурные ассоциации, эмоциональные оценки или социальные представления, используются не только для описания животных, но и для передачи богатого культурного контекста, который отражает восприятие, эмоции и символическое толкование животных в человеческом обществе. Таким образом, люди используют природные особенности животных, такие, как внешний вид, издаваемые звуки, поведенческие привычки и другие качества, чтобы выражать свои чувства и эмоции. В силу общего хода эволюции у разных народов могут складываться схожие или даже

одинаковые представления, но по мере исторического развития и в зависимости от различий в условиях жизни и способах производства, люди разных национальностей, живущие в различных социальных условиях, отличаются в своем мышлении и психологии. В результате этого ассоциации, возникающие у них при восприятии одного и того же животного, также имеют свои особенности.

Исследование ассоциативных слов, связанных с животными, имеет важное значение. Оно раскрывает культурные аспекты, заложенные в языке, обогащает метафоры и способы выражения, отражает социальные и исторические изменения. Кроме того, оно способствует межкультурному языковому сравнению, помогает понять общие черты и различия между языками, а также выявляет влияние языка на мышление и восприятие. Эти исследования представляют ценную основу для развития лингвистики, межкультурного общения и изучения языков.

В рамках психолингвистического исследования зоонимов в китайском и русском языках нами были проведены свободные ассоциативные эксперименты, в результате которых собран значительный материал. Всего было отобрано 1200 анкет, по 600 для каждого языка. В данной статье представлены общие результаты анализа ассоциативного поля для слова-стимула Лисица/狐狸.

Из 600 полученных китайских ассоциаций 433 связаны с понятием «хитрость» (狡猾 361 «хитрость», 狡诈 23 «коварный», 奸诈 10 «вероломный» и др.), 19 – с понятием «ум» (聪明 11 «умный», 机灵 4 «ловкий» 机智 2 «находчивый», 狡黠 2 «лукавый» и др.), и 30 – с понятием «оборотень» (狐狸精 6 «хули-цзин», 精 3 «оборотень», 妖精 2 «оборотень», 狐妖 1 «лиса-оборотень» и др.). Из 600 ассоциаций русскоязычных белорусов 294 связаны с понятием «хитрость», 2 – с понятием «сверхъестественное», и ни одно слово не называет умственные способности животного. 40 % реакций не имеют коннотаций и могут

считаться нейтральными. Большинство из них связано с физическими характеристиками лисы: цветовыми или соматическими. Например: *рыжий* 79 (*рыжая* 41), *хвост* 35, *лес* 15, *оранжевый* 8 (*оранжевая* 2), *заяц* 6, *мех* 5, *шуба* 5 и др. Особо следует отметить, что среди русских ассоциаций 48 слов культурно ориентированы, то есть связаны с культурным образом лисицы.

В истории Китая, согласно преданиям и некоторым историческим источникам, легенда о Великом Юе и его борьбе с наводнениями связана с ранним периодом основания первой китайской династии Ся. Благодаря успешной борьбе с наводнениями Юй был признан вождем союза племен и в конечном итоге основал династию Ся, став создателем первого царства в истории Китая. Согласно преданию, во время борьбы с наводнениями Юй проходил через гору Ту и встретил белую лису с девятью хвостами. Эта девятихвостая лиса считалась воплощением рода Ту-шань и символизировала тайну и благоденствие. Юй женился на женщине из рода Ту-шань, и у них родился сын по имени Ци. Ци впоследствии стал первым царем династии Ся, что ознаменовало официальное основание этой династии. Народ династии Ся верил, что они являются потомками людей и лис, живших вместе в древнем Китае. Это свидетельствует о том, что в династии Ся девятихвостая лиса наделялась сверхъестественными силами и священными качествами, воплощая черты неясных религиозных и культовых верований. Следующая династия Шан, являясь вторым рабовладельческим государством в Китае, также разделяла подобные мифы. Шанцы признавали, что их мифическими предками была девятихвостая лиса по имени Шу Хай. Впоследствии в «Шаньхайцзин» также упоминается, что в местности Циньцзю обитала девятихвостая лиса, которая почиталась как тотем племени. «Шаньхайцзин» – это известный древнекитайский географический и мифологический текст, который, как считается, начал составляться в период Воюющих царств, а позднее

многократно дополнялся, окончательно оформившись в эпоху Хань [2, с. 100].

Ко времени династий Чжоу и Хань слово *лиса* начало приобретать новое значение обычного зверя. Например, в 楚辞 «Чуци» говорится: «鸟飞返故乡兮, 狐死必首丘 (Птицы возвращаются в свои родные места, а лиса умирает, повернув голову к своему холму)». В этом произведении периода Воюющих царств лиса не демонизируется, а скорее используется как метафора для выражения личных чувств. Однако к концу династии Восточной Хань начинает появляться образ лисы как демонического существа. В 说文解字 «Шовэнь цзецзы» («Рассуждения о письменах и толкование иероглифов»; 121 г. н. э.; самый ранний из дошедших до нас систематических иероглифических словарей, заложивший основу традиционной китайской этимологии), написанном Сюй Шэнем в период Восточной Хань, даётся следующее определение: «Лиса – это дьявольский зверь, который меняет своё обличье». В произведении Гань Бао 搜神记 «Сошэньцзи» (эпоха Восточной Цзинь) появляется женский персонаж-лиса по имени Ацзы. Хотя у неё не наблюдаются явные негативные черты, уже присутствуют намёки на *соблазнение* и клевету [3, с. 79]. В эпохи Мин и Цин слово *лиса* окончательно приобрело новое значение соблазнительной демоницы. В многочисленных рассказах Пу Сунлина, собранных в 聊斋志异 «Ляочжай Чжи И», лисы-оборотни могли быть как добрыми, так и злыми, но неизменно принимали облик красивых женщин, которые с помощью лжи и своей красоты соблазняли мужчин, чтобы достичь своих целей [4, с. 87]. В современном китайском языке также существует слово «狐媚», означающее «соблазнительный, как лиса». В более поздние времена на образ лисы как обманщицы также повлияли внешние факторы западной культуры, такие как английское слово *fox*. В результате развития значения *лиса* стала ассоциироваться с хитростью, опытностью и коварством. Например, в современном китайском языке выражение «老狐狸» обычно

используется для описания человека, который является расчётливым, коварным и хитрым [5, с. 64].

Такие образы лисы нашли своё полное отражение в результатах ассоциативного эксперимента с китайцами. Например, среди ассоциаций встречается слово 狐仙 «лиса-оборотень», связанное с ранними представлениями о божественной природе лисы. Однако наиболее заметным является образ современной лисы как хитрого существа, что подтверждается частотой ассоциаций: *хитрость* 380, *коварство* 23, *обман* 13. В русской части ассоциативного эксперимента также доминируют ассоциации, связанные с хитростью: *хитрость* 174, *хитрый* 108 (*хитрая* 93), *хитрица* 5 и др. Кроме того, стоит отметить, что в русскоязычных результатах эксперимента обнаружено значительное количество ассоциаций, связывающих лисицу с культурными представлениями.

Можно сказать, что образ лисы в русской культуре и языке сформировался под влиянием народных преданий, литературы и общественных изменений. Первоначальные представления о лисе отражены в народных сказках и былинах. В русских народных сказках лиса традиционно изображалась как хитрое, находчивое и коварное животное. Она часто играла роль обманщицы, используя свою хитрость, чтобы перехитрить других животных или людей. Примером является сказка «Лиса и волк», где лиса многократно обманывает волка с помощью лжи и уловок. В ассоциативном эксперименте с русскоязычными белорусами как реминисцентная встречается ассоциация *волк* 5.

Представление о лисе также продолжало развиваться в русской литературе. Типичным примером является творчество баснописца И. А. Крылова, у которого лиса сохраняет черты хитрого и ловкого персонажа народных преданий. В басне «Ворона и лисица» лиса с помощью лести и хитрости завладевает сыром, демонстрируя своё стремление к манипуляции. В русском ассоциативном эксперименте встречаются ассоциации, которые следует рассматривать как культурные

благодаря этой басне Крылова: *сыр* 11, *ворона* 2 и др. Кроме того, в русской сказке «Лиса и журавль» и басне Эзопа «Лиса и виноград» также отражается хитрость лисы. Этот образ хитрого животного оказывает значительное влияние на формирование языковой картины мира в русской культуре, что в полной мере проявляется в нашем ассоциативном эксперименте.

У русскоязычных белорусов на слово лисица есть ещё реакция *сестрица* 10. Эта текстовая ассоциация появилась благодаря восточнославянскому фольклору. В белорусских сказках лисица, именуемая *лісічка-сястрычка*, представляет собой образец смекалки, а в некоторых случаях – женской изобретательности. Её образ во многом сходен с русским, однако зачастую отличается более доброжелательной интерпретацией.

Таким образом, образ лисы в языковой картине мира китайцев обладает сложной многогранностью, которая условно разделяется на три основных аспекта. Во-первых, хитрость. Во-вторых, лиса выступает как сверхъестественное существо в образе богини либо лисы-оборотня. В-третьих, образ красивой женщины, использующей свою внешнюю привлекательность и обаяние для достижения корыстных целей, ассоциируется с лисой. Это сравнение символизирует соблазнительность и коварство, что также нередко отражается в китайской литературе и искусстве. Указанные три аспекта формируют сложный, многослойный образ лисы, глубоко укоренённый в культурных представлениях и влияющий на восприятие этого животного в китайской языковой картине мира.

В русской культуре образ лисы, как правило, имеет негативную окраску, ассоциируясь с коварством и хитростью. В отличие от него, в белорусской культуре лиса изображается в положительном ключе. Под влиянием обеих культур образ лисы в языковой картине мира русскоязычных белорусов приобретает нейтральные характеристики.

С помощью данных ассоциативных экспериментов удалось точнее интерпретировать образ лисы в языковой картине мира китайцев и русскоязычных белорусов. Полученные результаты позволили выявить ключевые особенности этого образа в двух культурах, а также определить, как культурный контекст и языковые традиции влияют на его интерпретацию. Наши выводы расширяют представление о языке как отражении культуры, способствуют развитию межкультурной коммуникации и повышению эффективности языкового обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соседова, В. С. Соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» в современной лингвистике / В. С. Соседова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6(33). – С. 275–278. – DOI: 10.24833/2071-8160-2013-6-33-275-278
2. 宋泉金,王飞.浅谈“狐狸”词义历史变化以及方式、动因 [J].汉字文化, 2021 (18): 100–102. – DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2021.18.041. = Сун Цюаньцзинь. Об исторических изменениях в лексическом значении слова «лиса» / Сун Цюаньцзинь, Ван Фэй // Культура китайских иероглифов. – 2021. – № 18. – С. 100–102. – DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2021.18.041.
3. 黄霞,刘桂鑫.《搜神记》狐狸故事的文学与文化解读 [J].名作欣赏,2022(02): 78–81. = Хуан Ся. Литературная и культурная интерпретация сказки о лисе в «Сочествии богов» / Хуан Ся, Лю Гуйсинь. – Masterpiece Appreciation, 2022. – № 2. – С. 78–81.
4. 郝文华.拉封丹寓言和《聊斋志异》中狐狸形象之比较 [J]. 湘潮 (下半月), 2015 (02) : 87. = Хао Вэньхуа. Сравнение образа лисы в басне Лафонтена и «Ляочжай Чжи И» / Хао Вэньхуа. – Сянчао. – 2015. – № 2. – С. 87.
5. 宁佐权.汉语成语中“狐狸”文化义生成机制浅析[J].邵阳学院学报(社会科学版),2010, 9 (04): 64–66. = Нин Цзоюань. Краткий анализ механизма формирования культурного значения слова «лиса» в китайских идиомах // Журнал Ун-та Шаоян (изд-е по соц. наукам). – 2010. – № 9 (04). – С. 64–66.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В данной статье рассмотрена роль отдельных категорий русского глагола в качестве структурно-грамматического средства регулирования межличностных отношений в условиях речевого взаимодействия. Внимание при этом сфокусировано на ситуациях с компонентами установления, поддержания и размыкания коммуникативного контакта. Иллюстративный материал извлечен из современной русской художественной прозы.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, глагол, грамматическая категория, фатическая функция языка, речевой контакт

L. Kozlovskaya. Grammatical categories of the verb in the communicative and pragmatic aspect.

This article examines the role of individual categories of the Russian verb as a structural and grammatical means of regulating interpersonal relations in the context of speech interaction. The main focus is on situations with the components of establishing, maintaining and breaking communicative contact. Illustrative material is taken from modern Russian fiction.

Keywords: communicative grammar, verb, grammatical category, phatic function of language, speech contact.

В современной лингвистике не иссякает исследовательский интерес к так называемой коммуникативной грамматике, ориентированной на многокомпонентность и функциональную специфику конкретного речевого акта [1]. В рамках данной статьи на материале художественных текстов показан прагматический потенциал некоторых грамматических категорий русского глагола в аспекте установления и регулирования речевого контакта. К числу средств из арсенала фатической функции языка чаще всего относят лексические (стилистические), словообразовательные (в том числе окказиональные) единицы и др. Значительно меньше внимания в этом

аспекте уделяется грамматике, в то время как грамматические категории в качестве дополнительной нагрузки обнаруживают отчетливые прагматические коннотации, то есть служат в конечном счете достижению контактоустанавливающих и регулятивных целей.

Яркой иллюстрацией данного тезиса являются грамматические категории русского глагола, некоторые из которых, в частности наклонение, по своей природе призваны обслуживать фатическую функцию. Очевидны контактоустанавливающие и регулятивные оттенки значения в императивных формах просьбы, мольбы, позволения, предостережения, приказа, команды, пожелания, запрещения и им подобных. Например:

– Ну что, скажи, ты хотел этим доказать, ну что?

– Да ничего я...

– Молчи, молчи, противно слушать. Все равно ничего умного не скажешь. Вот бери бутерброды, пей чай и закусывай.

(Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей)

В регулятивном аспекте, который является основной прагматической характеристикой императива, могут быть рассмотрены и многочисленные конструкции изъявительного наклонения (индикатива) и сослагательного наклонения (конъюнктива). При этом наиболее показательны, на наш взгляд, случаи транспозиции форм наклонений, употребления одной формы вместо другой. Известно, что в определенной ситуации индикатив и конъюнктив могут выражать желательные, требуемые и прочие «императивные» действия, смягчая или, наоборот, усиливая степень категоричности побуждения. Так, индикатив, при основном значении отражения реального действия, может использоваться и в значении приказа, запрета, предупреждения с оттенком угрозы (ср.: *Ты немедленно все расскажешь! Ты будешь говорить или нет?* и др.). Приведем пример:

– Доброе утро! Какой нынче дивный выпал снег. Мы вчера с вами не договорили. Есть в душе человека такие таинственные струны...

– Можешь ты рот закрыть?

– Разумеется. *Закрытый рот* –это... так сказать, естественное состояние... Давайте вернемся к тому, о чем мы говорили...

(Б. Ласкин. Кролик)

Индикатив может употребляться и в значениях желательности, возможности, предположительности и других значениях, находящихся на грани побуждения, т.е. транспозиция форм наклонений при этом может рассматриваться в качестве грамматического средства смягчения категоричности побуждения (ср.: *Может быть, ты расскажешь правду?* и *Расскажи правду; Ты не хочешь погулять?* и *Погуляй!* и др.).

При выражении граничащих с побуждением значений параллельно с индикативом в условиях речевого общения активно действуют и формы сослагательного наклонения (ср.: *Ты расскажешь правду?* и *Ты рассказал бы правду; Ты не хочешь погулять?* и *Ты не хотел бы погулять?*). Приведем два примера, в первом из которых глагол в сослагательном наклонении используется с установкой на контакт, а во втором аналогичная грамматическая форма выбрана для демонстрации категоричного неприятия собеседника:

– *Что это вы, как куропатка оципанная?* – поинтересовался Михаил Никифорович.

– *Вам бы высказать сострадание мне, - грустно сказала Любовь Николаевна. – Дайте хотя бы закурить...*

(В. Орлов. Аптекарь)

– *Сэр Лайонел, - продолжал доктор Уорд, - правда, немножко нервничает...*

– *Ох, да замолчали бы вы!* – вдруг сорвался Невилл. – *Меня просто выворачивает, когда я слышу, как вы скрипите.*

(Ю. Герман. Дорогой мой человек)

Регулирование контакта с собеседником просматривается и в случае транспонирования императива в область функционирования изъявительного наклонения. Обозначенное данной формой действие характеризуется нежелательностью с оттенком упрека, например:

– Зачем же было так торопиться в дорогу?... Собирай потом после вас брошенные вещи! Так спешили, что и сапоги забыли... Ваши?

– Не знаю. У меня таких вроде не было.

(В. Кашин. Тени над Латорицей)

Таким образом, транспозиция грамматических форм глагольной категории наклонения является в языке далеко не избыточным явлением, как в плане расширения коммуникативных и стилистических возможностей грамматики, так и в плане регулирования речевого контакта в процессе общения. Так, транспонированные в область действия императива формы индикатива и сослагательного наклонения могут быть действенным средством достижения согласованности речевого взаимодействия, смягчая категоричность обозначаемых действий. Вместе с тем, как показано выше, в ситуациях с ярко выраженным эмоционально-оценочным фактором данные формы употребляются преимущественно с целью негативного воздействия на адресата.

Специфическими для разговорной речи являются модальные значения видо-временных форм глагола, которые в данном случае семантически соответствуют формам наклонений («синтаксические наклонения») и могут быть отнесены к аналитическим средствам их выражения. Из традиционно выделяемых восьми типов модальных значений видо-временных форм наиболее активными в плане регулирования контакта в процессе речевого общения являются волитивное и императивное значения, менее показательны условное, гипотетически негативное, потенциальное, облигативное, инъюнктивно-рефутативное и интенсивно-начинательное [2]. Так, волитивное значение имеют формы прошедшего времени в разговорных репликах типа *я поехал, (пошел, побежал, поплыл, ...)*, реализующихся на этапе размыкания речевого контакта. Семантически данные реплики обозначают намерение говорящего совершить названное действие непосредственно после момента речи и являются более категоричными в сравнении с другими временными формами в том смысле, что воспринимаются адресатом как сигнал окончательного свертывания речевого контакта. Приведем пример:

– Проснулся? ... Ну ты здоров поспать.

– А сколько времени?

– «Времени»! Одиннадцать!

– Я бегу, — сказал Геннадий.

– Как бежишь? А завтракать? Бежит! Побежал он! Куда побежал, зачем? — ласково ворчала мать.

– Мама, я ушел.

(А. Гребнев. Успех)

В императивном значении с оттенками безоговорочного приказа употребляются глаголы в форме будущего и прошедшего времени совершенного вида. Содержащие их высказывания, как правило, адресованы младшему по возрасту или имеющему более низкий социальный статус собеседнику. Достаточно употребительны по отношению к младшим в семье реплики типа *Сделаешь уроки, сходишь в магазин* (будущее время). Еще более категорично звучит предписание, содержащееся в высказываниях с глаголом в форме прошедшего времени совершенного вида (*Быстро ушли отсюда, убрали игрушки и легли спать*).

Глаголы несовершенного вида в силу своей неточечной, неопредельной семантики способны развивать в сравнении с глаголами совершенного вида смягчающие, «щадающие» оттенки при выражении, просьбы, приглашения, предложения и в этом смысле также способствуют сохранению устойчивого речевого контакта (ср. употребление в одной и той же ситуации форм *Зайдите и Заходите, Сядьте и Садитесь* и др.). Так, в следующих диалогах отчетливо просматривается категоричность формы совершенного вида в ситуации с элементами конфликта и, наоборот, доброжелательность, «смягченность» формы несовершенного вида глагола *садиться*:

– Сядьте, пожалуйста, — сказал Геннадий, — я вас не отпускал.

– Что? — обернулась она.

– Не знаю, как у вас в театре. Там, где я работал, спрашивали разрешения у режиссера.

– Я не вижу здесь режиссера, – сказала Арсеньева, уже твердо направляясь к выходу. (А. Гребнев. Успех)

Вдова Полунина на мгновение закрыла глаза, но вдруг она живо и приветливо улыбнулась.

– Садитесь!... Вид у вас измученный. Хотите, я кофе сварю? Давайте познакомимся. (Ю. Герман. Дорогой мой человек)

Кроме сказанного, следует упомянуть об использовании в речевом общении грамматических окказионализмов, вовлекающих адресата в своего рода языковую игру и тем самым играющих определенную социолингвистическую роль. В частности, такую дополнительную нагрузку могут нести потенциальные видовые корреляты, находящиеся на грани (или за гранью) литературной нормы. Ср.: с одной стороны, формы несовершенного вида типа *нюхивать, сваривать, сиротеть*, а с другой - формы совершенного вида типа *выплясать, откричать, наголосовать* и др. Приведем два примера:

Ну и хват же вы. Да что там, целуй, не целуй, не выцелуете командировку. Мне, старичку, дали, мне и ехать. (М. Булгаков. Дьяволиада)

– Господи, всю нервную систему ребенку расшатали... Если бы у нее была своя внучка, она ни за что не шатала бы ее систему, а жила только ее интересами

(В. Токарева. Когда стало немножко теплее)

Разумеется, аналогичную дополнительную семантическую нагрузку в речевом общении несут любые – не только глагольные – потенциальные или окказиональные образования. Таким образом, коммуникативно-прагматический анализ грамматических категорий русского глагола позволяет отнести их к тем средствам языка, которые в условиях общения могут служить целям установления, поддержания и размыкания речевого контакта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – М., 2016. – 208 с.

2. Михальцова, Т. А. Модальный потенциал категории времени русского глагола / Т. А. Михальцова, И. И. Горина // Вестник науки. – 2024. – № 4 (73), Т. 3. – С. 273–281.

ВЛИЯНИЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА СЛОВАРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается влияние турецкого языка на словарное разнообразие в сербском языке. Турецкий язык, как и сербский, является индоевропейским языком, но в связи с историческими контактами между этими народами турецкий язык оказал значительное влияние на сербский язык. В исследовании анализируются результаты лингвистических и исторических исследований, которые свидетельствуют о распространении турецких заимствований в сербском языке, особенно в области лексики и грамматики.

Ключевые слова: сербский язык, турецкий язык, межкультурное влияние, языковой контакт, культурные связи.

K. Korshunova. The influence of Turkish on vocabulary diversity in the Serbian language.

The article deals with the influence of Turkish language on vocabulary diversity in Serbian language. Turkish, like Serbian, is an Indo-European language, but due to historical contacts between these nations, Turkish has had a significant influence on Serbian. The study analyses the results of linguistic and historical studies that indicate the spread of Turkish loanwords in Serbian language, especially in the field of vocabulary and grammar.

Keywords: Serbian language, Turkish language, intercultural influence, language contact, cultural ties.

Турецкое владычество в Сербии (1459–1804 гг.) оказало огромное влияние на сербский язык. В результате этого на сербском языке появилось множество заимствованных слов из турецкого языка. Многовековое сосуществование сербов и турок на Балканах оставило глубокий след в двух языках. Турецкое влияние особенно заметно в словарном составе сербского языка, где присутствуют представители количества заимствований из турецкого языка. Эти слова охватывают широкий спектр семантических

полей, включая политику, военное дело, одежду, еду и повседневную жизнь. Влияние турецкого языка на сербский язык существенно и длительно, поскольку Турция контролировала Сербию пять столетий. Это взаимодействие оставило заметный след в сербском языке, особенно в словах и грамматике.

Огромное значение в сербском языке играют слова, которые обогатили сербскую языковую культуру за годы нахождения под влиянием Османской империи. Османская империя, правившая на большей части Балканского полуострова в течение пяти столетий, оказала влияние на развитие сербского языка. Турецкий язык, как официальный язык империи, проник в повседневную жизнь сербов, оставив свой след в сербском словаре, фонетике и грамматике [1; с. 75–78].

Помимо прямого заимствования, турецкий язык также считается сербским языком на структурном уровне. Например, сербский язык принял некоторые грамматические конструкции и синтаксические особенности, характерные для турецкого языка. Кроме того, Турция способствовала развитию новых литературных форм и стилей на сербском языке.

Турецкий язык имеет глубокие корни в культуре и языке сербов, особенно в период Османской империи, когда Турция контролировала значительную часть Балканского полуострова. В это время между сербами и турками возникли тесные языковые контакты, которые привели к обмену лексическим материалом и влиянию турецкого языка на сербский язык.

Однако влияние турецкого языка на словарное разнообразие в сербском языке не ограничивается только периодом Османской империи. Турецкий язык продолжает оставаться важным фактором в языковых контактах между сербами и турками, а также в языковом разнообразии сербского языка.

С точки зрения лингвистики влияние турецкого языка на сербский язык проявляется в следующих аспектах.

1. Турецкий язык имеет значительное количество заимствований в сербском языке, особенно в области лексики и фразеологии. Эти

заимствования включают слова и выражения, связанные с политикой, экономикой, культурой и ежедневной жизнью.

2. Турецкий язык также влияет на семантику сербского языка, особенно в области понятий и терминологии. Например, турецкие термины, связанные с торговлей и экономикой, стали частью сербского языка.

3. Турецкий язык имеет влияние на фонологию сербского языка, особенно в области звуков и артикуляции. Например, турецкие звуки и артикуляции стали частью сербского языка.

Турецкие слова в сербском языке являются не только историческим наследием, но и фактором, составляющим современную сербскую культуру и общество. Турецкие заимствования широко использовались в повседневной речи, а турецкие грамматические конструкции и синтаксические особенности стали фразовой частью сербского языка. Изучение истории формирования сербского языка и турецкого общественного движения имеет решающее значение для понимания культурной и языковой идентичности сербского народа [2; с. 146–147].

Турецкий язык обогатил сербский язык простыми заимствованными словами, которые касаются различных сфер жизни, включая администрацию, ведение хозяйства, торговлю и военное дело. Влияние турецкого языка на словарное разнообразие в сербском языке является результатом исторических контактов и взаимодействия между турецкой и сербской культурами. Турецкий язык оставил свой след в сербском языке, особенно в области лексики.

В XVI–XVIII вв. Сербия была под властью Османской империи, что привело к интенсивному контакту между сербским и турецким языками. Турецкий язык стал языком администрации, торговли и культуры, а также языком сословий, таких как военные, чиновники и купцы. Сербский язык, в свою очередь, использовался народом и в церкви.

В результате этого контакта турецкий язык внес свой вклад в словарь сербского языка, добавив новые слова и выражения. Турецкие заимствования в сербском языке появились в различных областях, таких, как:

- 1) финансы и торговля: термины «кредит», «банк», «ценз», «паре» (деньги);
- 2) кухня: такие термины, как «чевап», «пита», «баклава», «чорба»;
- 3) производство: такие термины, как «памук» [3].

В целом турецкий язык внес значительный вклад в словарное разнообразие сербского языка, особенно в области лексики. Это свидетельствует о глубоком влиянии турецкой культуры на сербскую культуру и язык.

Употребление турецких слов на сербском языке отражает длительную историю тесных культурных и политических отношений между двумя народами. Образ Османской империи, правившей территорией Сербии на протяжении многих столетий, оставил западный след в сербском языке. Многочисленные турецкие слова были включены в лексикон и продолжают использоваться до сих пор, особенно в повседневной речи.

Заимствованные турецкие слова охватывают широкий спектр семантических полей, от часто встречающихся терминов до абстрактных понятий. Примерами общеупотребительных турецких слов на сербском языке являются: «кафана» – кафе, «јањичар» – янычар и «памук» – хлопок. Интересно отметить, что некоторые из этих заимствований претерпели фонетические изменения, адаптируясь к сербской контекстной системе [4].

Помимо повседневной речи, турецкая лексика присутствует также в литературном сербском языке. Многие замечательные сербские писатели и поэты используют турецкие слова в своих произведениях, чтобы придать местный колорит и усилить или уточнить смысл. Одним из примеров является роман «На Дрини ћуприја» Иво Андрича, в котором тот щедро использовал турецкие выражения, отражающие культурный ландшафт Боснии и Герцеговины [5].

Заимствование турецких слов на сербском языке свидетельствует о сложном переплетении исторических, культурных и языковых факторов, соединяющих эти два народа. Знание турецкой лексики помогает понимать сербскую культуру и историю, а также отслеживать взаимосвязь между двумя вариациями на протяжении веков.

Оценка турецкого языка на сербском языке является многогранной и глубокой, охватывающей лексику, контекст и грамматику. Эти заимствования отражают долгую историю взаимодействия между двумя языками и культурами и являются свидетельством сложных исторических процессов, которые сформировали сербский язык в его нынешнем виде. В целом влияние турецкого языка на словарное разнообразие в сербском языке является важным аспектом языковой эволюции и языковых контактов между сербами и турками. Это влияние продолжает оставаться актуальным и важным фактором в языковом разнообразии сербского языка [6; с. 167–168].

По сути, турецкий язык в словарном запасе сербского языка был выступлением и оставил неизгладимый след в языке. Турецкие заимствования продолжают широко использоваться и в настоящее время, обогащая лексическое разнообразие сербского языка.

Влияние турецкого языка на сербский язык многогранно и включает в себя словарь, грамматику и фонетику. Включение турецких заимствований на сербском языке отражает многокультурное прошлое страны и позволяет отслеживать историю межнациональных контактов. Турецкий язык оказал влияние на словарное разнообразие сербского языка, обогатив его новыми понятиями и расширив его выразительные возможности. Это влияние отражает длительную историю взаимодействия между сербскими и османскими турками. Несмотря на то, что турецкое господство в Сербии закончилось более двух столетий назад, его лингвистическое наследие продолжает существовать на сербском языке. Сегодня турецкие слова являются частью сербского языка и свидетельствуют о культуре взаимообогащения двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. История южных и западных славян. Т. 1 / Под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 688 с.
2. Кречмер, А. Г. Южнославянские языки. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) / А. Г. Кречмер, Г. Невекловский // Языки мира.

Славянские языки / А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик [и др.]. – М. : Academia, 2005. – С. 146–147.

3. Турцизми у српском језику. – URL: <https://www.poreklo.rs/2013/10/11/turcizmi-u-srpskom-jeziku/>. (дата обращения: 29.06.2024).

4. Шкалич, А. Словарь турцизмов в сербскохорватском языке/ А. Шкалич. – Сараево, 1979.

5. Андрич, И.. Мост на Дрине / И. Андрич ; пер. с серб. Т. Вирта ; предисл. М. Биковича. – Москва : Изд-во АСТ, 2023. – 384 с.

6. Агасиева, Г. Тюркизмы в языке фольклора южных славян. / Г. Агасиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 167–168.

ПАЗНАЮЇЦЬ НАШУ ДАЧКУ І Ў АНДАРАЧКУ: ВІЗУАЛЬНАЯ ЛЕКСІКА Ў БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗКАХ (ЛІНГВАСЭНСАРНЫ АСПЕКТ)

Дадзеная работа прысвечана аналізу дзеясловаў зрокавага ўспрымання, выдзеленых па матэрыялах лексікаграфічных крыніц беларускіх прыказак. У артыкуле разглядаюцца дзеясловыя адзінкі, аналізуюцца іх семантычныя асаблівасці, а таксама разнастайныя сувязі паміж імі. Аўтар паказвае, што выяўленыя моўныя адзінкі выступаюць сродкам вербальнай рэпрэзентацыі візуальнай лексікі. Асаблівая ўвага ўдзяляецца выяўленню адзінак перцептыўнай лексікі зроку з мэтай лінгвасэнсарнага апісання дзяцей розных узростаў.

Ключавыя словы: дзеясловы зрокавага ўспрымання, лінгвістычная сэнсорыка, перцептыўная лексіка, вербальныя сродкі, парэмія.

V. Martsynkevich. Visual vocabulary in Belarusian proverbs (linguosensory aspect).

The article is devoted to the analysis of verbs of visual perception, selected from the materials of lexicographic sources of Belarusian proverbs. The article examines verbal units, analyzes their semantic features, as well as various connections between them. The author shows that the linguistic units act as a means of verbal representation of visual vocabulary. Special attention is paid to the identification of units of perceptual vocabulary of vision for the purpose of linguosensory description of children of different ages.

Keywords: verbs of visual perception, linguistic sensorics, perceptual vocabulary, verbal means, paroemia.

У лінгвістычнай літаратуры дзеясловы зрокавага ўспрымання неаднаразова станавіліся аб'ектам даследаванняў (Л.М. Васільеў, А. А. Крэтаў, Я. Ф. Касіцына, І. Ю. Колесаў, С. І. Мысіна, Т. Г. Скрабцова і інш.). Традыцыйна такія дзеясловы абазначаюць здольнасць чалавека ўспрымаць інфармацыю з дапамогай органа зроку: *бачыць* – ‘ўспрымаць зрокам’ [1, с. 352]; *глядзець* – ‘накіроўваць позірк куды-н., звычайна, каб убачыць, разгледзець каго-, што-н.’ [2, с. 60]; *відаць* – ‘можна бачыць, разгледзець’ [1, с. 488].

У ходзе нашага даследавання мы раздзяляем меркаванне даследчыкаў «аб звышшнагазначнасці» [3, с. 20] дзеясловаў зрокавага ўспрымання, што выяўляецца ў кантэкстах: *Стары, як малы: што бачыць, то просіць* – ‘пад старасць чалавек дзяціннее, робіцца капрызным’ [4, с. 218]; *Дагледзь мяне ў маласці, а я пашаную цябе ў старасці* [5, с. 121]; *Лепі даглядзі, а за руку не вадзі* [5, с. 131] – даглядаць каго-, што-н., наглядаць за кім-, чым-н. [2, с. 61]; *Твае дзеці – табе і глядзеці* [5, с. 121 – расціць, гадаваць, выхоўваць; *Бацька рыбак, і дзеткі ў ваду глядзяць* [6, с. 128] – дзеці пераймаюць заняткі бацькоў; *Вучацца мае дзеці – любя паглядзеці* – выражае эмоцыю унутранага стану бацькоў (замілаванне) ад працэсу навучання дзяцей; *Гадала сава дзеці – і няма на што глядзеці* [5, с. 137] – хто-, што-н. выглядае нікчэмна, выклікае пачуццё расчаравання [2, с. 61]; *Растуць дзеткі на лес гледзячы* [7, с. 135] – пра гадаванне дзяцей без нагляду, без бацькоўскай навукі [8, с. 694]; *Паглядзім, з якога ты поля ягадка, з якога гнязда птушка* [6, с. 352] – выражае зламоўнае пажаданне; *Каб не спатыкацца, трэба пад ногі прыглядацца* [9, с. 87] – выражае папярэджанне, перасцярогу быць уважлівым; *Птушачка па гняздечку відаць* [6, с. 140] – дзеці падобныя да бацькоў па паводзінах і ўчынках; *Відаць па вочках, што ходзіць па ночках* – ‘як цяжка не выдаць злачынства тварам’ [10, с.153].

Намі выяўлена, што дзеясловы зрокавага ўспрымання могуць выражаць і розныя ацэначныя канатацыі юнака і дзяўчыны як аб’ектаў узроставай ступені юнацтва. Параўнаем ацэначныя канатацыі пазітыўнага зместу: *Хоць жыццё ўтрачу, але мілага пабачу* [5, с. 8]; *На харошага глядзець хораша, а з разумным жыць лёгка* [9, с. 59]; *І кіўну, і маргну, і да сэрца прыгарну* (дзеяслоў *маргнуць* – ‘падаваць знак каму-н. рухам павек, падморгваць’ [11, с. 108]. Параўнаем ацэначныя канатацыі негатыўнага зместу: *Як не віжу, душа мрэць, а як увісну – з душы прэць* [5, с. 11]). Ужыванне двух дзеясловаў зрокавага ўспрымання ў адным кантэксце, на наш погляд, узмацняе адмоўную ацэнку дзяўчыны і ўспрымаецца як адмаўленне: *Ні сабе паглядзець, ні людзям паказаць* [7, с. 148]. Ацэначныя канатацыі ў кантэкстах таксама могуць выражацца ў форме парад

юнаку (*Цераз агонь скачы, а дзеўку сам сачы* [5, с. 27]; Пазірай на матку, а жаніся на яе дзіцятку [5, с. 27]; Сем раз глядзі, а назад не вядзі [5, с. 26]).

У спалучэнні з саматычным кампанентам *вочы* семантыка дзеяслова зрокавага ўспрымання *бачыць* можа пранікаць у сферу ўнутранага стану чалавека, пэўнага пачуцця (раскаяння, кахання): *Бачылі вочы, што купавалі: ежце, хоць навывлазце* ‘позняе раскаянне’ [4, с. 142]). Перцэптыўны паказчык можа ўказваць на выпраменьванне яркага святла, яго інтэнсіўнасць: *Каханне разумнага асляпляе* ‘кахаць і быць мудрым наўрад ці і Богу магчыма’ [10, с. 87].

Адзначаем іншыя «**больш спецыфічныя** дзеясловы зрокавага ўспрымання» [3, с. 20]. Услед за Н. К. Рабцавай [12, с. 232], мяркуем, што ў кантэкстах дзеясловы *пазнаць, шукаць, выбіраць* выконваюць функцыю ідэнтыфікацыі, параўнання і адрознення саміх фізічных прадметаў, дзеянняў і з’яў. Звернемся да парэміялагічных адзінак з дзеясловам *пазнаць*, зафіксаваных у розных лексікаграфічных крыніцах.

Значым, што функцыя адрознення ўжо закладзена ў слоўнікавай дэфініцыі самога дзеяслова *пазнаць* – ‘распознаць па якіх-н. прыкметах каго-, што-н.’ [11, с. 602]. *Пазнаюць* *нашу дачку і ў андарачку* ‘кажуць таму, хто, будучы непрыбраным, няёмка адчувае сябе перад чужым чалавекам’ [13, с. 414]. Выходзячы з такога тлумачэння, можна выказаць меркаванне, што гендарны аспект вербалізаваны ў найменні жаночага адзення *андарачок*, а сацыяльны заключаецца ў яго значэнні (*андарак* – ‘саматканая паласатая або клятчастая спадніца’ [1, с. 233]) і таму абазначае простую, будзённую вопратку, а не багатае ўбранне.

У другім слоўніку сэнс гэтай прыказкі тлумачыцца інакш – ‘добра вядомае лёгка распазнаецца ў любым абліччы’ [14, с. 113]. Найменне аб’екта ідэнтыфікацыі *дачка* (*дачка* – ‘асоба жаночага полу ў адносінах да сваіх бацькоў’ [15, с. 48]) ўказвае на ўстаноўленыя роднасныя сувязі. Параўнаем таксама: *Сваю дачку пазнаю ў андарачку* [16, с. 126]; *Маці пазнае дачку і ў чорным андарачку*. У кантэкстах вербалізацыя добра вядомага аб’екта адбываецца пасродкам ўжывання прыналежных займеннікаў *наша, свая* і назоўніка *маці* (*маці* – ‘жанчына ў адносінах да сваіх дзяцей’ [15, с. 49]), а любое аблічча (*чорны*

андарачок) не з’яўляюцца перашкодай для ідэнтыфікацыі аб’екта. Для параўнання: у кантэксце *Пазнаюць нашу дачку і ў [чырвоным] андарачку* [16, с. 126] суб’ектам ідэнтыфікацыі выступае няпэўная асоба (невядомы, чужы чалавек, нехта), што адпаведна выражана дзеясловам у форме 3 асобы множнага ліку.

Тлумачэнне сэнсу гэтай прыказкі можа пераходзіць у эмацыянальна-пачуццёвую сферу з ацэнчымі канатацыямі – ‘палобі мяне нікчэмнага, а добрага ўсе любяць’ [10, с. 89]. Выкажам меркаванне, што ў кантэксце слоўнікавая дэфініцыя *нікчэмны* дадаткова перадае ўражанне ад нязвыслага непрыгожага знешняга выгляду: *нікчэмны* – ‘неістотны, нязначны’ [2, с. 409]; *нікчэмны* – ‘няварты’ [15, с. 415]. Параўнаем таксама: *Мяне і так пазнаюць – дзедаву дачку ў **рваным** андарачку* [5, с. 263]. Па нашым меркаванні, у значэнні *рваны* – ‘парваны ў розных месцах; падраны, дзіравы’ [8, с. 557] спалучаюцца дзве “перцептыўныя кампаненты” [3, с. 17]: па-першае, з дапамогай органа зроку аб’ектыўна ацэньваецца ступень фізічнага ізносу андарака, па-другое, разбурэнне структуры тканіны з’яўляецца вынікам уздзеяння розных фізічных фактараў (час, прыродныя, бытавыя ўмовы і інш.).

Такім чынам, ва ўсіх трох слоўнікавых дэфініцыях кожны з семантычных кампанентаў (аб’ект – прадмет – суб’ект) дзеяслова *пазнаць* падлягае ідэнтыфікацыі ў розных аспектах. На функцыянальным узроўні аб’ектна-суб’ектныя адносіны выражаны праз прадмет ідэнтыфікацыі, у аснову якога пакладзены элементы знешняга выгляду (колер + якасць тканіны) і дэструктыўная прымета (даволі паношаны, ужо не новы андарак). У выніку даследавання мы можам гаварыць пра вербальную рэпрэзентацыю аб’екта на ўзроўні зрокавага і тактыльнага ўспрымання.

Структурна-семантычнае выражэнне дзеяслова *пазнаць* можна прадставіць у выглядзе схемы (мал. 1).

Выкажам меркаванне, што функцыю распазнання і ідэнтыфікацыі набываюць таксама дзеяслоўныя лексемы *шукаць, выбіраць*, калі ў змесце прыказак семантызуецца пошук шлюбнага партнёра. Параўнаем: *І галубок гукае, як павы **шукае**; Малы жук, а павы сабе **шукае*** [10, с. 89]; ***Шукай** жонку*

не на йгрышчы, а на ржышчы [5, с. 27]; Не **выбірай** дзеўку ў карагодзе, а **шукай** у агародзе [5, с. 27] (разам з тым, сродкам рэпрэзентацыі стваральнай дзейнасці ў кантэкстах з’яўляюцца назоўнікавыя адзінкі *ржышча*, *агарод*, што дае нам падставы гаварыць пра скіраванасць у сферу тактыльнасці).

Малюнак 1 – Ідэнтыфікацыйная структура дзеяслова *пазнаць*

Значэнне дзеяслоўнай лексемы **выбіраць** ‘параўноўваючы наяўнае, аддаваць перавагу каму-, чаму-н.’ [1, с. 520] дадаткова падтрымліваецца саматычнымі кампанентамі *вочы*, *вушы*: *Бачылі вочы, што выбіралі, то цяпер хай не плачуць* [16, с. 122]; *Жонку выбірай і вачыма, і вушыма* [5, с. 27]. Так, у спалучэнні з саматызмам *вочы* дзеяслоў набывае значэнне *глядзець* – ‘накіроўваць позірк куды-н., звычайна, каб убачыць, разгледзець каго-, што-н.’ [2, с. 60] і выконвае функцыю **аб’ектыўнай** ацэнкі: *выбіраць вачыма* – самому ўспрымаць з дапамогай органа зроку аб’ект выбару, а ў спалучэнні з саматызмам *вушы* набывае значэнне *слухаць* – ‘накіроўваць увагу на якія-н. гукі, намагацца пачуць што-н.’ [17, с. 210] і выконвае функцыю **суб’ектыўнай** ацэнкі: *выбіраць вушыма* – успрымаць з дапамогай органа слыху тое, што іншыя людзі гавораць пра аб’ект выбару. У іншых парэміях гучыць перасцярога быць

пераборлівым у меру, бо *За пераборы – лапці ды аборы; Не перабірай, а то скулу схачіш; За перабірачку выбераш гарачку* [5, с. 30].

Зрокавае ўспрыманне, а дакладней адсутнасць здольнасці бачыць (у кантэксте і здольнасці чуць) служыць асновай для стварэння зрокавай метафары: *Нячуйка і нябачка – то лепшы чалавек* [5, с. 397]. Мяркуем, што кожны сэнсарны вобраз (*нячуйка, нябачка*) валодае ўласцівай яму характарыстыкай і ілюструе пазіцыю неўмяшальніцтва ў справы іншых людзей.

Няздольнасць чалавека ўспрымаць навакольную рэчаіснасць з дапамогай органа зроку выражаецца аднакаранёвымі лексемамі *аслепнуць* – ‘стаць сляпым, страціць зрок’ [1, с. 282], *сляпы* – ‘які не бачыць, пазбаўлены зроку’ [17, с. 213]: *Сляпому дарогу не пакажаш; Сляпога за павадыра не пашлеш* [9, с. 87–91]; *Чаго б сляпы плакаў, каб сцезжку бачыў* ‘чалавек у распачы быў бы рады хоць малой надзеі на выратаванне’ [4, с. 115]. Дзеяслоў *аслепнуць* можа ўжывацца ў пераносным значэнні ‘перастаць заўважаць, разумець тое, што адбываецца вакол’ [1, с. 282]: *Як памерла матка, дык аслеп і татка* ‘калі памерла маці, а бацька ажаніўся ізноў, ён мала ўвагі звяртае на дзяцей ад першай жонкі’ [4, с. 125]. Такім чынам, у працэсе семантычнай дэрывацыі ад першаснага ЛСВ дзеяслова *аслепнуць* утвараецца другасны ЛСВ, які рэалізуецца ў межах «зрокавай мадэлі» [18, с. 178] *аслепнуць* ‘стаць сляпым, страціць зрок’ → ‘перастаць заўважаць, разумець тое, што адбываецца вакол’.

Такім чынам, у выніку аналізу фактычнага матэрыялу ўстаноўлена наступнае. У парэміялагічных адзінках ўжываюцца традыцыйныя дзеясловы зрокавага ўспрымання, якія эксплікуюць фізіялагічную функцыю вачэй (*бачыць, відзець, глядзець, відаць, міргаць, паказаць, пазіраць, сачыць*), таму саматычны кампанент *вочы* з’яўляецца рэпрэзэнтантам візуальнай лексікі. Семантыка дзеясловаў зрокавага ўспрымання ўтрымлівае ацэначныя канатацыі як пазітыўнага, так і негатыўнага зместу. У складзе прыказак дзеясловы зрокавага ўспрымання выкарыстоўваюцца для абазначэння больш вузкіх, спецыфічных дзеянняў распазнання і ідэнтыфікацыі (*пазнаць, шукаць, выбіраць*). У прааналізаваных кантэкстах праз розныя аспекты ідэнтыфікацыі

адбываецца рэпрэзентацыя пераважна юнака і дзяўчыны як аб'ектаў узроставай ступені юнацтва. Спалучэнне розных каналаў успрымання (зрок, тактыльнасць, слых) адлюстроўвае разнастайныя сувязі паміж дзеяннямі і з'явамі рэчаіснасці, якія ўспрымаюцца чалавекам органамі пачуццяў.

ЛІТАРАТУРА

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 1 : А–В / [рэд. М. П. Лобан]; АН БССР, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа, 1977. – 604 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 2 : Г–К / [рэд. А. Я. Баханькоў]; АН БССР, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа, 1978. – 765 с.
3. Харченко, В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
4. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX ст. / А. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 320 с.
5. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 615 с.
6. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі ; прагн. Д. Я. Бугаёва. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.
7. Касько, У. К. Палескі дзіваціл : беларус. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі : са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага / У. К. Касько. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 383 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 4 : П–Р / [рэд. Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]; АН БССР; Ін-т мовазн. імя Я. Коласа, 1980. – 767 с.
9. Мудрыя дарадцы : прыказкі і прымаўкі : [для сярэд. шк. узросту / уклад. А. У. Янголь ; маст. В. В. Мікіта]. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Юнацтва, 1983. – 94 с.
10. Proverbia et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Н. А. Ганчарова, І. М. Шчарбакова, Л. Г. Калядка [і інш.] ; пад рэд. Н. А. Ганчаровай. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 255 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 3 : Л–П / [рэд. П. М. Гапановіч]; АН БССР; Ін-т мовазн. імя Я. Коласа, 1979. – 672 с.

12. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.

13. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

14. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : Лінгвакраізназнаўчы дапаможнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Мінск : Бел. Фонд Сораса, 1997. – 262 с.

15. Чалавек : тэат. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа ; склад. В. Дз. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Бел. навука, 2006. – 573 с.

16. Анталогія беларускай народнай прыказкі, прымаўкі і выслоўя / [уклад., аўт. прадм. А. С. Фядосік]. – Мінск : Ураджай, 2002. – 298 с. : іл.

17. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 5, кн. 1 : С–У / [рэд. М. Г. Суднік] ; АН БССР ; Ін-т мовазн. імя Я. Коласа, 1983. – 663 с.

18. Старычонак, В. Д. Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый) : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2022. – 316 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ ОТРАСЛЬ НАУКИ

Научные изыскания на пересечении языка и права направлены преимущественно на решение трёх фундаментальных проблем: когнитивно-семиотической (определение специфики формирования терминосистемы права), коммуникативно-прагматической (исследование языковых и жанровых особенностей юридического дискурса) и судебно-экспертной (совершенствование методического инструментария лингвистической экспертизы). Юрислингвистика не имеет однозначно закреплённого статуса в системе научного знания. Мы её рассматриваем как самостоятельную отрасль языкознания, возникшую на пересечении с юриспруденцией и призванную решать теоретические и практические проблемы лингвоправового пространства. В свою очередь лингвистическую экспертологию мы определяем как раздел юрислингвистики. Лингвистическая экспертология актуализирует инструментарий оценки спорных речевых произведений.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистическая экспертология, судебная лингвистическая экспертиза.

V. Maslava, A. Dziadzinkin. Linguistic expertise as an applied branch of science.

Scientific research at the intersection of language and law is mainly aimed at solving three fundamental problems: cognitive-semiotic (determining the specifics of the formation of the legal terminology system), communicative-pragmatic (studying the linguistic and genre features of legal discourse) and forensic (improving the methodological tools of linguistic expertise). Legal linguistics does not have an unambiguously fixed status in the system of scientific knowledge. We consider it as an independent branch of linguistics, which arose at the intersection with jurisprudence and is designed to solve theoretical and practical problems of the linguistic legal space. In turn, we define linguistic expertise as a branch of legal linguistics. Linguistic expert studies actualizes the tools for evaluating controversial speech works.

Keywords: legal linguistics, linguistic expertise, forensic linguistic expertise.

Современная лингвистика подвергает исследованию не изолированные друг от друга феномены, а комплексы каузально связанных явлений. Это обусловлено тем, что причины возникновения языкового факта могут находиться в области интересов других наук.

Для наименования «пограничной» отрасли, образованной на стыке лингвистики и юриспруденции, используются различные категории. Так, ещё в 1968 г. шведский языковед Я.Свартвик [1] ввёл в научный оборот термин «судебная лингвистика» («Forensic Linguistics»). В 1976 г. немецким лингвистом А. Подলেখом был предложен более широкий по своему значению термин «правовая лингвистика» («Rechtslinguistik»), под которым автор понимал «совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм, и отвечают требованиям современной лингвистики» [2, с. 106].

Российские учёные называют исследуемую отрасль «судебным речеведением» (И. Галяшина), «лингвокриминалистикой» (Л. Златоустова), «лингвистической экспертизой» (М. Горбаневский), «грамматикой права» (А. Александров). В 1999 г. Н. Голевым был введён термин «юрислингвистика» [3], которым пользуются, в том числе, и белорусские исследователи (В. Маслова, А. Дединкин, А. Лавицкий и др.).

Первые лингвоправовые исследования были выполнены в Великобритании и США ещё в 1960-е гг. Данные разработки стали основой для формирования англо-американской школы [4].

В Великобритании стимулом для научных изысканий стали проблемы, связанные с характером получения полицией свидетельских показаний. «Судейскими правилами» был определён регламент, в соответствии с которым правоохранители должны были подробно фиксировать ответы допрашиваемых, не перебивая их. Вместе с тем, на практике использовался так называемый «полицейский регистр», когда материалы допроса произвольно дополнялись трактовками дознавателя, что зачастую приводило к искажению фактов. В итоге для установления аутентичности показаний стали назначаться лингвистические экспертизы.

В США предпосылкой для развития лингвоправовых исследований стали научные дискуссии по делу Э. Миранды, которого в 1963 г. осудили за совершение ограбления. В 1966 г. на основании заявления осуждённого о том, что ему не разъяснили суть имеющихся у него прав (хранить молчание и пользоваться услугами адвоката), обвинительный приговор был отменён. Данный прецедент лёг в основу юридического требования, согласно которому в момент задержания сотрудник полиции должен ознакомить подозреваемого с его правами и получить положительный ответ на вопрос, понимает ли тот сказанное.

Становление романо-германской школы лингвоправовых исследований началось в 1980-е гг. Наибольший вклад в развитие новой интегративной отрасли внесли учёные Германии, Франции, Австрии и Швейцарии. В этих странах лингвисты изначально работали в тесном взаимодействии с полицией, что позволило избежать судебных ошибок, с которыми сталкивались в США и Великобритании, где заключения экспертов были необязательными. Закономерным в данном случае был и тот факт, что именно в Германии в 1988 г. Федеральное ведомство уголовной полиции организовало первую конференцию по правовой лингвистике [5, с. 50].

О значительном внимании в западных странах к проблемам взаимодействия языка и права говорит то, что в 1993 г. была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. С 1994 г. стал выходить научный журнал «Forensic Linguistics» (в настоящее время – «International Journal of Speech, Language and the Law»). В конце XX в. юрислингвистика стала одной из образовательных программ. Впервые её освоили магистранты Кардиффского университета (Великобритания) [6, с. 89–90].

Исключительное значение на формирование юрислингвистики и её ключевого раздела – лингвистической экспертологии – оказали разработки советских учёных [7]. В 1920-е–1930-е гг. советскими юристами (П. Верховским, И. Ильинским, Н. Полянским и др.) были опубликованы работы, в которых изучался стиль юридического языка. Учёными было доказано, что тексты правовых актов должны соответствовать критериям простоты и доступности.

В середине 1950-х гг. правовая лингвистика оформилась в качестве отдельного направления советской юридической науки. Её основателем является доктор юридических наук, профессор А. Ушаков. В это время на системной основе исследованию был подвергнут достаточно широкий круг проблем, среди которых: формирование юридической терминосистемы (А. Пиголкин, Е. Прянишников, Т. Рахманина, И. Самощенко и др.); особенности стиля правовых актов (И. Брауде, И. Ильин, В. Лях, Н. Миронов, А. Ушаков и др.); специфика юридического текста (С. Алексеев, Е. Горбачева, И. Грязин и др.). Вместе с тем в советской юриспруденции языковому фактору отводилась второстепенная роль, считалось, что нормативность порождает не язык, а социально-экономический базис.

Научное поле собственно лингвистических исследований на пересечении с юриспруденцией возникло лишь во второй половине 1980-х гг. Фундаментальными в этом плане стали разработки в области функциональной стилистики Л. Кыркуновой и социолингвистики Л. Крысина.

В Российской Федерации юрислингвистика как отрасль языкознания и лингвистическая экспертология как её раздел окончательно оформилась к концу 1990-х гг. В настоящее время в России функционируют несколько школ лингвоправовых исследований: Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС), Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России (АЛЭЮР), Московская школа лингвокриминалистики, Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» и др.

В последние годы целым рядом российских университетов были открыты магистерские программы, выпускники которых получают квалификацию судебных экспертов-лингвистов. К примеру, в Санкт-Петербургском, Томском, Южном федеральном университетах ведётся подготовка по специальности «Юридическая лингвистика», в Кемеровском и Башкирском государственных университетах – по специальности «Юридическая и документная лингвистика».

В Республике Беларусь с некоторым опозданием, но всё же происходит становление отечественной школы юрислингвистики, которую формирует доктор филологических наук, профессор В. Маслова. В работе школы принимают участие такие исследователи, как А. Лавицкий, А. Дединкин, И. Виноградов.

По мнению В. Масловой, юрислингвистика – это научная отрасль, объектом которой являются и юридические аспекты языка, и лингвистические аспекты права. В качестве ключевых разделов интегративной отрасли обозначены правовое речеведение, юридико-лингвистическая герменевтика и судебная лингвистическая экспертиология [8]. А. Дединкиным [9] вслед за В. Масловой обоснована позиция о том, что методологическая база юрислингвистики должна опираться не только на языкознание, но и на достижения других наук (к примеру, философии, юриспруденции, политологии, психологии, социологии). Вместе с тем автор указывает на необходимость разграничения лингвистических и юридических аспектов одних и тех же явлений на стыке языка и права.

Определяя объект и предмет юрислингвистики, на наш взгляд, следует исходить из того, что именно язык находится в центре юридического бытия. Полагаем, что современный взгляд на соотношение языка и права должен быть «лингвоцентристским» и опираться на следующие положения.

1. Нельзя говорить о языке лишь как о форме отражения права.
2. Правовая система детерминирована в первую очередь языковой реальностью и лишь опосредованно – идеологией, психологией, социально-экономическим укладом и т. д.
3. Нет другого способа бытия права, кроме дискурса, т.е. языкового поля речедеятельности.

По нашему представлению, объектом юрислингвистики является юридический дискурс как специфическая коммуникативная среда, включающая любые тексты в правовом преломлении: от правовых актов до зафиксированных конфликтогенных высказываний.

В таком случае предметная область юрислингвистики будет определяться такими аспектами анализа юридического дискурса, как:

- языковые нормы и требования к составлению правовых актов;
- механизмы толкования юридического текста;
- речевая коммуникация в процессе судебного разбирательства;
- терминосистема права;
- особенности перевода юридических документов;
- методология лингвистической экспертизы спорных текстов.

Отметим, что предложенная нами трактовка предметного поля юрислингвистики не ограничивает сферу её научных изысканий. Мы рассматриваем исследуемую нами отрасль как открытую, способную к углублению интегративных связей с различными областями науки.

Значительный рост количества вербальных правонарушений в Республике Беларусь за последние десятилетия вызвал необходимость в систематическом проведении лингвистических исследований, а следовательно, и развитии лингвистической экспертологии.

Производство судебной лингвистической экспертизы предполагает разрешение спорных вопросов, связанных с интерпретацией и атрибуцией текстов. В ходе исследования осуществляется корреляция признаков состава речевого правонарушения с соответствующими лингвистическими маркёрами. Спорные тексты судебными экспертами-лингвистами исследуются в нескольких аспектах:

- 1) как носители информации о событиях (анализ денотативного компонента);
- 2) как речевые акты (анализ иллокутивного компонента);
- 3) как носители информации, содержащей характеристики качеств или действий субъекта (анализ оценочного компонента);
- 4) как речевые события, произошедшие в тех или иных обстоятельствах (анализ экстралингвистического компонента).

Отечественная лингвоэкспертология применяет широкий набор прикладных методов, используемых для исследования различных типов речевых произведений. К наиболее продуктивным, на наш взгляд,

относятся методы компонентного, стилистического, контекстуального, фреймового, логико-грамматического и аудитивного анализа.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия» (№ Г24-008).

ЛИТЕРАТУРА

1. Svartvik, J. The Evans statements: A case for forensic linguistics / J. Svartvik. – Göteborg : University of Göteborg, 1968. – 44 p.
2. Podlech, A. Rechtslinguistik / A. Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften / Grimm, Dieter [Hrsg.]. – Bd. II. München : Beck, 1976. – S. 105–116.
3. Голев, Н. Д. Юридический аспект в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / [Отв. ред.: Н. Д. Голев]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 11–58.
4. Глинская, Н. П. Современные исследования западной юридической лингвистики: новые проблемы и подходы / Н. П. Глинская // Вестник Московского университета. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 152–158.
5. Luttermann, K. Übersetzen juristischer Texte als Arbeitsfeld der Rechtslinguistik / K. Luttermann // Recht und Übersetzen. – Baden-Baden : Nomos, 1999. – S. 47–57.
6. Полякова, Я. В. Некоторые вопросы истории и современных тенденций развития юридической лингвистики в зарубежных странах / Я. В. Полякова // Вестник Донбасской юридической академии. – 2022. – № 20. – С. 83–92.
7. Ковкель, Н. Ф. Особенности формирования и развития правовой лингвистики в российской дореволюционной, советской и постсоветской юриспруденции / Н. Ф. Ковкель ; Белорус. гос. экон. ун-т. – URL: http://bseu.by:8080/bitstream/edoc/7499/2/Kovkel_N_F_Trudy_2013_S_490-497_ocr.pdf (дата обращения: 22.12.2023).
8. Маслова, В. А. Синтез наук как основа для возникновения юрислингвистики / В. А. Маслова, А. А. Лавицкий // Studia Rossica Gedanensia. – 2019. – С. 27–36.
9. Дединкин, А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука / А. Л. Дединкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1 (85). – С. 220–228.

С. Г. Милько
Минск, Беларусь

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ КОМПОЗИТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается влияние процессов глобализации на развитие современного русского языка через заимствование англоязычных композитов. Исследуются ключевые факторы, способствующие проникновению и адаптации таких лексических единиц, а также их роль в трансформации языковых структур. Особое внимание уделяется социальным и культурным аспектам, отражающим динамику межкультурного взаимодействия. Акцент сделан на необходимости поиска баланса между сохранением национальной языковой идентичности и интеграцией глобальных тенденций.

Ключевые слова: англоязычные композиты, глобализация, русский язык, заимствования, адаптация языка.

S. Milko. English compounds as a reflection of globalization processes in the Russian language.

Abstract. The article explores the influence of globalization processes on the development of modern Russian through the adoption of English compounds. Key factors contributing to the penetration and adaptation of such lexical units are examined, along with their role in transforming linguistic structures. Special attention is given to the social and cultural aspects reflecting the dynamics of intercultural interactions. The emphasis is placed on the need to balance preserving national linguistic identity with integrating global trends.

Keywords: English compounds, globalization, Russian language, borrowings, language adaptation.

Современный этап развития русского языка характеризуется интенсивными процессами заимствования, что связано с глобализацией как ключевым социально-экономическим явлением XXI века. Глобализация, по определению Т. Э. Алимова и Ф. Б. Юлбарсова, представляет собой «многогранный процесс глобальной социально-экономической и культурной интеграции и объединения» [1, с. 254].

Как подчёркивает А. К. Абдрахман, глобализация языка – это процесс, в ходе которого все формы языковой системы преобразуются в единую глобальную языковую систему. Язык, идущий в своём развитии по пути глобализации, становится полифункциональным и мобильным, преодолевая государственные и национальные границы. Однако, глобализация языка, наряду с такими преимуществами, как снижение барьеров и расширение взаимодействия, приводит к интерференции и изменению уникальных характеристик национальных языков [2].

Глобализация также приводит к трансформации языковой картины мира. Как отмечает А. А. Слесарева, этот процесс способствует стиранию национальных барьеров и возникновению межнациональных культур, объединённых единым языковым полем. Глобализация рассматривается как исторический феномен современной эпохи, формирующий единство мира и новый формат межкультурной коммуникации [3].

В русском языке глобализация проявляется через активное внедрение англоязычной лексики, в том числе англоязычных композитов. Композиты, по определению И. В. Арнольд, представляют собой «слова, состоящие по меньшей мере из двух основ, которые используются в языке как свободные слова» [4]. Е. М. Ефремова подчёркивает, что основным признаком композитов является их семантическая цельность и морфологическая цельнооформленность [5].

Как отмечает О. Н. Кравченко, композиты представляют собой «языковые выражения из нескольких полнозначных слов или основ, которые должны представлять собой целостную единицу номинации, в которую нельзя вклинить другие полнозначные единицы и которая моделируется для выражения определённого словообразовательного значения определённым формальным способом» [6, с. 65].

Проникновение англоязычных композитов в русский язык обусловлено совокупностью внешних и внутренних факторов. Внешние причины, такие как глобализация и активные экономические, политические и культурные связи,

тесно связаны с внутренними мотивами – потребностью в лаконичных, престижных и экспрессивных выражениях. Е. К. Абакумова и Е. М. Сергеева отмечают, что англицизмы часто привлекают внимание благодаря их новизне, подчёркивающей высокий уровень информированности говорящего. Особенно это заметно в престижных контекстах, таких как медиа и реклама, где использование англоязычных слов может стать толчком к их дальнейшей ассимиляции [7].

Процесс адаптации заимствований проходит несколько этапов, описанных В. М. Аристовой. На первом этапе – этапе проникновения – слово начинает использоваться в речи, сохраняя связь с исходным языком. На этапе усвоения звуковая и графическая форма слова адаптируется к нормам языка-реципиента, наполняясь содержанием, близким к русским понятиям. На последнем этапе, этапе укоренения, заимствованное слово обретает самостоятельность, становится частью повседневной речи и может обрастать однокоренными словами или аббревиатурами [8, с. 29].

Интернет играет ключевую роль в процессе проникновения композитов. Глобальные платформы, такие как YouTube, TikTok, Instagram, Reddit и др., предоставляют мгновенный доступ к англоязычным словам, превращая их в часть повседневного языка. Композиты, такие как *clickbait* ‘кликбейт (провокационные заголовки)’ и *time killer* ‘занятие для «убивания времени»’, активно распространяются через интернет-тренды и мемы, ориентированные на молодую аудиторию. Такие слова быстро закрепляются в русском языке, становясь универсальными инструментами коммуникации.

Средства массовой информации также способствуют популяризации англоязычных композитов, используя их для описания новых явлений. Например, *fake news* ‘фейковые новости’ и *greenwashing* ‘гринвошинг’ или ‘зеленый камуфляж’ вошли в российский дискурс благодаря широкому освещению в новостях и аналитических публикациях. Такие композиты нередко становятся более удобными для выражения сложных понятий, чем их русские аналоги.

Реклама в свою очередь закрепляет англоязычные композиты, делая их символами современности и статуса. Например, *Black Friday* ‘чёрная пятница’ стал узнаваемым термином благодаря глобальным маркетинговым кампаниям, а *trophy wife* ‘молодая жена (жена для статуса)’ и *quiet luxury* ‘тихая роскошь’ закрепились в рекламе люксовых брендов, формируя имидж элитарности.

Массовая культура дополняет этот процесс, активно вводя композиты через музыку, кино и популярные тренды. Так, *hot girl summer* ‘лето горячей девушки (идея, популяризированная песней Megan Thee Stallion)’ и *couch potato* ‘ленивый человек, проводящий время перед телевизором’ стали частью молодёжного сленга благодаря их использованию в развлекательной индустрии. Культурные ассоциации усиливают восприятие этих композитов, делая их неотъемлемой частью современных социальных контекстов.

Таким образом, интернет, средства массовой информации, реклама и массовая культура формируют единую среду, в которой англоязычные композиты не только закрепляются в русском языке, но и становятся отражением глобализационных процессов. Адаптация таких слов осуществляется через различные переводческие трансформации. Проанализируем несколько примеров.

Food sharing ‘фудшеринг’ вошёл в русский язык под влиянием глобализации и роста экологической повестки. Этот композит обозначает перераспределение излишков еды для сокращения пищевых отходов и устойчивого потребления. Его проникновение связано с популяризацией международных инициатив, освещением темы в СМИ и активностью в социальных сетях. Изначально использовались варианты вроде ‘разделение еды’ или ‘обмен продуктами’. Однако такие формы не закрепились из-за утраты оригинальной лаконичности и ассоциативной связи с английским термином. На следующем этапе была применена транслитерация, в результате чего появился термин ‘фудшеринг’. Эта

форма сохранила фонетическую связь с оригиналом, обеспечив узнаваемость, а также укоренилась благодаря активному использованию.

Digital detox ‘цифровой детокс’ обозначает осознанное ограничение использования гаджетов и интернета для восстановления психологического комфорта. Проникновение термина связано с ростом внимания к ментальному здоровью и концепции осознанной жизни. Адаптация термина в русском языке прошла через транслитерацию и семантическую замену. Попытки калькирования, такие как ‘цифровая разгрузка’, не закрепились из-за отсутствия связи с популярным англоязычным оригиналом.

Композит *cancel culture* ‘культура отмены’ обозначает практику общественного осуждения или бойкота личности, организации или явления за их высказывания или действия, которые воспринимаются как неприемлемые. Закрепление композита в русском языке связано с активным использованием в социальных сетях (Twitter, Instagram, Facebook), где явление стало предметом глобального обсуждения. Средства массовой информации также способствовали популяризации термина, освещая скандалы с участием известных личностей и организаций.

Адаптация термина в русском языке прошла через калькирование и перестановку. Слова *cancel* и *culture* были переведены дословно как ‘отмена’ и ‘культура’, что позволило сохранить семантическую структуру оригинала. Попытки транслитерации не закрепились из-за сложности восприятия. В некоторых контекстах используется лексико-семантическая замена, например, ‘общественный бойкот’, но эта форма встречается реже из-за потери лаконичности.

Композит *team building* ‘тимбилдинг’ вошёл в русский язык под влиянием глобализации и внедрения западных бизнес-практик. Термин обозначает мероприятия, направленные на сплочение коллектива и улучшение взаимодействия. Популяризация термина началась с международных методов управления персоналом, внедряемых через тренинги и семинары. Медиа и интернет способствовали его закреплению в корпоративной культуре.

Адаптация прошла через транслитерацию, создавшую форму *‘тимбилдинг’*, которая быстро укоренилась благодаря лаконичности и связи с оригиналом. Попытки калькирования, такие как *‘построение команды’*, не получили распространения из-за громоздкости.

Babysitter ‘бэбиситтер’ обозначает человека, временно ухаживающего за детьми. В отличие от традиционного слова «няня», предполагающего долгосрочный уход и выполнение широкого спектра обязанностей, «бэбиситтер» используется для краткосрочного присмотра за ребёнком, чаще всего на почасовой основе. Несмотря на популяризацию через массовую культуру, интернет и профессиональную сферу, композит пока не получил высокой степени укоренения в русском языке. Это обусловлено конкуренцией с русским эквивалентом «няня», который воспринимается более благозвучным и привычным. Тем не менее, вариант ‘бэбиситтер’ сохраняется в узких контекстах, подчёркивая западную модель временного ухода и отражая влияние глобализационных процессов на русскоязычную лексику.

Таким образом, глобализация, как ключевое явление современности, оказывает значительное влияние на развитие русского языка, способствуя активному заимствованию англоязычных композитов. Эти заимствования, проходя сложные этапы адаптации, обогащают лексический состав, вводя новые термины и концепты, отражающие изменения в социально-экономической, культурной и технологической сферах. Проникновение композитов осуществляется через интернет, средства массовой информации, рекламу и массовую культуру, которые формируют благоприятные условия для их укоренения.

Использование различных переводческих трансформаций позволяет адаптировать композиты к нормам русского языка, сохраняя их оригинальные значения и формы. Однако закрепление этих заимствований в языке зависит от их соответствия коммуникативным потребностям и культурным ожиданиям русскоязычной аудитории. Вместе с тем, активное внедрение англоязычной лексики вызывает опасения относительно утраты национальной идентичности.

Как подчёркивает А. К. Абдрахман, «глобализация языка приводит к риску упрощения структуры языка и утрате этнической уникальности народов. Если общество будет использовать единый универсальный язык, это может сделать социум безликим и однообразным, что противоречит самой природе языка как динамичной системы, впитывающей культурные и субъективные особенности каждого народа» [2, с. 11].

Интересно, что ещё в XIX веке В. И. Даль критиковал чрезмерное заимствование, отмечая: «Испещрение речи иноземными словами вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим, почитая русское слово, до времени, каким-то неизбежным худом, каким-то затоптанным половиком, рогожей, которую надо успеть усыпать цветами иной почвы, чтобы порядочному человеку можно было пройти» [9, с. 4]. Эта критика остаётся актуальной и сегодня, отражая необходимость поиска баланса между сохранением национальной языковой идентичности и интеграцией новых лексических единиц.

Таким образом, англоязычные композиты выступают не только как лексическое явление, но и как индикатор глобализационных процессов. Они отражают не только интенсивность межкультурных контактов, но и готовность русского языка к интеграции новых реалий, что подчёркивает его динамичность и адаптивность в условиях современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов, Т. Э. Русский язык в эпоху глобализации / Т. Э. Алимов, Ф. Б. Юлбарсов // Молодой ученый. – 2021. – № 53 (395). – С. 253–255.
2. Абдрахман, А. К. Межязыковая интерференция и влияние процесса глобализации на русский язык / А. К. Абдрахман // Актуальные проблемы филологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань : Молодой ученый, 2018. – С. 9–11.
3. Слесарева, А. А. Глобализация английского языка / А. А. Слесарева // Вестник ВолГУ. Серия 9 : Исследования молодых ученых. – 2017. – № 15. – С. 79–81.
4. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: Флинта : Наука, 2012. – 376 с.

5. Ефремова, Е. М. Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композитов в современном английском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ефремова, Екатерина Михайловна ; МГПУ. – М., 2012. – 15 с.

6. Кравченко, О. Н. Словообразование прилагательных, обозначающих внешние и внутренние качества человека: на материале английского, немецкого и русского языков / О. Н. Кравченко // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., Белгород / под ред. И. Б. Игнатовой. – Белгород, 2012. – Вып. 7, ч. 1. – С. 64–69.

7. Абакумова, Е. К. Причины и источники появления англицизмов в лексике русского языка / Е. К. Абакумова, Е. М. Сергеева // Юный ученый. – 2021. – № 3 (44). – С. 8–10.

8. Аристова, В. М. Морфологическая структура английских слов в русском языке / В. М. Аристова // Англо-русские языковые контакты. – Л., 1978. – С. 29–44.

9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб. ; М., 1998. – 853 с.

Ю. В. Назаранка
Мінск, Беларусь

ВЫБРАННЫЯ АФАРЫЗМЫ Г. СЕНКЕВІЧА І С. Е. ЛЕЦА: ПРАГМАТЫЧНЫ АСПЕКТ

Адзначаецца заўсёдна актуальнасць афарызмаў як жанраў малой слоўнай творчасці, у прыватнасці, на матэрыяле спадчыны такіх майстроў афарызма для польскай літаратуры і культуры, як Генрык Сенкевіч і Станіслаў Ежы Лец, апісваюцца моўныя сродкі стварэння вобразу ў іх, якія не страчваюцца нават пры перакладзе на беларускую мову.

Ключавыя словы: афарызм, выслоўе, тэкст, інтэртэкстуальнасць, дыкурс, семіётыка, прагматыка.

Y. Nazaranka. Selected aphorisms of H. Senkevich and S. E. Letz: pragmatic aspect.

The constant relevance of aphorisms as genres of small verbal creativity is noted, in particular, based on the heritage of such masters of aphorism for Polish literature and culture as Henryk Sienkiewicz and Stanislaw Jerzy Lez, the linguistic means of creating an image in them are described, which are not lost even when translated into Belarusian.

Keywords: aphorism, saying, text, intertextuality, discourse, semiotics, pragmatics.

Геніяльны твор зразумее і
дурань. Але ж зусім інакш!

С. Е. Лец

З самых старадаўніх часоў трапныя, глыбокія па змесце і цікавыя па форме выразы прыцягвалі да сябе ўвагу. Дзякуючы сваёй універсальнасці (блізкасці лаканічнасцю і дакладнасцю да навукі, а яркай вобразнасцю і глыбінёй смантыкі – да мастацтва), яны сталі дзейным сродкам у барацьбе з будзённасцю і аднастайнасцю чалавечага маўлення. Выдзеліўшыся ў асобны жанр літаратуры, выслоўі (якія ў больш вузкім сэнсе называюцца яшчэ афарызмамі), відаць, наўрад ці калі стануць неактуальнымі. Пра гэта сведчыць той факт, што большасць літаратурных шэдэўраў літаральна «распалася» на афарызмы, а моватворчасць (асабліва інтэрнэт-прасторы)

пераходзіць у рэчышча надання афарыстычнасці ўжо наяўным творам малой слоўнай формы (*баба з возу – кабыла ў курсе спраў*).

Польская літаратура ў сусветнай скарбніцы афарыстыкі прадстаўлена такім вядомым імем як Станіслаў Ежы Лец, які ствараў не толькі афарызмы як асобныя творы, але быў паэтам, пісаў эпіграмы. Варта таксама адзначыць, што да жанру максімы (павучальны, “сур’ёзны” афарызм) можна залічыць і шматлікія выказванні Генрыка Сенкевіча. У якасці крыніцы мы выкарысталі маскоўскі энцыклапедычны зборнік выказванняў, куды ўвайшлі менавіта гэтыя польскія аўтары ў перакладзе на рускую мову [1]. Возьмем на сябе адказнасць сцвярджаць, што роднасць моў дазволіла нам паспрабаваць перакласці афарызмы на беларускую мову, не губляючы пры гэтым ні вобразу, ні сэнсу, ні граматычна-сэнсавай структуры выказванняў.

Стварэнне афарызма – гэта слоўная творчасць, акт мастацкай камунікацыі. «У працэсе мастацкай камунікацыі чалавек атрымлівае інфармацыю не толькі з паведамлення, але і з мовы, на якой з ім гаворыць мастацтва. Таму мова мастацтва ніколі не бывае незаўважнай, аўтаматызаванай, загадзя прадказальнай сістэмай» [2, с. 116]. Знакі, з якіх мы будзем тэкст, не вычэрпваюцца толькі сістэмай марфем, лексем мадэляў сказаў. Яны бясконца разнастайныя, бо карані іх – у “сістэме” культуры як мноства знакавых па сваім прызначэнні артэфактаў. Такім чынам, непазбежна нараджаецца феномен “знак у знаку”, “тэкст у тэксце”, што прывяло да з’яўлення інтэртэкстуальнасці: *Так званая ідэйная размова, складаецца, як вядома, у вялікай ступені з цытавання загаловаў розных кніжак* (Г. Сенкевіч).

На жаль, у энцыклапедыю ўвайшло ўсяго 16 выказванняў Г. Сенкевіча, большасць якіх тычыцца агульначалавечых каштоўнасцей (каханне, сяброўства, шчасце, шчырасць і пад.); яны выказаны ў форме максім і прыдатныя ў большай ступені для дыдактычных мэтаў:

Нішто так не скарае, не размягчае сэрца мужчыны, як усведамленне таго, што яго любяць.

Лепш адкрыты вораг, чым ліслівы сябар.

Дзякуючы згодзе растуць малыя краіны, з-за раздраю гінуць вялікія дзяржавы.

Велічінна кожнага няшчасця вымяраецца не яго сутнасцю, а тым, як яно адбіваецца на чалавеку.

Але калі выказванні такога кшталту хутчэй успрымаюцца як павучанні, пабудаваныя на прадказальных сувязях элементаў мовы як сістэмы, то афарызмы С. Е. Леца характарызуюцца найперш парадаксальнасцю, якая выходзіць за межы стылістыка-рытарычнага прыёму, ператвараючыся ў спосаб згарнуць значны кавалак рэчаіснасці ў сказ-сусвет, іншымі словамі, спарадзіць дыскурс:

Рэформа календара не скарачае тэрміну цяжарнасці.

Баюта часам робіць уражанне глыбіні.

Для коней і закаханых сена пахне па-рознаму.

Жыццё адымае ў людзей занадта многа часу.

На кожнай горнай вяршыні ты апыняешся над безданню.

Сапраўдны вораг цябе ніколі не пакіне.

У кожнага веку ёсць сваё сярэднявечча.

Факт заўсёды голы, нават калі ён модна апрануты.

Семіётыка афарызмаў – гэта семіётыка тэкстаў, якія часта, але далёка не заўжды складаюцца з аднаго сказа-выказвання. Афарызмы Станіслава Леца – «мікратэксты, што шырока і грунтоўна ўводзяць чытача ў бясконца разнастайны свет духоўнай культуры чалавецтва» [3], але гэтыя мікратэксты далёка не заўжды адначленныя (маецца на ўвазе сказ-выказванне). Актыўна ўжываліся Лецам выказванні, пабудаваныя па ўзоры лагічнага суджэння: тэзіс – доказ, у якім якраз і хаваецца эфект “падманутага чакання”, які дасягаецца:

- новым, свежым зместам антанімічных паняццяў:

Жыццё – шкодная рэч. Ад яе ўсе паміраюць.

Тоўстыя жывуць менш. Затое ядуць больш.

Вяліка сіла мізэрнасці! Яе нішто не адолее.

У каго шырэйшы кругагляд, у таго звычайна вузейшыя перспектывы.

Што можа быць больш змястоўным, чым пустая галава?

- алагічным вынікам на першы погляд звычайнага тэзісу:

Ім ужо не дасягнуць мэты ў своечасова. Яна засталася далёка ззаду.

Нашы пункты погляду супадаюць. Пытанне толькі ў тым, чый – з чым.

Не кажы пра чалавека дрэнна. Бо і ты – ён.

Даражы словам. Кожнае можа стаць тваім апошнім.

Усё ў чалавечых руках. Таму іх трэба як мага часцей мыць.

У барацьбе ідэй гінуць людзі.

- парадзіраваннем (прыём, калі бярэцца вядомы тэкст і напаўняецца новым зместам):

Здараецца, што пакаранне цягне за сабой злачынства.

Асцерагайся патрапіць пад чужое кола фартуны.

Апраўданне людзедаў: «Чалавек – гэта скаціна».

Падумаць толькі! На агні, што Праметэй украў у багоў, спалілі Джардана Бруна.

- іроніяй (як прыём патрабуе пераназывання прадмета або з'явы, у гэтым яна збліжаецца з эўфемізмам, але «іронія лепей выяўляе дыстанцыю, што захоўваецца ў адносінах да фактаў, паколькі яна амаль заўсёды адмаўляе іх» [4, с 205]:

‘Дзікая свіння’ гучыць значна прыстойней, чым проста ‘свіння’.

Калі б палепшылася ўменне весці гутарку, знізілася б нараджальнасць.

Часам іронія мусіць адрадыць тое, што разбураў пафас.

Плагіятары спяць спакойна. Муза – жанчына, яна рэдка прызнаецца, хто быў першым.

Састарэўшы, клічнік становіцца пытальянікам.

З часоў стварэння чалавека ўсе удасканаленні яго канструкцыі абмяжоўваюцца пратэзамі.

*Заўсёды знойдуцца эскімосы, якія вытрацоўваюць для жыхароў
Конга парады, як сябе паводзіць пры самай страшнай гарачыні.*

- парцэляцыяй (але, відавочна, са зрухам лагічнага зместу):

Гадзіннік б'е. Усіх.

- “адмоўнай парадай” (па сутнасці, дарэчнай перасцярогай):

Філасафы! Не адкрывайце філасофскага каменя. Яго прывяжуць на шыю.

Не лезь да людзей у абдымкі – не дапамагай укрыжваць сябе.

Не пішы крэда на агароджы.

Усе хочуць добра. Не аддавай яго!

- хіязмам:

*Адны хацелі б разумець то, у што вераць, а іншыя – паверыць у тое,
што разумеюць.*

Як адзначыў Анатоль Франс, «паэтычны вобраз павінен мець некалькі сэнсаў. Той, што вы адкрываеце ў ім, для вас і будзе сапраўдным сэнсам» [5, с. 10]. Афарызмы Г. Сенкевіча і С. Е. Леца цалкам адпавядаюць вырашэнню падобнай задачы – прымушаюць чытача шукаць глыбінны сэнс выслоўя, яго прагматычны патэнцыял, паколькі іх аўтары выдатна валодалі майстэрствам стварэння паэтычных вобразаў, заўсёды знаходзячы для гэтага трапнае і дарэчнае слова.

ЛІТАРАТУРА

1. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / [авт.-сост. В. Белязин].. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 848 с.
2. Агеев, В. Н. Семиотика / В. Агеев. – М., Весь мир, 2002. – 254 с.
3. Михневич, А. Е. Заметки по семиотике афоризмов Станислава Ежи Леца / А. Е. Михневич // IV Супруновские чтения. – Минск, 2005. – С. 142–146.
4. Общая риторика / Ж. Дюбуа [и др.]. – М., 1986. – 391 с. – С. 252.
5. Франс, А. Собр. соч. : в 8 т. : пер. с фр. / А. Франс ; под общ. ред. Е. А. Гунста, В. А. Дынник, Б. Г. Реизова. – М. : Гос. изд-во худож. л-ры, 1957–1960. – Т. 3: Красная лилия; Сад Эпикура ; Колодезь святой Клары ; Пьер Нозьер ; Клио. – 1958. – 846 с. – С. 110.

СПЕЦИФИКА КИТАЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена изучению специфики китайской повседневной интернет-коммуникации; определению влияния процесса глобализации на китайский язык, а также анализу особенностей протекания конфликтов в комментариях, являющихся неотъемлемой частью интернет-коммуникации.

Ключевые слова: конфликт, коммуникация, интернет-комментарий, анализ, китайский язык.

K. Piskun. Specificity of Chinese daily internet communication.

The article is devoted to the study of the specifics of Chinese everyday Internet communication; determination of the influence of the globalization process on the Chinese language, as well as the analysis of the features of the course of conflicts in comments, which are an integral part of Internet communication.

Keywords: conflict, communication, online commentary, analysis, Chinese language.

С развитием современных информационных технологий интернет-культура становится ближе к жизни людей. Она предоставляет ряд возможностей как для индивидуальной, так и для групповой интернет-коммуникации. Популярность онлайн-общения и неформального языка интернет-пользователей привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов [1–9].

Существует ряд особенностей, которые отличают китайский интернет от остального онлайн-мира. К ним относятся всесторонний контроль и цензура со стороны государства в отношении огромной сети пользователей и публичных выступлений. Китайское правительство создало систему, известную как «Великая Китайская Брандмауэр», или «Зеленая Стена Китая», чтобы контролировать и ограничивать информацию, которая

покидает страну и приходит из-за рубежа. Это позволяет правительству изолировать контент и информацию, считаемую нежелательной или угрозой национальной безопасности. Однако, несмотря на интернет-надзор и цензуру, в последние годы широко используются онлайн-форумы, сайты социальных сетей, Weibo, QQ, WeChat, Instagram, TikTok и др.

Для того, чтобы снять психологическую нагрузку, преодолеть стрессовое состояние, избежать фрустрации, многие пользователи сети стремятся выразить свое мнение и показать себя в онлайн-мире с помощью интернет-дискуссий. Широкие возможности для самовыражения снижают действие защитных механизмов психики, позволяя каждому пользователю формировать контент для себя и для своего интернет-окружения [10, с. 76].

Огромную роль как в интернет-коммуникации, так и в повседневной коммуникации в целом играют социокультурные нормы и особенности речевого поведения китайцев, основанные на принципах конфуцианства, во многом отличающиеся от норм представителей русскоязычной лингвокультуры. Так, например, традиционным является использование иерархической модели отношений (от старших – к младшим), формулы обращения: фамилия + должность / титул / профессия: 先生 Wáng xiānshēng ‘мистер Ванг’. Ритуал общения также строго регламентирован: нельзя первым начинать беседу со старшим, нельзя перебивать собеседника, нельзя выдавать чужие мысли за свои, нельзя давать односложные ответы на вопросы и т. д. [11, с. 109–110].

Отдельно были выделены темы-табу в китайской коммуникации. Так, к таким темам относят: 1) политику, политический строй своей страны; 2) обсуждение родителей; наставников, учителей; 3) проституция и наркомания (в стране существует пропаганда здорового образа жизни и семейных ценностей); 4) блюстителей порядка; 5) еда (в Китае существует культ уважительного отношения к еде: из-за неблагоприятных климатических условий есть проблема в ограниченности ресурсов питания) и др. [12, с. 675–676].

Однако в современной китайской интернет-коммуникации (особенно среди молодежи) наблюдаются черты процесса глобализации, оказавшие влияние на китайский язык в целом. Следует отметить, что с ходом процесса глобализации строгие китайские эстетические позиции ослабевают. В настоящее время встречаются разговоры и шутки на темы, недопустимые ранее, но они всё ещё являются отклонением от нормы. Это проявляется в:

- 1) использовании заимствований (嗨 ‘hāi’ ‘привет’, 拜拜 ‘bàibài’ ‘пока-пока’);
- 2) использовании сокращений и числовых кодов (LOL ‘Laughing Out Loud’ ‘громко смеяться’, BF ‘best friend’ ‘лучший друг’, 521 ‘wǔ èr yī’ ‘я люблю тебя’);
- 3) использовании эмоджи, смайлов, эмотиконов (:-), 😊);
- 4) использовании инвективной лексики, сленга, жаргона и др.,
- 5) использовании коротких предложений;
- 6) нарушении правил синтаксической структуры предложений (традиционной синтаксической структурой в китайском языке является: обстоятельство времени / места + подлежащее + сказуемое + дополнение; в интернет-коммуникации зачастую обстоятельство ставится после сказуемого);
- 7) нарушении иерархической модели отношений, выражающееся в использовании личного местоимения 2 лица ед. ч. 你 Nǐ ‘ты’ вместо 您 ‘Nín’ ‘Вы’;
- 8) появлении интернет-конфликтов [13, с. 36–38].

Необходимо отметить, что ранее появление интернет-конфликтов, публичное выяснение отношений, спор, использование инвективной и обценной лексики и т. д. в сети было невозможным. Причиной тому являлись уже отмеченные выше догмы конфуцианства и всесторонний контроль правительства, однако в настоящее время это стало неотъемлемой частью общения в сети.

Материалом исследования были выбраны интернет-комментарии в социальных сетях Instagram и TikTok, т. к. многие популярные мировые социальные сети и мессенджеры в Китае не работают, а регистрация во многих китайских соцсетях для иностранных пользователей невозможна.

Целью исследования является анализ особенностей протекания

конфликтов в интернет-комментариях на китайском языке. Было проанализировано 43 интернет-дискуссии, путем сплошной выборки было отобрано 2 корневых поста, наиболее ярко демонстрирующих наличие конфликта в интернет-комментариях и способов его реализации. Среди проанализированных комментариев были выявлены наиболее конфликтные темы корневых постов: личная жизнь актеров, блогеров, звезд (37 %), внешность (44 %), события в повседневной и общественной жизни (11 %), другие – транспорт, спорт и т. д. (8 %). Зачастую конфликтные комментарии встречались к постам, темы которых в себе конфликт не содержали. Так, для **примера 1** был взят пост известного китайского актера, в котором он разместил постер к фильму, сопроводив его комментарием «12/28 我们曼谷见 12/28 Wǒmen màngǔ jiàn ‘Увидимся в Бангкоке 28 декабря’¹».

Комментарии (перевод выполнен автором статьи):

(1) kathyjan123: 有機會台灣/台北見嗎♡□ Yǒu jīhuì táiwān/táiběi jiàn ma ♡□ ‘Увидимся в Тайване/Тайбэе, если у вас будет возможность ♡□’.

(2) wjw851210246@kathyjan123: 他來我會瘋掉Tā lái wǒ huì fēng diào ‘Я сойду с ума, если он придет’.

(3) candy1902001@kathyjan123: +1000

(4) dreamiloveuou@wjw851210246: 我也是🐼🐼🐼 Wǒ yěshì ‘я тоже’

(5) 32.81531172@wjw851210246: 哈哈 其实你们直接来大陆也很方便啊 Hāhā hā qíshí nǐmen zhíjiē lái dàlù yě hěn fāngbiàn a ‘Ха-ха-ха. На самом деле, вам очень удобно приехать прямо на материк’.

(6) lau.3603@kathyjan123: 应该没啥机会了, 之前胡歌去台湾交流都被你们政府各种限制, 这几年应该内地的明星基本不会去台湾的 Yīnggāi méi shá jīhuìle, zhīqián hú gē qù táiwān jiāoliú dōu bèi nǐmen zhèngfǔ gè zhǒng

¹ Ссылка на корневой пост: <https://www.instagram.com/p/DCGhii4vsOO/>

xiànzài, zhè jǐ nián yīnggāi nèidì de míngxīng jīběn bù huì qù táiwān de
'Никаких шансов быть не должно. Предыдущие визиты на Тайване были
ограничены вашим правительством. В последние годы знаменитости с
материка практически не имеют возможности ездить на Тайвань'.

(7) kathyjan123@32.81531172: 大陸太大了 要遇見棣棣是難上加難呀

ㄅㄛ ㄅㄛ Dàlù tài dàle yào yùjiàn dì dì shì nán shàng jiā nán ya ㄅㄛ ㄅㄛ 'Материк
настолько велик, что встретить Ди Ди крайне сложно ㄅㄛ ㄅㄛ'

(8) bana08042@kathyjan123: 棣棣的公开活动一般是会提前公布时间地
点的, 像是节目录制 商务站台 电影路演都可以来呀 Dì dì de gōngkāi huódòng
yībān shì huì tíqián gōngbù shíjiān dìdiǎn de, xiàng shì jiémù lùzhì shāngwù
zhàntái diànyǐng lǚyǎn dōu kěyǐ lái ya 'Время и место публичных мероприятий
Ди Ди обычно объявляются заранее, например, записи программ, бизнес-
платформы и роуд-шоу фильмов. Вы можете прийти'.

(9) billyyy1996@lau.3603: 不是賴台獨禁止大陸人來台? Bùshì lài tái dú
jìnzhǐ dàlù rén lái tái? 'Не потому ли, что независимость Тайваня
запрещает жителям материка приезжать на Тайвань?'

Пример 1 интересен тем, что здесь затрагивается провокационная
тема – обсуждение принятых решений относительно острова² (в Китае
относится к табуированной теме). Так как Instagram является всемирной
социальной сетью (а не только китайской), то пользователи могут открыто
выражать свое мнение, не боясь попасть под цензуру. Подтверждением
этого является использование такой тематической лексики, как 政府
Zhèngfǔ 'правительство', 不会 bù huì 'не иметь возможности', 禁止 jìnzhǐ
'запрещать' и др. Наряду с обсуждением возможной встречи с актером
(комментарии 1–4, 8) возникает еще одна тематическая цепочка интернет-

² Здесь имеется в виду Тайваньский кризис 2022 г., который привел к обострению отношений между
Китаем и Тайванем.

комментариев (5–7, 9), в которых как раз и происходит конфликтная дискуссия относительно отсутствия возможности посещения острова. Триггером к появлению конфликтных интернет-комментариев послужил комментарий (1), в котором пользователь выразил свое желание встретить актера на Тайване, что и спровоцировало дальнейшую цепочку комментариев: *其实你们直接来大陆也很方便啊* *qíshí nǐmen zhíjiē lái dàlù yě hěn fāngbiàn a* 'На самом деле, вам очень удобно приехать прямо на материк' - *这几年应该内地的明星基本不会去台湾的* *zhè jǐ nián yīnggāi nèidì de míngxīng jīběn bù huì qù táiwān de* 'В последние годы у знаменитостей с материка практически нет возможности ездить на Тайвань'.

Примечательным является тот факт, что зачастую китайские пользователи не используют китайские никнеймы, а заменяют их на английские либо же вовсе числовые, например: *kathyjan123*, *32.8153117*. По нашему мнению, этому могло послужить две причины: 1) опять же обход цензуры; 2) стремление к европеизации (результат влияния процесса глобализации). К результатам влияния глобализации в примере 1 можно также отнести: 1) частое использование эмоджи; 2) использование числовых значений вместо слов, например в комментарии (3) пользователь написал *+1000*, что означает полное согласие с предыдущим комментатором. Использование графических средств и числовых значений значительно сокращает время написания комментария, что является необходимым при высокой скорости протекания интернет-коммуникации.

Завершается конфликт вопросом, содержащим одновременно иронию и упрек: *不是賴台獨禁止大陸人來台? Búshì lài tái dú jìnzhǐ dàlù rén lái tái?* 'Не потому ли, что независимость Тайваня запрещает жителям материка приезжать на Тайвань?'. Такой вид завершения конфликтного общения можно охарактеризовать «обрывом» общения, т. е. используя в комментарии вопрос, пользователь зачастую предполагает дальнейшее продолжение

дискуссии, а отсутствие продолжения общения свидетельствует: 1) о нежелании других коммуникантов продолжать разговор; 2) высокой скорости интернет-коммуникации (данная дискуссия могла просто пропасть из внимания); 3) нежелании обсуждения решений китайского правительства.

Отличительной чертой протекания конфликтной интернет-коммуникации в примере 1 является следование принципу вежливости: даже если мнение коммуниканта не совпадает с остальными, конфликт протекает нейтрально, с невысокой степенью эмоциональности, характеризуется отсутствием оскорблений, сниженной / обценной / инвективной лексики и др.

Пример 2 демонстрирует наличие в корневом посте конфликтной триггерной темы – темы денег. Корневой пост содержит видео, в котором репортер интересуется, куда пропали деньги: «*记者狂追问许家印 2万亿的钱你是从哪里借的? 谁允许的? 谁审批的? 谁盖章的? 许家印表示记者问了一个世界上最难回答的问题 Zhě kuáng zhuīwèn xǔjiāyìn 2 wànyì de qián nǐ shì cóng nǎlǐ jiè de? Shéi yǔnxǔ de? Shéi shěnpī de? Shéi gài zhāng de? Xǔjiāyìn biǎoshì jìzhě wènle yīgè shìjiè shàng zuì nán huídá de wèntí 'Репортер спросил Сюй Цзяина³, у кого он взял займы 2 триллиона юаней? Кто это разрешил? Кто это одобрил? Сюй Цзяинь ответил, что репортер задал самый трудный вопрос в мире'»⁴.*

Комментарии:

(1) *CanLi909: 请问该记者还在人世吗? Qǐngwèn gāi jìzhě hái zài rénshì ma? 'Подскажите, репортер еще жив?'*

(2) *liuyi-superman: 听口音是国外的 Tīng kǒuyīn shì guówài de 'Акцент звучит как иностранный'.*

³ Известный китайский бизнесмен.

⁴ Ссылка на корневой пост: <https://www.tiktok.com/@tonglu770/video/7287336424137870625?q=%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E7%9A%84%9A%84%E9%97%AE%E9%A2%98&t=1732096402879>.

(3) 0: 聽口音就能知道他是國外的媒體! 🤖🤖 Tīng kǒuyīn jiù néng zhīdào tā shì guó wài de méití! Lihàile ‘По акценту видно, что он из зарубежного СМИ!’.

(4) Cmx: 牢飯好吃不? Láo fàn hào chī bù? ‘Вкусная ли тюремная еда?’.

(5) BigMac: 不在乎 Bùzàihū ‘плевать’.

(6) Kevin Love freedom: 你信嗎 Nǐ xìn ma ‘Ты веришь в это?’

(7) 1: 得閒飲茶 哈哈 😊 Déxián yǐnchá hāhā 😊 ‘Есть время попить чаю ахаха 😊’

(8) Mahone: 沒了 Méiliǎo ‘Yüdu’.

(9) 0: 你看不出來是p的嗎 Nǐ kàn bù chūlái shì p de ma ‘Почему ты не говоришь, что это фотопшоп’.

(10) Kevin: 剪輯合成的啦! 🤖🤖 Jiǎnjí héchéng de la! 🤖🤖 ‘Все отредактировано и синтезировано’.

(11) 0: 他沒借兩萬億 Tā méi jiè liǎng wàn yì ‘Он не брал в долг два триллиона’.

(12) 白丁: 假的 Jiǎ de ‘ложь’.

(13) 小韓: 在不在無所謂 他的提問才是重點 zài bùzài wúsuǒwèi tā de tíwèn cái shì zhòngdiǎn ‘Не имеет значения, здесь он или нет, его вопросы – это ключевой момент’.

В примере 2 возникло сразу несколько цепочек развития конфликтных обсуждений. Нами было выделено 3 цепочки коротких конфликтных дискуссий: 1) тема денег (记者狂追问许家印 2 万亿的钱你是从哪里借的? Zhè kuáng zhuīwèn xǔjiāyìn 2 wàn yì de qián nǐ shì cóng nǎlǐ jiè de? ‘Репортер спросил Сюй Цзяина, у кого он взял займы 2 триллиона юаней?’ 他沒借兩萬億 Tā méi jiè liǎng wàn yì ‘Он не брал два триллиона’ – 假的 Jiǎ de ‘ложь’); триггером возникновения конфликтной дискуссии на тему денег можно считать содержание корневого поста, т. к. эта тема часто вызывает

острую эмоциональную реакцию среди пользователей; а использование вопросов в самом корневом посте нацелено на развитие данной дискуссии;

2) обсуждение репортера (请问该记者还在人世吗? Qǐngwèn gāi jìzhě hái zài rénshì ma? ‘Скажите, пожалуйста, репортер еще жив?’ – 听口音是国外的 Tīng kǒuyīn shì guówài de ‘Акцент звучит как иностранный’ – 聽口音就能知道他是國外的媒體! Tīng kǒuyīn jiù néng zhīdào tā shì guó wài de méitǐ! Lìhàile 🙄🙄 ‘По акценту видно, что он из зарубежного СМИ!’ – 牢饭吃不? Láo fàn hào chī bù? ‘Вкусная ли тюремная еда?’ – 不在乎 Bùzàihū ‘плевать’). В данной цепочке интернет-комментариев можно проследить использование коммуникантами иронии (комментарии 1, 5), целью которой являлось выражение негативного отношения по поводу обсуждаемой ситуации. Обсуждение акцента репортера также играет важную роль, т. к. коммуниканты намекают на то, что если репортер иностранный, то данная ситуация с пропажей большой суммы денег может появиться в зарубежных СМИ и подорвать имидж страны; 3) обсуждение подлинности предоставленного видео (по мнению некоторых коммуникантов, видео является фейком): 你信吗 Nǐ xìn ma ‘Ты веришь в это?’ - 你看不出来是p的 吗 Nǐ kàn bù chū lái shì p de ma ‘Почему ты не говоришь, что это фотомошон’ – 剪辑合成的啦! Jiǎnjí héchéng de la! ‘Все отредактировано и синтезировано!’). Здесь мы можем судить о повышении степени эмоциональности дискуссии, о чем свидетельствует использование большого количества восклицательных и вопросительных предложений.

В целом пример 2 отличается более высокой степенью эмоциональности (по сравнению с примером 1), о чем свидетельствует использование не только вопросительных и восклицательных

предложений, но также иронии (комментарии 1, 4); эмоционально-образной лексики: *不在乎* *Bùzàihū* ‘плевать’, *無所謂* *wúsuǒwèi* ‘не имеет значения’; междометий *哈哈* *hāhā* ‘ахаха’ и др.

Также в примере 2 необходимо упомянуть о двойственности упомянутого в примере 1 принципа вежливости, выражающейся, с одной стороны, в использовании этикетных формул, например: *请问* *Qǐngwèn* ‘Скажите, пожалуйста’, с другой – в отсутствии иерархической модели, означающей обращение к старшим и незнакомым людям с помощью местоимения *您* *Nín* ‘Вы’, вместо которого в комментариях наблюдаем использование местоимения 2 лица ед. ч. *你* *Nǐ* ‘ты’, что свидетельствует о снижении этикетных норм и правил культуры общения в сети.

Стоит отметить, что все три цепочки конфликтных интернет-дискуссий имеют логическое завершение, выражающееся в использовании попытоживающих фраз: *不在乎* *Bùzàihū* ‘плевать’, *沒了* *Méiliǎo* ‘Уйду’, *他的提問才是重點* *ā de tíwèn cái shì zhòngdiǎn* ‘его вопросы – это ключевой момент’.

Анализ всех интернет-комментариев, используемых в рамках нашего исследования, показал, что в результате влияния процессов глобализации китайская интернет-коммуникация претерпела ряд характерных изменений. Так, в онлайн-общении китайцы используют большое количество числовых значений, эмоджи, заменяя ими традиционную китайскую лексику. Темы, которые раньше были под запретом, теперь выносятся на всеобщее обсуждение, иерархическая модель обращения в интернет-переписках практически не используется (местоимение *您* *Nín* ‘Вы’ заменяется на местоимение *你* *Nǐ* ‘ты’), публичное обсуждение

различных событий приводит к появлению и развитию интернет-конфликтов, что свидетельствует о снижении уровня культуры общения в сети.

Однако необходимо отметить, что уровень конфликтности интернет-комментариев в китайской культуре является достаточно низким (по сравнению с русскоязычной, по данным статьи [14]), что может свидетельствовать о сохранении фундаментальных ценностей осознанного нравственного и культурного выбора, выражающихся в самореализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shi Baihui. The analysis of anti-language from the perspective of current situation of Netspeak / Shi Baihui, Li Fengjie. – *Internat. Journal of Language and Linguistics*. – 2017. – Vol. 5 (2). – P. 50–56.
2. 詹捷慧. 大学生网络流行语使用情况调查与导引 / – 詹捷慧. 浙江工商职业技术学院学报, 2020. – Vol. 19 (1). – P. 25–28. = Чжан Цзехуэй. Исследование использования интернет-сленга среди студентов колледжей / Чжан Цзехуэй. – Журнал Чжэцзянского института бизнеса и технологий. – 2020. – Т. 19 (1). – С. 25–28.
3. Кислов, А. В. Влияние Интернета на современный китайский язык / А. В. Кислов, Е. Н. Колпачкова. – Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. – 2017. – № 1. – С. 72–86.
4. Wong Kam-Fai. Linguistic and behavioural studies of Chinese chat language / Wong Kam-Fai. – *Internat. Journal of Computer Processing of Oriental Languages*. – 2006. – № 19. – P. 133–152.
5. 周彬, 网络语言社会功能及用语关注焦点 / 周彬. – 理论建设, 2019. No. 6. – Pp. 102–107. = Чжоу Бинь. В центре внимания – социальная функция и терминология онлайн-языка / Чжоу Бинь. – Теоретические построения. – 2019. – № 6. – С. 102–107.
6. 韩雪文, 网络流行语视域下的英语翻译探讨 / 韩雪文. – *Industrial & Science Tribune*. – 2020. – Vol. 4 (19). – P. 188–189. = Хань Сюэвэнь. Исследование английского перевода популярных слов Интернета / Хань Сюэвэнь. – *Industrial & Science Tribune*. – 2020. – Т. 4 (19). – С. 188–189.
7. Xing Yuhua. Brief discussion on teaching strategy of new Internet words from teaching Chinese as a foreign language / Yuhua Xing, Didi Bai. – *J. of Tianjin Radio & TV University*. – 2012. – № 2. – P. 45–47.

8. 刘娜, 王进, 网络流行语对当代大学生的价值观影响研究 / 刘娜, 王进. — 学理论, 2018. No. 3. — P. 253–256. = Лю На. Исследование влияния модных интернет-словечек на ценности современных студентов колледжей / Лю На, Ван Цзинь. — Академическая теория. — 2018. — № 3. — С. 253–256.
9. Хуэй, Т. Обзор тенденций в словообразовании интернет-лексики / Т. Хуэй. — Вестник СПбГУ. — 2010. — № 2. — С. 203–214.
10. Сизикова, Т. Э. Влияние современных web-технологий на развитие контентного вида мышления / Т. Э. Сизикова [и др.] — Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2017. — Т. 7, № 6. — С. 71–86.
11. Пискун, Е. В. Социокультурная специфика речевого поведения носителей китайского языка / Е. В. Пискун. — От слова к тексту, коммуникации, культуре : сборник статей к 95-летию профессора Адама Евгеньевича Супруна / БГУ, филол. ф-т. ; редкол. А. А. Баркович (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Четыре четверти, 2024. — С. 108–117.
12. Косинова, Л. В. Китайский юмор: универсальное и национально-специфическое / Л. В. Косинова ; Волгоградский гос. соц.-педагогич. ун-т. — Волгоград, 2013. — С. 674–684.
13. Пискун, Е. В. Языковые и стилистические особенности интернет-лексики в современном китайском языке / Е. В. Пискун. — Профессионально-ориентированный иностранный язык: от обучения к эффективной коммуникации : сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2023 г. / редкол.: Н. С. Боровик (отв. ред.), Е. С. Сидельникова [и др.]. — Минск : Акад. упр-я при Президенте Республики Беларусь, 2023. — С. 34–40.
14. Пискун, Е. В. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария (на материале комментариев в социальной сети «ВКонтакте») / Е. В. Пискун. — Журнал Белорусского государственного университета. Филология. — 2024. — № 2. — С. 89–95.

QR-КОД ЯК ЛІНГВАДЫДАКТЫЧНЫ СРОДАК

Артыкул прысвечаны вывучэнню зместу QR-кода, які быў размешчаны ў кнізе В. А. Алешкі «Крылья. П. Головачёв». Апісваюцца мэты і задачы выкарыстання гэтага сучаснага семіятычнага сродка ў згаданым навукова-папулярным выданні. Таксама даецца тлумачэнне паняцця «код» і прыводзіцца кароткая характарыстыка мадэлі, згодна з якой коды можна падзяліць на сем груп.

Ключавыя словы: знак, код, субкод, тэст, заданні, пытанні, навукова-папулярнае выданне.

Y. Rudachenka. QR code as a linguodidactic tools.

This article is dedicated to study of the content of QR code that was posted in the book of V. A. Aleshko «Wings. P. Golovachev». The goals and objectives of using this modern semiotic tool are described in the mentioned popular science book. The interpretation of the concept of “code” is also given and a brief description of the model is outlined, according to which codes can be divided into seven groups.

Keywords: sign, code, subcode, test, tasks, questions, popular science book.

Семіётыка – навука, якая даследуе ўласцівасці знакаў і знакавых сістэм (натуральных і штучных моў). Тэрмін «знак» разумеецца ў шырокім сэнсе як некаторы аб’ект, якому пры пэўных умовах супастаўлена значэнне. Яно можа быць канкрэтным фізічным прадметам альбо абстрактным паняццем [1, с. 236–237]. Прыём з выкарыстаннем знака для дасягнення пэўных мэт можна назваць семіятычным сродкам. Адным з іх з’яўляецца код – сукупнасць знакаў у камунікацыі. На думку доктара філалагічных навук Валянціна Мікалаевіча Сцяпанавы, важнай характарыстыкай кода з’яўляецца яго здольнасць кіраваць працэсам пазнання рэцыпіента, задаваць кірунак гэтага працэсу, а таксама ў пэўнай ступені адначасова абмяжоўваць яго ход [2, с. 94].

Той жа вучоны стварыў мадэль, якая ўключае сем груп кодаў. Яна была зроблена для аналізу рэкламных тэкстаў, аднак у той жа момант класіфікацыя не зводзіцца выключна да гэтай сферы і можа выкарыстоўвацца паўсюль.

У мадэль уваходзяць камунікатыўныя (сродкі, якія выкарыстоўваюцца для зносін паміж людзьмі, чалавекам і жывёлай, а таксама жывёл паміж сабой), візуальныя (уплываюць пераважна на зрокавыя рэцэптары), культурныя, ідэалагічныя (яны паказваюць змест і перадаюць сэнс рэкламнага [у нашым выпадку – дыдактычнага] паслання), рытарычныя (выкарыстоўваюцца тропы, стылістычныя фігуры, правакатыўныя стратэгіі і жанры), тэкставыя (улічваюць у тым ліку выкарыстання ў тэксце індэкатары інтэртэкстуальных альбо інтэрмедыяльных алюзій) і музычныя коды [7, с. 95–98]. У кожным з іх ёсць некалькі субкодаў – разнавіднасцяў мовы, камунікатыўных падсістэм больш нізкага функцыянальнага ўзроўню і меншага аб’ёму, чым код [3, с. 220].

Сярод сучасных сяміятычных сродкаў трэба адзначыць QR-коды. Яны на сёння атрымалі шырокае распаўсюджванне ў розных сферах дзейнасці чалавека, у тым ліку і ў выдавецкай справе. Дадзеная тэхналогія дазваляе кадзіраваць такую інфармацыю, як спасылкі на сайт, нумар тэлефона, тэкст, геаграфічнае становішча і г. д. [4, с. 152].

Цікаваць да QR-кодаў абумоўлена жаданнем аўтараў і выдаўцоў вылучыць выданне сярод іншых, адкрыць дадатковыя магчымасці для патэнцыйных чытачоў. Гэта таксама дазваляе ўключаць раней недаступныя тэхналогіі і абыходзіць фізічныя абмежаванні папяровай кнігі [4, с. 152].

Прааналізуем выкарыстанне QR-кода ў кнізе Валерыя Антонавіча Алешкі «Крылья. П. Головачёв», якая была выпушчана ў 2024 г. Яна ўяўляе сабой гістарычную біяграфію выбітнага савецкага лётчыка Паўла Якаўлевіча Галавачова. Ён двойчы быў удастоены звання Героя Савецкага Саюза. Кніга ўвайшла ў серыю навукова-папулярных выданняў «Гісторыя для школьнікаў». Яе заснавалі ў 2012 г. [5, с. 2]. Мэта стварэння дадзеных

кніг і брашур – прыцягненне вучняў сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту да больш глыбокага вывучэння гісторыі Беларусі.

У згаданым выданні гэтай серыі ўпершыню ўжываецца QR-код ў тэксце. Двухмерны (матрычны) штрихкод [6, с. 109] размяшчаецца ў канцы кнігі пасля сказа «Выполни задания:» [5, с. 78].

QR-код непасрэдна ў тэксце – візуальны код з геаметрычным субкодам, які мае форму квадрата. Ён адсылае чытача на сайт LearningApps.org, дзе апублікаваны тэст. Такі своеасаблівы лінгвадыдактычны сродак створаны для таго, каб пасадзейнічаць пазнавальнай дзейнасці вучняў.

У тэсце задаюцца дзесяць пытанняў па змесце тэксту Валерыя Алешкі. Іх распрацоўкай займаўся непасрэдна рэдактар. Ён выканаў адно з заданняў, якія ставіць перад сабой сучасная прыкладная лінгвістыка. Так, яна вырашае праблему выцягвання і выкарыстання інфармацыі з тэкстаў [7, с. 13].

Перад выкананнем задання чалавек, які адкрывае тэст, бачыць надпіс: «Предлагаем читателям проверить свои знания после прочтения книги Валерия Алешко “Крылья”. Удачи!» Такім спосабам павышаецца эфектыўнасць камунікацыі паміж аўтарам/рэдактарам і чытачом. Адначасова ўжываецца ідэалагічны код. Ён падкрэслівае сэнс тэста – праверыць і замацаваць веды чытача пасля вывучэння кнігі.

У заданні адсутнічаюць пытанні са свабодным адказам, з супастаўленнем і сартаваннем. Усе яны маюць варыянты адказаў (чатыры – у дзевяці пытаннях, пяць – у адным; толькі адно пытанне мае два правільныя варыянты).

Простая форма арганізацыі тэста звязана з эксперыментальным укараненнем у гэтую кнігу QR-кода і накіравана на зручнасць для чытача.

Усе пытанні, безумоўна, звязаны з асобай Паўла Галавачова («Когда родился Павел Яковлевич Головачёв?», «Где родился Павел Яковлевич Головачёв?», «В каком городе Головачёв сделал первый шаг на пути к своей главной мечте – мечте о полёте?», «В каких воинских частях служил

Головачёв во время Великой Отечественной войны?», «Кто стал командиром полка, в котором служил Головачёв, после ухода Льва Львовича Шестакова?», «Какой немецкий самолёт сбил Головачёв при помощи тарана 30 декабря 1944 года?», «Когда Головачёв совершил свой последний боевой вылет во время Второй мировой войны?», «Удостоен ли Павел Головачёв звания Героя Советского Союза?», «Какие учреждения образования окончил Головачёв в послевоенные годы?», «Какая минская гимназия носит имя Павла Яковлевича Головачёва?»). Адно з іх мае лексічны паўтор: «В каком городе Головачёв сделал первый шаг на пути к своей главной мечте – мечте о полёте?» А гэта значыць, што ў заданні выкарыстоўваецца і тэкставы код.

Пытанні дазваляюць чытачу зафіксаваць асноўныя вехі жыцця знакамітага лётчыка і ў той жа момант не прымушаюць шукаць адказ у кнізе, паколькі правільны варыянт адлюстроўваецца пры дапамозе зялёных ліній. Пасля завяршэння тэста дэманструюцца вынікі (напрыклад, 9 / 10 [90 %]).

Такім чынам, QR-код у кнізе Валерыя Алешкі стаў добрым дадаткам для выдання, які даў магчымасць чытачам замацаваць атрыманыя веды. Акрамя таго, тут ужываюцца сяміялагічныя коды – візуальны, ідэалагічны і тэкставы. Яны ўзмацнілі гэты лінгвадыдактычны сродак.

Безумоўна, далейшыя тэсты неабходна ўдасканальваць і развіваць. Таксама трэба ствараць іншыя формы пытанняў. Аднак гэты прыклад пры неабходнасці можа пасадзейнічаць больш распаўсюджанаму выкарыстанню QR-кодаў з тэстамі ў навукова-папулярных выданнях з серыі «Гісторыя для школьнікаў».

ЛІТАРАТУРА

1. Семиотика // БСЭ [В 30-ти т.] /гл. ред. А. М. Прохоров.– 3-е изд. – М., 1971. – Т. 23 : Сафлор–Соан. – 1976. – С. 236–238.
2. Степанов, В. Н. Семиотические коды в рекламном тексте / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 5. – С. 92–100.

3. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина [и др.] ; под ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
4. Акушевич, А. А. QR-коды в учебных изданиях: редакторский аспект / А. А. Акушевич // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2022. – № 1 (255). – С. 151–158.
5. Алешко, В. А. Крылья. П. Головачёв : для сред. и ст. шк. возраста / В. А. Алешко. – Минск : Беларусь, 2024. – 80 с. : ил. – (История для школьников).
6. Николаенко Г. А. Перспективы использования QR-кодировки в академической сфере / Г. А. Николаенко, Е. В. Евсикова // Социология науки и технологий. – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 109–118. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-qr-kodirovki-v-akademicheskoy-sfere> (дата обращения: 10.10.2024).
7. Соснина, Е. П. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / Е. П. Соснина. – 2-е изд., испр. и доп. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – 110 с.

ТРАНСПАЗІЦЫЯ АСАБОВЫХ ФОРМ ДЗЕЯСЛОВА Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У дадзеным артыкуле разглядаецца феномен транспазіцыі асабовых форм дзеяслова на матэрыяле беларускай мовы. Адзначаецца, што ў межах граматычнай катэгорыі асобы могуць адбывацца “зрухі”, граматычна-семантычныя несупадзенні, калі адна асабовая форма дзеяслова ўжываецца ў значэнні іншай. У артыкуле прааналізаваны 6 відаў транспазіцыі асобы, кожны з якіх тлумачыцца граматычна, семантычна і прагматычна. Таксама надаецца ўвага такім граматычным канструкцыям, дзе ў адной дзеяслоўнай форме сумяшчаецца дзве транспазіцыі, што раней у лінгвістыцы не было апісана.

Ключавыя словы: транспазіцыя; граматычная катэгорыя; катэгорыя асобы; граматычная форма; дзеяслоў; прагматыка.

K. Rudzko. Transposition of personal verb forms in the Belarusian language.

This article examines the phenomenon of transposition of personal verb forms based on the material of the Belarusian language. It is noted that within the grammatical category of a person, “shifts”, grammatical and semantic discrepancies may occur when one personal form of the verb is used in the meaning of another. The article analyzes 6 types of personality transposition, each of which is explained grammatically, semantically and pragmatically. Attention is also paid to such grammatical constructions when two transpositions are combined in one verb form, which has not been described before in linguistics.

Keywords: transposition; grammatical category; person category; grammatical form; verb; pragmatics.

Катэгорыя асобы ў беларускай мове, на нашу думку, лічыцца самай цяжкай і граматычна непаслядоўнай з усіх дзеяслоўных катэгорый як такіх. Гэта абумоўлена ў першую чаргу тым фактам, што пытанне аб колькасці асоб да канца не вырашанае. Так, на сучасным этапе ў школьнай і ў большасці ўніверсітэцкіх праграм упэўнена гаворыцца толькі пра тры асобы. Пры гэтым іх размежаванне падаецца нам даволі простым і лагічным: 1 асоба – гэта

непасрэдна моўца, 2 асоба – адрасат, 3 асоба – той або тое, пра каго ці пра што ідзе гаворка, г. зн. асоба знаходзіцца па-за маўленчым актам. Але некаторыя лінгвісты лічаць такую трохчленную сістэму катэгорыі фікцыяй і метадам апісаць граматычную сістэму як мага прасцей, не звяртаючы ўвагу ні на семантыку тых жа асабовых дзеясловаў, ні на выключныя граматычныя канструкцыі. Так, А. В. Ісачанка сцвярджаў, што для дзеясловаў незакончанага трывання характэрна дзевяць асоб, а для закончанага – цэлых дзесяць! [1] Французскі лінгвіст Э. Бенвеніст выводзіў трэцюю асобу за межы катэгорыі, паколькі яна не лічыцца ўдзельнікам маўленчага акта (гэта так званая “не-асоба”), а значыць, мы маем справу зусім не з тыповымі трыма грамамамі [2]. Тым не менш, нас не столькі хвалюе пытанне аб колькасці граматычных асоб, колькі тое, што кожная асоба можа ўжывацца ў значэнні іншай асобы, “вар’іравацца” ад аднаго кантэкста да другога. Такі феномен называецца транспазіцыяй, і ён быў выяўлены ва ўсіх граматычных катэгорыях дзеяслова. Дадзеная праца змяшчае ў сабе аналіз транспазіцыі асабовых форм дзеяслова на прыкладзе беларускай мовы. Для больш простага і зразумелага апісання граматычных з’яў мы таксама карысталіся трохчленай сістэмай катэгорыі асобы, але ўсё ж такія некаторыя выпадкі патрабуюць асобных каментарыяў, таму да гэтага мы будзем звяртацца па чарзе.

У беларускай мове мы вылучылі наступныя віды транспазіцыі асабовых форм дзеяслова: 1) *перанос 1 ас. мн. ліку ў кантэкст 1 ас. адз. ліку*; 2) *перанос 1 ас. мн. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку*; 3) *перанос 2 ас. адз. ліку ў кантэкст 1 ас. адз. ліку*; 4) *перанос 2 ас. мн. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку*; 5) *перанос 3 ас. мн. ліку ў кантэкст 1 ас. адз. ліку*; 6) *перанос 3 ас. адз. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку*.

Перанос 1 асобы мн. ліку ў значэнне 1 асобы адз. ліку, на нашу думку, з’яўляецца самай частаўжывальнай транспазіцыяй дзеяслоўных катэгорыі як такіх. Такая канструкцыя амаль заўсёды суправаджаецца займеннікам “мы”, але вызначыць семантычную напоўненасць гэтага займенніка не так проста. У прыватнасці, пад “мы” можна прадставіць розныя камбінацыі: *я+ты, я+вы,*

я+ён і г. д. Але нас цікавіць менавіта той моўны выпадак, калі “мы” ўключае толькі “я” і, канечне, такое ж адценне набываюць і асабовыя дзеясловы. У сучаснай лінгвістыцы вылучаюць два варыянты транспазіцыйнага ўжывання “мы” (у спалучэнні з асабовымі дзеясловамі): дзяржаўнае і аўтарскае [3]. У прыклад дзяржаўнага транспазіцыйнага ўжывання асабовай формы дзеяслова можна прывесці маніфест Мікалая II, які пісаў ад сябе толькі ў форме мн. ліку:

– *Мы, Мікалай Другі, Імператор і Самодержец Усерасейскі, Цар Польскі, Вялікі Князь Фінляндскі і прочая і прочая і прочая. Ведамо чынім усім нашым верным падданым. Колькі дзён таму **Нашым** Маніфэстам **наведамілі Мы**... (Мікалай II Раманаў “Найвышэйшы Маніфэст пра пачатак вайны з Аўстра-Вугоричынай”).*

Вядома, што на сучасным этапе дзяржаўнае ўжыванне формы “мы” і множналікавых асабовых дзеясловаў можна сустрэць даволі рэдка. Але той факт, што ў ранейшыя часы такая транспазіцыя ў мове існавала і пакінула свой след, даволі цікавы і шматзначны. З аўтарскім “мы” справа значна прасцейшая і пры гэтым больш распаўсюджаная. У навуковых працах, публіцыстычных творах заўсёды рэкамендуецца ўжываць множны лік першай асобы і множналікавыя асабовыя дзеясловы. Лічыцца, што гэта быццам бы паказчык аўтарскай сціпласці, адсутнасці эгацэнтрызму. Для нагляднасці прывядзём прыклады з літаратурных тэкстаў:

– *Мы разумеем, што мастацкі твор – гэта вымысел, а ўсё ж і ён мае пад сабою рэальныя факты (А. Бачыла “Дарогамі М. Багдановіча”).*

– *Мы ведаем, што такія паэмы Дубоўкі, як «Кругі», «Ветразі», гавораць аб тым, што аўтар свядома ставіць там свае задачы. Я гавару не пра гэту літаратуру, а пра літаратуру сучасную савецкую. (К. Чорны “Шмат у нас абломаўшчыны, безадказнасці”).*

Зразумела, што ў ва ўсіх прыведзеных вышэй прыкладах маецца на ўвазе толькі адна асоба, якая піша ад сябе і пра сябе (у апошнім сказе нават назіраецца кантраст займеннікаў *мы–я*), але такая транспазіцыя, калі ў кантэксце 1 ас. адз. ліку выкарыстоўваецца 1 ас. мн. ліку, дазваляе паглядзець на гэтыя рэчы пад іншым моўным вуглом – пад вуглом прагматыкі. Чаму аўтар

вырашае выкарыстаць “мы” і множналікавыя дзеясловы? Па-першае, гэта, як мы ўжо адзначылі, паказчык сціпласці (і, прынамсі зараз, нормы), па-другое, гэта добры спосаб “далучыць” адрасата да тэмы, запэўніць у праўдзівасці тых ці іншых фактаў (*мы лічым, мы ведаем, мы робім выснову*).

Наступны від транспазіцыі – **перанос 1 ас. мн. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку**. У дадзеным выпадку тут зноў назіраецца звязка з займеннікам “мы”, але ў гэты раз семантыка іншая. “Мы” і асабовая дзеяслоўная форма датычыцца выключна адрасата. Наогул, такая з’ява ў мове носіць назву “доктарскага мы” [2/3], паколькі лічыцца, што даволі часта лекары звяртаюцца да сваіх пацыентаў нахшталт “Як мы сябе адчуваем?”, “Якія ў нас скаргі?” і г. д. Канечне, такое ўжыванне з’яўляецца выключна пераносным – гэта транспазіцыя. Але і такія выпадкі здольныя на вялікі прагматычны патэнцыял. У прыватнасці, адзначаецца, што зварот да слухача ў форме 1 ас. мн. ліку сведчыць пра спагадлівасць, паблаглівасць і нават фамільярнасць [4]. Тое ж самае мы можам назіраць і ў літаратурных творах:

– *Што гэта мы робім? Уставай, Зось! Тут мокра. Дый рукі ў цябе як ледзякі (У. Карпаў “За годам год”).*

– *Чаму мы маўчым, нічога не робім? Чаму не збіраемся? (І. Шамякін “Трывожнае ішчасце”).*

Перанос 2 ас. адз. ліку ў кантэкст 1 ас. адз. ліку ні ў якім разе нельга блытаць з абагульнена-асабовымі сказамі. Сутнасць абагульнена-асабовых сказаў у тым, што, па-першае, часцей за ўсё дзеяслоў ужываецца менавіта ў 2 ас. адз. ліку, а па-другое, дзеянне і ў прынцыпе сітуацыя адносіцца да любой асобы. Такія сказы таму і называюцца “абагульненымі”, сэнс быццам бы лічыцца агульначалавечым [5]. Да такіх сказаў адносяцца ў першую чаргу розныя прыказкі: “*Не рабі ліхога і не бойся нікога*”, “*На гонары далёка не паедзеш*” і г. д.

Паколькі вызначыць канкрэтную асобу ў абагульнена-асабовых сказах практычна немагчыма, мы не будзем звяртацца да дадзенага тыпу аднаасастаўнага сказа, а вернемся да канкрэтна асабовай транспазіцыі

2 ас. адз. лік → 1 ас. адз. лік. “Балансаванне паміж прамым (адрасантным) і пераносным значэннем формы 2 асобы адз. ліку складае свайго роду тактыку моўцы” [5, с. 124]. Адрасант быццам бы пераносіць сітуацыю на слухача, каб той больш дакладна зразумеў яго, уявіў карціну больш падрабязна і канкрэтна:

– Кніжкі для запісаў ёсць. Многа. Менавіта для назваў, імён і іні. А то, бывае, **бачыш** чалавека, як жывога, а назву вёскі забыў (У. Караткевіч “Самая цікавая навука – жыццё”).

– Ведаеш, я заўсёды хадзіла з сынам, з сынам, з сынам. І вось **глядзіш**, бывала, ідзе пара, з ёю адно або двое дзяцей. І раптам адстала дзіцё і крычыць: «Папа» (У. Федасеенка “Пасля смерчу”).

Сыходзячы з кантэксту прыведзеных прыкладаў, зразумела, што моўца кажа пра сябе і пра падзеі, з якімі сутыкаўся асабіста. Па-першае, прынамсі ў другім прыкладзе мы зноў можам назіраць кантраст займеннікаў *я-ты* (і пераканацца ў тым, што размова ідзе ад першай асобы), а па-другое, нават метадам эксперымента, калі мы дзеясловы 2 асобы заменім на дзеясловы 1 асобы, сэнс сказа не зменіцца. Дарэчы, яшчэ гэтыя канструкцыі цікавыя тым, што тут назіраецца і транспазіцыя катэгорыі часу! Так, у прыкладах яўна кантэкстуальна апісваюцца мінулыя падзеі (на гэта нам указваюць і дзеясловы-суседзі “забыў”, “хадзіла”, “адстала”), але асабовыя дзеясловы (у транспазіцыйнай форме) ужытыя ў цяперашнім часе! Чаму так адбываецца? Чалавек апісвае падзеі ў цяперашняй форме і быццам бы “набліжае” адрасата да іх. Болей за тое, моўца адчувае сябе непасрэдным удзельнікам сітуацыі (магчыма, галоўным), а таму праз цяперашнія формы зноў “перажывае” тое, пра што гаворыць. Ну і, канечне, з граматычнага пункту гледжання канструкцыі з элементам “бывала” (які выконвае функцыю пабочнага слова і ўказвае на мінулыя падзеі) вельмі рэдка ўжываюцца з дзеясловамі прошлага часу – транспазіцыя напрошваецца нават ў чыста граматычным аспекце. А таму можна сцвярджаць, што ў прыведзеных прыкладах назіраецца па дзве транспазіцыі, якія ўзаемадзейнічаюць адна з адной. Прасцей кажучы, перад

намі сказы з сінкрэтычнай транспазіцыяй, якая ўключае ў сябе камбінацыю транспазіцыі катэгорыі асобы і часу.

Перанос 2 ас. мн. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку таксама з’яўляецца, на нашу думку, адной з самых частаўжывальных транспазіцыяў. Гэта тая самая форма на “Вы” (*Вы мне вельмі дапамаглі, Вы добра размаўляеце па-славацку*). А. В. Ісачанка адзначаў, што зварот да чалавека ў адзіночным ліку сведчыць пра інтымныя адносіны, яўна неформальную абстаноўку [1]. Пры гэтым мы лічым, што яшчэ форма на “ты” можа ўспрымацца яшчэ як парушэнне дыстанцыі, свайго роду грубасць, што не зусім можа спадабацца субяседніку:

– *Мяне сам пан аконам заве на «вы», і я не прывык, каб кожны смаркач на мяне тыкаў* (А. Чарнышэвіч “Засценак Малінаўка”).

– *Гэта справа мая, - адказаў Андрэй і дадаў: – Ты мяне не тыкай. Я з табою свіней не пасвіў і ў дэфензіве людзей не катаваў* (П. Пестрак “Сустрэнемся на барыкадах”).

Такім чынам, мы можам зрабіць выснову, што транспазіцыя **2 ас. мн. лік → 2 ас. адз. лік** не проста частаўжывальная, але і неабходная ў працэсе камунікацыі. Форма на “Вы” і суадносныя множналікавыя асабовыя дзеясловы – гэта паказчык павагі, ветлівасці і падтрымання афіцыйных стасункаў. Таму нядзіўна, што такая транспазіцыя заўсёды з’яўлялася і будзе з’яўляцца актуальнай у мове. У літаратуры мы таксама знайшлі такія кантэксты:

– *Вось мне здаецца, што вы – добры чалавек. Будзеце прыяжджаць да нас у госці?* (З. Бядуля “Язэп Крушынскі. Кніга I”).

– *Ды паспееце вы зрабіць абед свайму заўзятаму мовазнаўцу. (Падыходзіць да Леры, уладна бярэ яе за локаць і вядзе да стала.) Сядайце і пакаштуюце маёй кавы!* (Н. Гілевіч “Начлег на буслянцы”).

Наступны від транспазіцыі – гэта **перанос 3 ас. мн. ліку ў кантэкст 1 ас. адз. ліку**. Што гэта ўвогуле такое? Чаму моўца раптам вырашае казаць ад сябе ў множным ліку, ды яшчэ і трэцяй асобе, той, якая, па сутнасці, не удзельнічае ў маўленчым акце? Б. Ю. Норман адзначаў, што дадзеная транспазіцыя часцей за ўсё выкарыстоўваецца з эмоцыямі раздражнення,

злосці, адрасант яўна папракае ў нечым свайго субяседніка [6]. На нашу думку, такая форма, выкарыстаная моўцам, можа несвядома азначаць не толькі, што раздражняецца і злуецца гаворачая асоба, але і **нехта іншы**, той, хто не ўдзельнічае ў размове, але можа назіраць за пэўнымі паводзінамі адрасата. А множны лік – гэта быццам адзін з прыёмаў запэўніць, што не толькі аднаго чалавека раздражняе тая ці іншая сітуацыя. Самы яскравы прыклад такой транспазіцыі – зварот маці да дзіцяці “*Пакладзі на месца! Каму кажучь?!*”, але звярнём увагу і на прыклады з мастацкай літаратуры:

– *От гэта аб чым казалі!.. Ці ж я не казаў?! Га? Усё праўда! Далібог, праўда! Я казаў!* (А. Гарун “Пан Шабуневіч”).

– *Маўчы!! Маўчы табе кажучь!* (М. Гарэцкі “Антон”).

– *Ты ўжо зачыні сваё зяпала, бач, гаварок знайшоўся... Тут аб чым кажучь? А ён аб сваім... Адыдзі, табе кажучь... Ідзі, ідзі, не сунь носа не ў сваё проса...* (М. Лынькоў “На чырвоных лядах”).

Як мы бачым з прыведзеных прыкладаў, такая пераносная форма на самай справе выкарыстоўваецца ў асноўным з адмоўнай канатацыяй, таму мы зноў пераконваемся ў тым, што транспазіцыя граматычных форм – гэта ў першую чаргу прагматыка, магчымасць выразіць свае пачуцці і эмоцыі наконт сітуацыі ці самога субяседніка.

Яшчэ больш цікавы від транспазіцыі – гэта **перанос 3 ас. адз. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку**. На нашу думку, такая транспазіцыя валодае больш багатым, больш шырокім прагматычным патэнцыялам. Моўца вырашае гутарыць з субяседнікам так, быццам той знаходзіцца за рамкамі маўленчага акта, звяртаецца да яго ў трэцяй асобе. Прычым такое “адштурхоўванне” субяседніка павышае статус моўцы, які, у сваю чаргу, аб’ектывізуе свае негатыўныя эмоцыі [6]. Атрымліваецца, адрасант звяртаецца да “некага” ці нават “нечага”. Для большага разумення звернемся да прыкладаў з мастацкай літаратуры:

– *А, лайдак!.. Ён яшчэ разважае!.. Ты не маеш нават права выказваць сваёй пані-ўладарцы, як яе падданы, такіх думак!* (Я. Дыла “Панскі гайдук”).

– Яшчэ што выдумаў! – паківала Насця галавой. – Мала **яму** ў горадзе універсітэтаў гэтых, дык **ён** яшчэ дома завесці **хоча**! Тут і без іх няма дзе павярнуцца. **Прафесар знайшоўся!** (Я. Колас “Адукацыя”).

Але самае цікавае, што транспазіцыя асобы можа набываць і рысы сінкрэтызму. Так, у пэўных граматычных канструкцыях не толькі адна асоба замяняецца іншай асобай, але і катэгорыя часу таксама становіцца непаслядоўнай. Даволі часта **перанос 3 ас. адз. ліку ў кантэкст 2 ас. адз. ліку** спалучаецца з **будучым часам**. Пры гэтым з кантэксту зразумела, што размова ідзе пра другую асобу і цяперашні час. Атрымліваецца, мы маем дзве транспазіцыі ў адной канструкцыі – г. зн. сінкрэтычную транспазіцыю:

– Маўчы лепей, **ён** яшчэ **будзе** мяне **вучыць**, як жыць далей (А. Ненадавец “Гродзенічына: назвы населеных пунктаў паводле легендаў і паданняў”).

– Ілгун, прытворічык, нахабнік, **ён** яшчэ **будзе** **здекавацца** тут (Л. Гаўрылкін “Застаюся з табой”).

– Ах ты ж, божа ты мой, **ён** яшчэ **будзе** тут **запірацца!** Ад мяне! (В. Палтаран “Чалавек на вятрах часу”).

У гэтай працы мы даследавалі найбольш тыповыя і частаўжывальныя віды транспазіцыі асобы ў беларускай мове. Пры гэтым на прыкладах мы пераканаліся ў тым, што асноўная прычына такіх кантэкстуальна-граматычных трансфармацый – у прагматыцы. Калі чалавек вырашае выказаць свае адносіны да таго, з кім гаворыць, або да таго, пра каго ці пра што ідзе размова, у яго ёсць выбар: зрабіць гэта на лексічным узроўні або граматычным. Мы звярнулі ўвагу менавіта на граматычныя асаблівасці прагматыкі і пераканаліся ў тым, што нават на такім, здавалася б, структураваным і сістэмазаваным узроўні мовы ўсё роўна могуць адбывацца семантычныя зрухі і несупадзенні. Больш за тое, такія моўныя з’явы не заўсёды дзейнічаюць паасобку, а могуць узаемадзейнічаць, спалучацца, утвараючы так званую сінкрэтычную транспазіцыю, якая ў граматычным аспекце больш складаная, а ў прагматычным – больш яскравая, больш жывая і натуральная.

Такім чынам, прааналізаваныя намі 6 відаў транспазіцыі асобы ў беларускай мове, а таксама наяўнасць шматлікіх прыкладаў з мастацкай літаратуры сведчыць аб тым, што такая з’ява ў маўленні ўсталявалася вельмі даўно (успомнім той жа маніфест Мікалая II) і пры гэтым з’яўляецца частаўжывальнай. А калі чалавек пачынае парушаць норму, звяртацца да кантэкстуальна-граматычных несупадзенняў, гэта становіцца не памылкай, а пачаткам правіла, нават неабходнасці. Транспазіцыя асобы – гэта добры прыклад таго, як мова падпарадкоўваецца чалавеку ў розных жыццёвых сітуацыях і як па-рознаму яна [мова] можа праяўляцца ў гэтых сітуацыях.

ЛІТАРАТУРА

1. Исаченко, А. В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения / А. В. Исаченко. – Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 28–41.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва, 2010. – 448 с.
3. Норман, Б. Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian Linguistics. – 2002. – Vol. 26, № 2. – С. 217–234.
4. Грамматика русского языка: в 2 т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др.] – Москва : Наука, 1982. – 642 с.
5. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
6. Норман, Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики : [моногр.] / Б. Ю. Норман. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2017. – 464 с.

А. А. Саматыя
Минск, Беларусь

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ЯЗЫКОВОГО ИНТЕРФЕЙСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

В статье рассматривается языковой интерфейс англоязычных Интернет-ресурсов, их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: английский язык; языковой интерфейс; компьютерные технологии; Интернет-ресурсы; онлайн-ресурсы.

A. Samatyia. Advantages and disadvantages of the language interface of English language internet resources.

The article deals with the language interface of English Internet resources, their advantages and disadvantages.

Keywords: English language; language interface; computer technology; Internet resources; online resources.

В современном мире информационные технологии активно внедряются везде, включая сферу образования. Это создает потребность в использовании компьютерных технологий в процессе обучения. Использование обучающих онлайн-ресурсов – актуальное направление, требующее новых подходов и нестандартных решений. Применение IT-технологий является частью общей информационной культуры преподавателя и обучающихся. Онлайн-сервисы способствуют получению любой необходимой студентам и преподавателям информации в удобном формате: видео, аудио или текстовом. Это стимулирует желание развиваться, расширяет зону индивидуальной активности каждого студента, а для преподавателя увеличивает возможность подать материал качественно и увлекательно. Студенты могут принимать участие в онлайн-форумах, викторинах, конкурсах, флэшмобах и т.д., проводимых по сети.

Интернет предлагает преподавателям иностранного языка множество полезных онлайн-ресурсов. Проанализируем наиболее популярные англоязычные платформы и обозначим их преимущества и недостатки.

Moodle (<https://moodle.org/?lang=ru>) – «система управления курсами, также известная как система управления обучением или виртуальная обучающая среда. Система представляет собой свободное веб-приложение, предоставляющее возможность создавать сайты для онлайн-обучения» [1].

Преимущества:

- Moodle имеет интуитивно понятный и довольно простой интерфейс. Основные элементы, например: глоссарий, ресурс, задание, форум, wiki, лекция, тест и др. чётко структурированы, что значительно улучшает навигацию по данному ресурсу;

- Сайт имеет нейтральную цветовую гамму, что не препятствует восприятию информации;

- Шрифты читаемые;

- Ресурс адаптируется под любое устройство: смартфон, ноутбук, компьютер и др.

- Moodle имеет свойство сохранять портфолио студентов: все работы, оценки, комментарии и сообщения. Учащиеся могут вернуться к прохождению ранее изученного материала, если у него возникнут трудности.

Недостатки:

- Для тех, кто ранее никогда не использовал данный ресурс, Moodle может показаться сложным в использовании, ввиду различных виджетов;

- Устаревший и скучный дизайн;

- Разнообразие полужирных шрифтов, из-за чего внимание не концентрируется на чём-то определенном, что способствует худшей сосредоточенности на заданиях.

British Council Worldwide (<https://www.britishcouncil.org/>) – глобальный Интернет-ресурс, предоставляющий возможность обучаться

в таких сферах, как: образование, искусство, культура, язык и творчество.

Преимущества:

- British Council имеет модернизированный интерфейс;
 - Обладает нейтральной цветовой палитрой в темно-светлых тонах, что способствует лучшему и беспрепятственному взаимодействию с пользователями;
 - Шрифты легко читаемые. Заголовки выделяются полужирным шрифтом, оставаясь при этом в балансе с основным текстом.
 - Легко адаптируется под мобильный телефон, планшет, ноутбук или компьютер, что обеспечивает комфортный доступ к контенту;
 - Сервис прост в навигации. Каждый раздел имеет свой характерный заголовок, что позволяет пользователям найти запрашиваемую информацию без затруднений.
- Недостатки:**

- Перевод веб-страниц данного онлайн-ресурса может быть ошибочным и неточным, из-за чего могут возникнуть проблемы с пониманием заданий;
- Нехватка интерактивных элементов, например: тест, глоссарий, лекция, опросы и др.
- Из-за избытка информации сайт часто перегружен.

Quizlet (<https://quizlet.com/ru>) – онлайн-ресурс, разработанный с применением интерактивных инструментов и игр, при помощи которых учащиеся могут освоить и попрактиковать то, что они уже изучали. Данный сервис работает при помощи шаблонов, которые преподаватели выгрузили заранее в свои учетные записи.

Преимущества:

- Дизайн лаконичен и прост в использовании;
- Сервис сделан в пастельных, спокойных и неярких тонах, что положительно влияет на учащихся во время выполнения заданий, ведь они находятся в расслабленном состоянии и на них не оказывается эмоциональное давление;

– Шрифты простые, легко разбираемые, с четкими заголовками и подзаголовкам. Тексты, расположенные на Quizlet, являются броскими, релевантными, актуальными и достаточно лаконичными, за счёт чего обучающиеся в полном объеме получают информацию.

– Приложение адаптировано под любое устройство;

– В Quizlet существует несколько стандартных режимов, которые помогают учащимся усваивать информацию наиболее удобным для них способом.

1. Flashcards – быстрый способ просмотреть термины и определения. Включает в себя звуковые подсказки для преобразования текста в речь, которые помогают учащимся прослушивать и запоминать информацию.

2. Write – инструмент для тренировки письменной речи.

3. Spell – режим обучения, который озвучивает слова, термины или определения, которые студенты должны правильно написать.

4. Test – проверка знаний по пройденным темам.

5. Match – игры на сопоставление на время.

Недостатки: не выявлено.

Padlet (<https://padlet.com/>) – интерактивная онлайн-доска. **Преимущества:**

– Дизайн данной платформы яркий, но в то же время неприметный и простой в использовании за счёт использования пастельных тонов;

– Текст написан крупным шрифтом, в связи с чем обучающиеся увидят его полностью или отдельные ключевые лексические единицы;

– Использование иконок помогает учащимся ориентироваться в опциях, что улучшает понимание языкового интерфейса;

– Адаптирован под любое устройство.

Недостатки:

– Множество стикеров, анимаций и шаблонов, которые отвлекают внимание от выполнения заданий;

– Необходима платная подписка.

Kahoot (<https://kahoot.com/>) – это образовательный Интернет-ресурс, при помощи которого можно создать викторины, тесты или игры в онлайн формате.

Преимущества: данный ресурс обладает яркой расцветкой, что способствует привлечению внимания пользователей.

Недостатки:

- Имеет непонятный интерфейс;
- Изобилие крупных и мелких шрифтов - они плохо читаемы.
- Заголовки и текст не структурированы, что усложняет восприятие данных;
- Бегущая строка с рекламой различных приложений, которые не концентрируют внимание учащихся на нужной информации;
- Стартовая страница «перегружена» чрезмерным количеством анимаций и картинок, из-за чего у пользователей возникает желание покинуть сайт.

Исходя из проанализированных онлайн-ресурсов, можно сделать вывод, что наиболее удобные платформы для использования – это Moodle, British Council Worldwide и Quizlet, поскольку они обладают благоприятным языковым интерфейсом и количеством функций, а значит, способствуют повышению мотивации к обучению иностранного языка и улучшению языковых и коммуникативных умений и навыков у студентов. Наименее удобными платформами являются Padlet и Kahoot, поскольку они недостаточно кастомизированы. За счёт перегруженности данных ресурсов обучающиеся могут сталкиваться с трудностями при навигации, затрачивать больше времени на обучение, чем предусмотрено. Интерфейсы однообразные и малопривлекательные, веб-страницы выглядят переполненными из-за большого количества ярких акцентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титова, С. В. Эволюция средств обучения в преподавании иностранных языков: от компьютера к смартфону / С. В. Титова, А. П. Авраменко // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. № 1. – С. 9–22.

СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ФОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Естественный язык, как любая система, нуждается в структурировании процессов, происходящих в нем, что способствует более детальному их рассмотрению и описанию посредством фактов. С момента развития программных средств большое внимание начинает уделяться формализации естественных языков, поскольку на их базе решаются многие прикладные задачи, а также разрабатываются искусственные языки. Однако были обнаружены принципиальные пределы формализации естественных языковых систем. В данном исследовании примером рассмотрения формализации естественного языка выступает русский язык.

Ключевые слова: естественный язык (ЕЯ), искусственный язык, моделирование языка, процесс формализации, структурные ограничения.

V. Selezneva. Structural limits of russian language formalization.

Natural language, like any system, needs to structure the processes occurring in it, that helps to analyse and describe them in more detail by facts. Since the development of software tools, much attention has been paid to the formalisation of natural languages, because many applied problems are solved on their basis and artificial languages are developed. However, fundamental limits of formalisation of natural language systems have been discovered. In this study, an example of consideration of natural language formalisation is the Russian language.

Keywords: natural language (NL), artificial language, language modelling, formalization process, structural constraints.

Являясь одним из сложных языков, русский язык имеет разнообразные структурные особенности, которые влияют не только на характер протекания коммуникации людей друг с другом, но и на обеспечение общения человека с компьютером. В начале компьютерной эры, в 70-е гг. XX в., еще при появлении первых искусственных языков – языков программирования, было принято считать, что в скорейшем времени программирование будет

происходить на естественном языке (далее – ЕЯ) или на языке программирования, максимально близкому к ЕЯ [1]. Именно в это время математика и лингвистика перестали противопоставляться друг другу.

В этот же период значительную роль отводят механизму «функционального моделирования» [2] языка, что повышает не только качество системы общения, а также совершенствует обработку ЕЯ посредством автоматической обработки. Под лингвистической моделью понимается «устройство», имитирующее или воспроизводящее действие объекта либо «образец» лингвистического явления, обладающее одновременно полнотой и адекватностью свойств [3, с. 304–305].

Механизм моделирования русского языка затрагивает все языковые уровни: графический (отличный от латинского алфавита), фонетический, морфологический, лексический и синтаксический, что позволяет создавать новые языковые системы для функционирования в компьютерной среде, так называемые формализованные языки. Формализация языка осуществляется посредством описания объектов символами и знаками в компьютерной среде.

В настоящее время формализация русского языка может поспособствовать развитию программирования на русском языке. Это значит, что разработчики могут себе позволить размышлять только над решаемой задачей, а не отвлекаться на перевод с русского на английский и обратно. Комментарии также потребуются значительно меньше, так как идентификаторы и так много о себе говорят. Родной язык позволяет четче, глубже и яснее выражать свою мысль. Немногие владеющие иностранным языком (в частности, английским), владеют им на таком уровне, чтобы выражать на нем свои мысли так же свободно, как и на родном языке. Даже программисты, в силу профессии вынужденные так или иначе знать английский язык, зачастую имеют достаточно ограниченный словарный запас.

Между тем, «по оценкам экспертов производительность труда программистов в России примерно на 30 % ниже такого же показателя программистов в США» [4]. И эти оценки говорят отнюдь не о низком

уровне российских программистов, они указывают на то, что российские программисты работают в условиях удвоенных сложностей, а эффективность падает лишь на треть, что является хорошим результатом. А удвоенные сложности заключаются в том, что иностранные программисты работают с родным языком и программы пишут на родном языке, в то время как российским программистам приходится сочетать русский язык в комментариях и английский язык в остальной части программы, причем желательно, чтобы хорошая программа была понятна без дополнительных комментариев, что еще сильнее умаляет роль комментариев.

Соответственно имеют место достаточно весомые аргументы в пользу развития программирования на русском языке, но они в большинстве своем имеют чисто теоретический характер с очень небольшим практическим применением. И данный факт говорит отнюдь не о лени и косности программистов, а о том, что существуют некие ограничивающие факторы в работе на русском языке. И, как можно предположить, эти ограничения имеют структурный характер.

Под структурными ограничениями формализации русского языка можно понимать некие особенности его графики, синтаксиса, грамматики, лексики, фонетики, которые оказывают влияние на возможность создания формальных моделей и компьютерных программ, основанных на данном языке. В данном исследовании мы рассмотрим основные структурные ограничения формализации русского языка и их влияние на различные сферы человеческой деятельности.

Если говорить о графическом уровне языка, то прежде всего следует отметить, что в русском алфавите на 7 букв больше, чем в латинском. Этот факт становится значимым для программирования, так как предполагает несколько иной расклад знаков на клавиатуре и приводит к тому, что часть из служебных символов латинской клавиатуры просто не вмещается в русскую и отсутствует на ней. Это такие знаки, как ` ~ @ # \$ ^ & [] { } | \ ' < >, они используются не только при набирании простого текста, но и в написании

программ. Их отсутствие в русском регистре клавиатуры приводит к необходимости переключения с регистра на регистр и обратно, что является немалым замедляющим фактором.

Также одним из ключевых структурных ограничений формализации русского языка является его сложный грамматический строй. Речь идет о системе грамматических форм и падежей, что делает его менее подходящим для автоматизированной обработки, чем, например, английский язык. Например, английское имя прилагательное является по сути дела неизменяемым, оно просто примыкает к необходимому имени существительному, в то время как русское имя прилагательное существует в русском языке в 24 формах (6 падежных форм мужского рода, 6 падежных форм женского рода, 6 падежных форм среднего рода и 6 падежных форм множественного числа) и согласуется посредством этих форм с нужным именем существительным. Это делает русский язык менее удобным для автоматической обработки и написания программ, хотя и не исключает подобных возможностей, просто требует значительно больше времени и усилий, что, например, имеет место в разработке компьютерных программ машинного перевода, где русский язык требует более сложных алгоритмов из-за большего количества грамматических и морфологических особенностей.

Также русский язык обладает чрезвычайно богатой лексикой, что может рассматриваться и как преимущество, и как ограничение при формализации. Так, русский язык имеет множество цепочек синонимов, которые способны передать мельчайшие нюансы значений и эмоций говорящего по отношению к тому или иному предмету или явлению. Продолжая обсуждать лексический уровень русского языка, стоит упомянуть о многообразии способов образования слов (префиксы, суффиксы, окончания и т. д.), что также усложняет процесс формализации. С одной стороны, такое разнообразие слов и значений позволяет точнее выражать мысли и идеи, с другой – усложняет создание единой системы обработки текстов и распознавание смысла в поисковике.

Еще одним примером структурного ограничения русского языка может служить задача определения тональности текста. В компьютерной обработке текстов важно точно определить оценочную коннотацию текста: является ли он положительным, отрицательным или нейтральным. Для русского языка с его сложной системой оттенков значения слов и выражений такая задача оказывается гораздо более сложной, чем, например, для английского языка. Это требует более сложных алгоритмов и методов обработки текстов.

Таким образом, структурные особенности русского языка являются как преимуществом, обогащающим возможности выражения мыслей, так и ограничением для автоматизированных систем обработки текстов в компьютерной среде.

В связи с этим возникает вопрос о разработке и создании компьютерных систем, способных адекватно интерпретировать всю глубину значений, содержащихся в русском языке. Сложности, с которыми сталкиваются разработчики при попытке формализации русского языка, вызваны его богатством и многослойностью, что делает его менее простым для автоматизированной обработки по сравнению с менее сложными языками.

Данная проблема не является присущей только русскому языку, она типична для большинства ЕЯ, так как они более сложны и неоднородны, чем требуется для написания и написания программ.

Структурные ограничения формализации русского языка оказывают существенное влияние на различные отрасли, связанные с языковыми технологиями, компьютерной лингвистикой и обработкой текстов. Богатство русского языка представляет как преимущества, обогащающие культурное наследие, так и ограничения, требующие сложных решений и инноваций в области информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большакова, Е. И. Формализация лексико-синтаксической информации для распознавания регулярных конструкций естественного языка / Е. И. Большакова,

Н. Э. Васильева // Программные продукты и системы. Международный журнал. – 2008. – № 4. – URL: <https://swsys.ru/index.php?page=article&id=1632> (дата обращения: 20.11.2024).

2. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» / И. А. Мельчук. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – Режим доступа : по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211373> (дата обращения: 20.11.2024).

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 685 с.

4. Русский язык и программирование. – URL: <http://compiler.su/russkij-yazyk-i-programmirovanie.php> (дата обращения: 20.11.2024).

КАНЦЭПТ ЯК МАЎЛЕНЧЫ ФЕНОМЕН

У артыкуле разглядаюцца змест і структура лінгвістычнага паняцця “канцэпт”, а таксама спецыфіка фарміравання і змацавання канцэптаў у свядомасці кожнага асобнага чалавека.

Ключавыя словы: канцэпт, канцэптуалізацыя, дыскурс, кантэкст, карціна свету.

G. Stankevich. The concept as a speech phenomenon.

The article examines the content and structure of the linguistic term concept, as well as the specifics of the formation and consolidation of concepts in the consciousness of each individual.

Keywords: concept, conceptualization, discourse, context, worldview.

У кожнай культурна-гістарычнай парадыгме выпрацоўваюцца свае ўяўленні аб тым, што ў свеце з’яўляецца неабходным, рэальным і сапраўдным, а што выпадковым, нерэальным і ілюзорным.

Канцэпт – гэта дыскрэтная, аб’ёмная ў сэнсавым дачыненні адзінка мыслення ці памяці, якая адлюстроўвае культуру народа. Канцэпт уяўляе сабой ментальнае утварэнне, якое валодае адносна ўпарадкаванай унутранай структурай і прадстаўляе вынік пазнавальнай дзейнасці асобы і грамадства, што нясе комплексную, энцыклапедычную інфармацыю пра адлюстраваны прадмет ці з’яву, пра інтэрпрэтацыю дадзенай інфармацыі грамадскай свядомасцю і пра стаўленне грамадскай свядомасці да дадзенай з’явы або прадмета. Канцэпт ўключае ў сябе псіхалінгвістычнае і лексікаграфічнае значэнне, але па аб’ёме свайго зместу застаецца невымерна большым, чым абодва вышэйназваныя значэнні [1].

Канцэптуалізацыя – гэта працэс утварэння і фарміравання канцэптаў ў свядомасці; асэнсаванне новай інфармацыі, якая вядзе да утварэння канцэптаў. Свядомасць чалавека, вылучыўшы ў аб’ектыўнай або

суб'ектыўнай (разумовай) рэчаіснасці некаторую асобную вобласць (сферу), асэнсоўвае яе, вылучаючы яе адметныя прыкметы і падводзячы яе пад пэўны клас з'яў [1]. Гэта і з'яўляецца канцэптуалізацыяй. Вынік канцэптуалізацыі – утварэнне канцэпта, разумовае адлюстраванне выдзеленых прыкмет дадзенай сферы, якое выступае дэнататам канцэпта, гэта значыць, той рэальнай сферай, якая знайшла ў канцэпце разумовае адлюстраванне.

Канцэптуалізацыя дэнатата – працяглы працэс як у антагенезе, так і ў філагенезе. У антагенезе дзіця канцэптуалізуе рэчаіснасць паступова, пэўна, яго канцэпты па змесце і структуры істотна адрозніваюцца ад канцэптаў дарослага і моцна змяняюцца з яго развіццём і сталеннем. Фарміраванне канцэпта ў антагенезе ідзе ад вобразнага, пачуццёвага да больш абстрактнага, рацыянальнага. У маленькага дзіцяці канцэпты на пачатковым этапе яго развіцця практычна роўныя вобразам універсальнага прадметнага кода, канцэпт звычайна роўны канкрэтнаму пачуццёваму вобразу, і толькі пасля гэтых вобразы пачынаюць «абрастаць» рацыянальнымі і эмацыйнымі прыкметамі, узнікаюць новыя кампаненты канцэпта, паглыбляецца і пашыраецца яго змест, фарміруецца структура.

Канцэпты развіваюцца ў свядомасці чалавека з наступных крыніц:

- 1) з яго непасрэднага сэнсарнага вопыту – ўспрымання рэчаіснасці органамі пачуццяў;
- 2) з непасрэдных аперацый чалавека з прадметамі, з яго прадметнай дзейнасці;
- 3) з разумовых аперацый чалавека з іншымі, ужо існуючымі ў яго свядомасці канцэптамі – такія аперацыі могуць прывесці да ўзнікнення новых канцэптаў, якія называюцца метаканцэптамі;
- 4) з маўленчых зносін (канцэпт можа быць растлумачаны, прапанаваны чалавеку ў моўнай форме, напрыклад, у адукацыйным працэсе;
- 5) з самастойнага пазнання чалавекам значэнняў моўных адзінак, засвоеных у працэсе жыцця (дарослы чалавек глядзіць тлумачэнне невядомага для яго слова ў слоўніку і праз яго знаёміцца з адпаведным канцэптам) [1].

Мова, таким чином, виступає тільки одним са спосо́баў фарміравання канцэптаў ў свядомасці чалавека. Для эфэктаўнага фарміравання канцэпта ў свядомасці, для паўнаты яго фарміравання тільки адной мовы мала – неабходна абавязковае прыцягненне пачуццёвага вопыту, нагляднасць, прадметная дзейнасць з тым ці іншым прадметам. Толькі ў такім спалучэнні розных відаў ўспрымання ў свядомасці чалавека ствараецца паўнавартасны канцэпт ў адзінстве вобразнага кампанента, інфармацыйнага зместу і інтэрпрэтацыйнага поля.

Вобразная аснова канцэпта, што складае яго ядро, носіць заўсёды індывідуальна-перцепцыйны характар, паколькі фарміруецца на базе асабістага пачуццёвага вопыту чалавека. Першасны эмпірычны вобраз, які ляжыць у аснове канцэпта, часта адлюстроўвае першае ўражанне аб тым ці іншым прадмеце або з'яве альбо заснаваны на вопыце ўзаемадзеяння з прадметам, які атрымаў пэўны чалавек у той ці іншы момант свайго жыцця. Жыццёвы вопыт чалавека пастаянна ўзбагачае змест канцэптаў, якія складаюць яго канцэптасферу, пры чым ўскладняецца як вобразны кампанент канцэпта, так і рацыянальны складнік – інфармацыйны мінімум і інтэрпрэтацыйны прыкметы.

У цэлым філагенез прадугледжвае канцэптуалізацыю рэчаіснасці ў кірунку ад вобразнага да рацыянальнага. Першаснымі ў свядомасці чалавека з'яўляюцца прадметныя, быццёвыя канцэпты. На іх базе развіваюцца новыя, больш абстрактныя вытворныя канцэпты. З развіццём чалавека наглядны вопыт перарастае у нешта большае і значна больш складанае. З аднаго боку, з прычыны здольнасці чалавека да разумных высноў, а з другога – з прычыны развіцця інструментальных метадаў у розных фундаментальных навуках, чалавек непазбежна пераходзіць ад прамога сузірання за прыродай і непасрэдных назіранняў над ёю да асэнсавання напрамую не назіраемага.

Чалавек не толькі абазначае свет, але і апісвае яго. У такіх апісаннях нараджаюцца новыя канцэпты. Іх з'яўленне – гэта вынік моўнай аргументацыі, следства дыскурсіўнай дзейнасці чалавека, пра якую можна

казаць як пра моўнадумную дзейнасць, якая пры гэтым ажыццяўляецца ў канкрэтных гістарычных, культуралагічных і асабліва прагматычных умовах.

Канцэптуалізацыя пастаянна працягваецца як у грамадстве, так і ў індывідуальнай свядомасці.

Канцэптасфера – гэта спарадкаваная сукупнасць канцэптаў народа, інфармацыйная база мыслення. І канцэпт, і канцэптасфера – разумовыя, неназіраемыя сутнасці [1].

Канцэптасфера ўяўляе сабой сістэму, так як канцэпты звязаныя адзін з адным, ўступаюць у розныя адносіны. Чым багацейшая культура нацыі, яе фальклор, літаратура, навука, выяўленчае мастацтва, гістарычны вопыт, рэлігія, тым багацейшая канцэптасфера народа. Канцэптасфера шмат у чым абумоўлівае менталітэт асобы, супольнасці, народа, гэта значыць характар, паводзіны, лад думак, якія вызначаюць і «загадкаваць рускай душы», і працавітасць беларусаў, і дзелавітасць амерыканцаў, і пунктуальнасць немцаў.

Базавае стэрэатыпнае ядро ведаў, або кагнітыўная база народа, вылучаецца з індывідуальных канцэптасфер як некаторая іх частка, у роўнай меры прысвоеная усімі членамі лінгвакультурнай супольнасці. Можна казаць таксама пра існаванне групавых канцэптасфер (прафесійная, узроставае, гендэрная і г. д.).

Шырока практыкуецца ў кагнітыўнай лінгвістыцы супастаўленне розных нацыянальных канцэптасфер паміж сабой, што дазваляе выявіць нацыянальную спецыфіку канцэптуалізацыі падобных з'яў свядомасцю розных народаў, вылучыць безэквівалентныя канцэпты і канцэптуальныя лакуны (адсутнасць канцэпта).

Канцэпт мае пэўную структуру. Канцэпты ўнутрана арганізаваны па полевым прынцыпе і ўключаюць пачуццёвы вобраз, інфармацыйнае ўтрыманне і інтэрпрэтацыйнае поле.

1) Пачуццёвы вобраз. Наяўнасць у канцэпце вобразнага кампанента вызначаецца нейтралінгвістычным характарам універсальнага прадметнага кода: пачуццёвы вобраз кадзіруе канцэпт, фарміруючы адзінку гэтага кода.

Пачуццёвы вобраз праяўляецца: а) у лексікаграфічных значэннях многіх слоў (чырвоны, кіслы, цёплы, прастакутны і г. д. – падобныя адзінкі ўваходзяць у слоўнікавыя тлумачэнні многіх слоў), б) у псіхалінгвістычных значэннях, выяўленых ў ходзе эксперыментаў, в) у чыста кагнітыўных, невербалізуемых складніках канцэпта.

Наяўнасць парадку ў структуры канцэпта пацвярджаецца так званай прататыпнай семантыкай Джонсана –Лакофа, якая атрымала шырокае развіццё ў сучаснай лінгвістыцы. «Прататыпы, – піша Д. Лакоф, – гэта найбольш выразныя, яркія вобразы, здольныя прадставіць клас канцэптаў ў цэлым (напрыклад, для класа птушкі – гэта верабей)» [2, с. 135]. Прататып – гэта адзінка, якая праяўляе ў найбольшай ступені ўласцівасці, агульныя з іншымі адзінкамі дадзенай групы, адзінка, якая рэалізуе гэтыя ўласцівасці ў найбольш чыстым выглядзе і найбольш поўна, без удзелу іншых уласцівасцяў.

Пачуццёвы вобраз у структуры канцэпта неаднастайны. Ён утвораны:

а) перцэпцыйнымі кагнітыўнымі прыкметамі, якія фармуюцца ў свядомасці носьбіта мовы ў выніку ўспрыняцця ім навакольнай рэчаіснасці пры дапамозе органаў пачуццяў (перцэпцыйны вобраз);

б) вобразнымі прыкметамі, якія фарміруюцца метафарычным асэнсаваннем адпаведнага прадмета або з'явы (так званай кагнітыўнай або канцэптуальнай метафарай). Гэты вобраз можна назваць метафарычным або кагнітыўным [3].

Перцэпцыйны вобраз ўключае зрокавыя, дотыкавыя, смакавыя, гукавыя і пахавыя вобразы. Кагнітыўны вобраз адсылае абстрактны канцэпт да матэрыяльнага свету.

Пры апісанні зместу канцэпта выяўленыя ў працэсе кагнітыўнай інтэрпрэтацыі вобразы павінны быць сфармуляваныя як пэўныя кагнітыўныя прыкметы, якія ўваходзяць у структуру канцэпта. Кагнітыўныя вобразы цяжэй фарміруюцца ў параўнанні з перцэпцыйнымі, але яны, як правіла, больш шматлікія, што сведчыць аб важнасці месца, якое яны займаюць у структуры канцэпта.

2) Інфармацыйны змест. Інфармацыйны змест канцэпта ўключае мінімум кагнітыўных прыкмет, якія вызначаюць асноўныя, найбольш важныя адметныя рысы канцэптуалізуемага прадмета або з'явы. Гэта прыкметы, найбольш істотныя для самога прадмета або яго выкарыстання, якія характарызуюць яго найважнейшыя дыферэнцыяльныя рысы, абавязковыя складовыя часткі, асноўную функцыю.

Шматлікія прыватныя, энцыклапедычныя, ацэначныя прыкметы не ўваходзяць у інфармацыйны змест канцэпта, яны належаць ужо інтэрпрэтацыйнаму полю, хоць не заўсёды можна правесці выразную мяжу паміж інфармацыйным і інтэрпрэтацыйным зместам канцэпта.

3) Інтэрпрэтацыйнае поле. Інтэрпрэтацыйнае поле канцэпта ўключае кагнітыўныя прыкметы, якія ў тым ці іншым аспекце інтэрпрэтуюць асноўны інфармацыйны змест канцэпта.

У інтэрпрэтацыйным полі вылучаецца некалькі зон – такіх участкаў інтэрпрэтацыйнага поля, якія валодаюць пэўным унутраным адзінствам і аб'ядноўваюць блізкія па змесце кагнітыўныя прыкметы:

- ацэначная зона аб'ядноўвае кагнітыўныя прыкметы, якія выказваюць агульную, эмацыйную, інтэлектуальную або маральную ацэнку;

- энцыклапедычная зона аб'ядноўвае кагнітыўныя прыкметы, якія характарызуюць рысы канцэпта, што патрабуюць знаёмства з імі на базе вопыту, навучання, узаемадзеяння з дэнататам канцэпта і г. д.;

- утылітарная зона аб'ядноўвае кагнітыўныя прыкметы, якія выказваюць ўтылітарнае, прагматычнае стаўленне людзей да дэнатата канцэпта, веды, звязаныя з магчымасцю і асаблівасцямі яго выкарыстання для якіх-небудзь практычных мэтаў;

- рэгулятыўная зона аб'ядноўвае кагнітыўныя прыкметы, якія прадпісваюць, што трэба, а што не трэба рабіць у сферы «пакрываемай» канцэптам;

- сацыяльна-культурная зона аб'ядноўвае кагнітыўныя прыкметы, якія адлюстроўваюць сувязь канцэпта з побытам і культурай народа: традыцыямі,

звычаймі, канкрэтнымі дзеячамі літаратуры і мастацтва, пэўнымі мастацкімі творамі, прэцэдэнтнымі тэкстамі;

– парэміялагічная зона – сукупнасць кагнітыўных прыкмет канцэпта, аб'ектывавальных прыказкамі, прымаўкамі і афарызмамі, гэта значыць сукупнасць сцвярджэнняў і ўяўленняў аб з'яве адлюстраваных канцэптам у нацыянальных парэміях [1].

Парэміялагічная зона – асаблівая зона ў структуры канцэпта, паколькі яна адлюстроўвае не сучасныя, а пераважна гістарычныя ўяўленні пра стаўленне народа да канцэпта і разуменне народам розных бакоў гэтага канцэпта. Парэміі ўнутры зоны могуць быць упарадкаваны па прынцыпе поля з улікам частотнасці выразаў таго ці іншага сэнсу ў парэміялагічным фондзе мовы.

Вобраз і інфармацыйны змест канцэпта ўяўляюць яго інфармацыйны каркас, які мае адносна структураваны характар.

Інтэрпрэтацыйнае поле, як паветра, пранізвае канцэпт, напаўняе яго, запаўняе «месца» паміж яго структурнымі кампанентамі – гэта найменш структураваная частка канцэпта, яна можа быць апісана як пералік асобных прыкмет.

Характэрнай рысай інтэрпрэтацыйнага поля з'яўляецца суіснаванне ў ім кагнітыўных прыкмет, якія супярэчаць адна адной. Падобная супярэчлівасць вылучаемых прыкмет тлумачыцца менавіта іх прыналежнасцю да інтэрпрэтацыйнага поля канцэпта, якое змяшчае «высновы» з розных кагнітыўных прыкмет ядра, зробленыя ў розных умовах, у розныя гістарычныя перыяды, рознымі групамі носьбітаў мовы.

Структура таго ці іншага канцэпта можа быць апісана толькі пасля таго, як устаноўлены і апісаны яго змест – гэта значыць выяўлены кагнітыўныя прыкметы, што ўтвараюць канцэпт.

Адносіны паміж асобнымі структурнымі кампанентамі канцэпта і яго палявой арганізацыяй не сіметрычныя. Базавыя структурныя кампаненты канцэпта – вобраз, інфармацыйны змест і інтэрпрэтацыйнае поле – размяркоўваюцца па розных палявых участках канцэпта, пры гэтым у іх

адсутнічае жорсткая замацаванасць структурных кампанентаў канцэпта за пэўнымі палявымі зонамі. Так, інфармацыйны змест канцэпта можа належаць і да ядра, і да блізкай перыферыі, і да іншых зон перыферыі, а прыкметы інтэрпрэтацыйнага поля могуць увайсці па яркасці ў ядро канцэпта і г. д. Толькі парэміялагічная зона, як было адзначана вышэй, пераважна складае крайнюю перыферыю зместу канцэпта.

Вобраз не абавязкова ўваходзіць у структурнае ядро канцэпта, хоць у індывідуальнай свядомасці ён, відавочна, адыгрывае першасную ролю, паколькі кадзіруе канцэпт для дадзенага носьбіта мовы.

Перыферыіны статус той ці іншай канцэптуальнай прыкметы зусім не сведчыць пра яе малазначнасць або непатрэбнасць у структуры канцэпта, статус прыкметы толькі паказвае на ступень яе аддаленасці ад ядра па ступені яркасці.

Такім чынам, у тэорыі і апісанні канцэптаў неабходна размяжоўваць змест і структуру канцэпта. Змест канцэпта ўтвараецца кагнітыўнымі прыкметамі, якія адлюстроўваюць асобныя рысы канцэптуалізуемага прадмета або з'явы і апісваецца як сукупнасць гэтых прыкмет. Змест канцэпта ўнутрана ўпарадкаваны па палявым прынцыпе – ядро, блізкая, далёкая і крайняя перыферыя. Прыналежнасць да той ці іншай зоны вызначаецца перш за ўсё яркасцю прыкметы ў свядомасці носьбіта адпаведнага канцэпта. Апісанне ажыццяўляецца як пералік прыкмет ад ядра да перыферыі па меры памяншэння яркасці прыкметы [4].

Свядомасць чалавека, асэнсоўваючы рэчаіснасць, адносіць асобныя яе фрагменты да пэўных разрадаў, катэгорый – усталяўваючы агульныя рысы з іншымі фрагментамі і вылучаючы асаблівыя рысы, якія адрозніваюць дадзеную катэгорыю ад іншых.

Кагнітыўныя прыкметы могуць быць класіфікацыйнымі і дыферэнцыяльнымі. Кагнітыўны дыферэнцыяльны прызнак – гэта асобная прыкмета аб'екта, усвядомленая чалавекам і адлюстраваная ў структуры адпаведнага канцэпта як асобны элемент яго зместу.

Кагнітыўная класіфікацыйная прыкмета – гэта кампанент зместу канцэпта, які адлюстроўвае той ці іншы аспект, параметр катэгарызацыі адпаведнага аб'екта або з'явы і абагульняе аднастайныя дыферэнцыяльныя кагнітыўныя прыкметы ў структуры канцэпта. Кагнітыўныя класіфікацыйныя прызнакі заўсёды з'яўляюцца агульнымі для шэрагу канцэптаў і аб'ядноўваюць канцэпты і іх групы ў адзіную канцэптасферу [4].

Набор кагнітыўных класіфікацыйных прыкмет спецыфічны для кожнага канцэпта, для групы канцэптаў і для канцэптасферы ў цэлым. Вылучаюцца наступныя кагнітыўныя класіфікацыйныя прыкметы:

1) універсальныя суперкласіфікацыйныя кагнітыўныя прыкметы, якія могуць быць ужыты да любога прадмету або з'явы;

2) класіфікацыйныя прыкметы меншага ўзроўню абагульнення – класіфікацыйныя прыкметы класаў, якія характарызуюць пераважна той ці іншы тып фактаў – артэфакты, ментафакты, натурфакты. Артэфакты характарызуюцца такімі класіфікацыйнымі прыкметамі, як функцыя, канструктыўныя асаблівасці, матэрыял вырабу і інш.; натурфакты – асяроддзе пражывання, смакавыя якасці, тэрмін захоўвання і інш.; ментафакты – маральная характарыстыка, носьбіты прыкметы, сацыяльныя ўмовы існавання і г. д.;

3) яшчэ менш абагульненыя класіфікацыйныя прыкметы – групавыя, якія характарызуюць толькі пэўныя групы з'яў і прадметаў. Групы могуць быць рознага аб'ёму, адпаведна і групавыя класіфікацыйныя прыкметы будуць характэрныя для больш шырокага круга канцэптаў (вялікія групы) і для вузкага круга канцэптаў (малыя групы);

4) кагнітыўныя класіфікацыйныя прызнакі ў структуры канцэпта могуць быць прадстаўлены адной альбо некалькімі кагнітыўнымі дыферэнцыяльнымі прыкметамі [4].

Набор гэтых прыкмет, пры дапамозе якіх канцэптуалізуецца, гэта значыць асэнсоўваецца той ці іншы прадмет, спецыфічны для нацыянальнай канцэптасферы і можа адрознівацца ў розных нацыянальных культурах.

У навуковай свядомасці назіраецца перавага інфармацыйна-паняційнага кампанента ў структуры канцэпта, выяўляецца спецыфічная вузкасפעцыяльная каштоўная арыентацыя, строгая сістэматызаванасць кагнітыўных прыкмет, максімальны ўзровень абагульненасці, элімінаванне ўзаемавыключальных і супярэчлівых кагнітыўных прыкмет.

Кагнітыўныя класіфікацыйныя прыкметы адлюстроўваюцца ў выглядзе архісем ў значэннях ключавых слоў канцэптаў, і праз семантычны аналіз такіх слоў можна выявіць адпаведныя класіфікацыйныя прыкметы.

У кагнітыўных навуках «канцэпт» – гэта тэрмін, які пазначае адзінку ментальных рэсурсаў свядомасці і інфармацыйнай структуры, што адлюстроўвае веды і вопыт асобы. Гэта апэратыўная змястоўная адзінка памяці, ментальнага лексікону, канцэптуальнай сістэмы, якая замацавана мозгам, а таксама элемент ўсёй карціны свету, адлюстраванай у чалавечай псіхіцы. Акрамя таго, гэта ўяўленні індывіда аб сэнсах, якія ўзнікаюць пры атрыманні ім інфармацыі як аб аб'ектыўным становішчы рэчаў у свеце, так і пра іррэальнасць.

У цэлым канцэпты – гэта «інтэрпрэтатары сэнсаў», форма апрацоўкі суб'ектыўнага вопыту шляхам падвядзення яго пад пэўныя катэгорыі і класы, асноўная адзінка захавання і перадачы інфармацыі.

Канцэпт не з'яўляецца аднастайным паняццем. У сувязі з паслойнай арганізацыяй канцэпты па прыродзе сваёй не могуць быць простымі. Іх складнікамі з'яўляюцца пласты рознага паходжання. Не можа быць канцэпта, які складаецца з аднаго толькі пласта, і, у той жа час, ён не можа змяшчаць адразу ўсе складнікі. Канцэпт складаецца з гістарычна адасобленых слаёў, розных і па часе фарміравання, і па паходжанні, і па семантыцы.

Слаістасць канцэпта вызначаецца, пераважна, яго дынамічным характарам, што адзначаюць сучасныя лінгвісты. Н. Н. Балдыраў акрасляе канцэпт як снежны ком [5]. В. В. Калясоў называе канцэпты зернямі першасмыслу, з якіх растуць новыя сэнсы [4]. Ю. С. Сцяпанаў вылучае ў канцэпце тры пласты: асноўны, дадатковы, этымалагічны [6]. Меркаванне аб «слаістай» будове канцэпта падзяляецца і многімі іншымі навукоўцамі

(Л. Г. Бабенка, Г. Г. Слышкін і інш.) [7; 8]. Яны прызнаюць, што канцэпт развіваецца, павялічваецца яго змест і колькасць асацыяцый, якія ён выклікае. Кожны пласт канцэпта вызначае яго існаванне, развіццё, фарміраванне яго новых прыкмет.

Так, у працы У. А. Маславай адзначаецца, што большасць лінгвістаў прызнае ў структуры канцэпта нязменную (ядзерную, паняццёвую) частку і перыферычную «сацыя-псіха-культурную» частку – зыбку, размытую, якая ўключае ацэнкі, інтэрпрэтацыі, эмоцыі, канатацыі, звязаныя з разуменнем канцэпта, асацыяцыі, вобразы, сімвалы, якія ўзніклі на базе канцэпта [9, с. 36].

Калі «ядзерная зона ўключае агульны, універсальны вопыт пазнання, то перыферычная закранае асабісты, суб'ектыўны вопыт і адлюстроўвае тое, як мы непасрэдна спазнаём навакольны свет і як мы з ім узаемадзейнічаем» [5, с. 20]. Аднак варта пагадзіцца з У. У. Калясовым, што «паняцце ёсць набліжэнне да канцэпту, гэта выяўленасць канцэпта ў выглядзе адной з яго змястоўных формаў» [3, с. 19–20].

Па сваёй сутнасці канцэпты характарызуюць быццё ва ўсёй яго паўнаце, ад штодзённага існавання да выхаду на сэнсавыя арыенціры. Паняцце ж – толькі адзін з модуляў канцэпта (яго бок, іпастась, аспект). У мастацкім канцэпце паняццёвы пласт далёка не заўсёды з'яўляецца ядзерным кампанентам. «Сэнсавое ваганне паміж паняццёвым і пачуццёвым, вобразным палосамі робіць канцэпт гнуткай, універсальнай структурай, здольнай рэалізоўвацца ў дыскурсах рознага тыпу», – піша У. Зусман [1].

ЛІТАРАТУРА

1. Зусман, В. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Зусман // Вопр. литературы. – 2003. – № 2. – С. 3–29.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126–170.
3. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – слово / В. В. Колесов // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 1992. – Вып. 3. – С. 30–40.

4. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко / Изд-во Иркутского университета ; 2-е изд., испр. – Иркутск, 2004. – 206 с.
5. Болдырев, Н. Н. Когнитивный аспект семантики притяжательных местоимений / Н. Н. Болдырев // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 91–92.
6. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
7. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
8. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
9. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ КОРПУСА ТЕКСТОВ НА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Современные лингвисты все чаще обращаются к корпусам текстов. Самая крупная такая коллекция – это платформа SketchEngine, которая содержит около 1 млрд словоупотреблений. Она предоставляет доступ и к текстам, и к программному обеспечению обработки корпусов. Особенно быстро пополняются так называемые «скомпилированные веб-корпуса», однако обычно они хуже проверены и хуже размечены, чем обычные. При необходимости создать собственный корпус следует использовать конкордансеры, корпусные менеджеры и т. п. Большие возможности создания, разметки корпуса и поиска в нем дают программы AntConc и NooJ. При обработке славянских языков следует обращать внимание на текстовую кодировку исходных файлов, особенно при подготовке многоязычных корпусов, в т. ч. параллельных.

Ключевые слова: корпус текстов, корпусный менеджер, славянские языки, сопоставительная лингвистика, таблица кодировки символов.

M. Suprunchuk. Some issues of Slavic text corpus preparation.

Modern linguists are increasingly turning to corpora of texts. The SketchEngine platform is the largest collection of this kind: it contains about 1 billion tokens. It provides access to both texts and corpus processing software. The so-called ‘compiled web corpora’ grow especially fast, but they are usually worse tested and less tagged than regular ones. If it is necessary to create own corpus, one should use concordancers, corpus managers, etc. AntConc and NooJ programmes offer great possibilities for creating, tagging and searching the corpus. When processing Slavic languages, particular attention should be paid to the text encoding of source files, especially when preparing multilingual corpora, including parallel ones.

Keywords: text corpus, corpus manager, Slavic languages, comparative linguistics, code page, character encoding table.

Лингвисты с давних пор изучали тексты. Методы языкознания, как и любой другой науки, предполагают сбор и анализ данных. Для этого нужно

обращаться либо к информантам, либо к текстам, либо к собственному сознанию (интроспекция). Благодаря развитию компьютеров доступ к текстам значительно облегчился, так что современные исследователи активно используют корпуса текстов для самых разных задач. Один из популяризаторов корпусной лингвистики и создателей «Национального корпуса русского языка» В. А. Плунгян уже в 2009 году утверждал, что современная лингвистика должна стать корпусной [1]. Спустя 10 лет М. В. Копотев так сформулировал достижения в этой области: «С некоторой долей субъективизма можно сказать, что методологическое развитие современной лингвистики во многом формируют два направления: экспериментальная и корпусная лингвистика. Последняя, являясь одним из самых молодых разделов языкознания, успела, однако, расширить объект изучения лингвистики, изменить представление о методах лингвистического анализа и внести свой вклад в общую теорию языка» [2, с. 91].

Думается, что к предвестникам корпусной лингвистики можно отнести и А. Е. Супруна. Под его руководством в 1970–1980 гг. составлялись частотные словари белорусского языка, для которых была собрана очень большая коллекция текстов: её объем составил около полутора миллионов словоупотреблений. В книге «Лексическая типология славянских языков» (1983) ученый отмечал: «Тип лексикона характеризуется качественно разнообразием составляющей его лексики в семантическом, стилистическом, грамматическом отношениях, количественно в отношении объема к статистической стратификации словаря, а также морфемной структурой и словообразовательными потенциями лексики, ее сочетаемостью и некоторыми другими факторами. В связи с этим важно сопоставительное и типологическое изучение лексики славянских языков комплексного характера. Для комплексного сопоставительно-типологического анализа славянской лексики могут быть применены методики дистрибутивные, компонентные, квантитативные, психолингвистические, причем существенно соотнесение получаемых результатов. Специфика лексикона одного из языков определяется

пересечением различных показателей, а сравнение комплекса показателей позволит лучше выявить типологические взаимоотношения лексиконов славянских языков» [3, с. 5]. То есть автор подчеркивал важность массового обследования художественных и других произведений, был уверен, что особенности слова ярко проявляются в его контекстах, связаны с его частотой.

Для многих целей можно использовать готовые корпуса текстов. Так, широкой известностью пользуются Белорусский N-корпус [4], Национальный корпус русского языка [5], Чешский национальный корпус [6], коллекция корпусов английского языка English Corpora (в нее входит также известный Британский национальный корпус) [7], собрание корпусов и лингвистических сервисов SketchEngine [8] и др. Это крупные лингвистические ресурсы, которые содержат тексты в электронной форме с разнообразной разметкой: лексической, морфологической, синтаксической, текстовой и другими ее видами. Достоинством корпуса являются его электронный вид, большой объем и репрезентативность. Еще одно важное требование, к которому стремятся разработчики, – это сбалансированность, т. е. свойство корпуса, которое состоит в том, что в нем пропорционально представлены тексты разных стилей, эпох, жанров. Корпусы постоянно развиваются: увеличивается их объем, улучшаются репрезентативность, сбалансированность и разметка. Совершенствование разметки предполагает добавление новых параметров текстов и словоформ, повышение точности, в том числе ручное или автоматическое устранение ошибок автоматической разметки.

Самой большой коллекцией текстов является SketchEngine [8]: здесь представлено около 1 трлн словоупотреблений на 100 языках. Чешский национальный корпус содержит 4,7 млрд словоупотреблений, Национальный корпус русского языка — 2 млрд, Генеральный украинский корпус – 1,7 млрд, Корпус современного американского английского – 1 млрд, Британский национальный корпус — 100 млн. Из отечественных корпусов самым крупным и функционально обеспеченным является Белорусский N-корпус.

В некоторых случаях необходимо создать свой корпус. Это может быть желательно тогда, когда неизвестен состав общедоступного корпуса, или в нем открывается короткий контекст для искомых слов, или представлен неудобный интерфейс, недостаточное тегирование, или по иным причинам. Ср. замечание представителя ИТ-индустрии: «По мнению продуктового аналитика 65apps и прикладного лингвиста Анны Куликовой, главная задача цифровой лингвистики сегодня – подготовка оцифрованных лингвистических данных высокого качества, особенно для языков, отличных от английского, и внедрение лингвистических технологий в производственные процессы» [10].

Для составления своего корпуса есть несколько вариантов. Во-первых, в ряде корпусов предусмотрена возможность удобного ограничения рассматриваемых текстов – формирование подкорпуса по различным признакам. Во-вторых, некоторые корпусные платформы позволяют пользователю загрузить на них собственные тексты, и далее эти тексты (полу)автоматически обрабатываются и превращаются в корпус. Так, на ресурсе SketchEngine для трансформации в корпус можно разместить собственные тексты длиной до 1 млн словоупотреблений. Третий вариант – создать локальный корпус, то есть корпус на собственном компьютере. Для этого используются программы, называемые корпусными менеджерами. Наиболее известны следующие: ACTRES, aConCorde BNCWeb, Bonito, PowerConc, WordSmith и др. Рассмотрим особенности подготовки корпуса текстов на славянских языках на примере менеджера AntConc.

Менеджер AntConc в 2002 г. разработал Лоренц Энтони (Laurence Anthony) – профессор Университета Васеда в Токио, Япония [11]. Первоначально программа была создана на языке PERL, затем регулярно обновлялась и была переписана на языке Python с привлечением библиотеки Python Qt. Она обладает таким важным достоинством, как мультиплатформенность: функционирует на системах Windows, Macintosh OS, Linux. Она позволяет получить:

- примеры искомого слова в кратком контексте из корпуса;

- развернутый контекст для выбранного примера;
- обзор содержимого файлов, которые включены в корпус;
- список слов, которые обычно сочетаются с искомым;
- список сочетаний из требуемого количества слов, одно из которых задано;
- список слов, которые встречаются на установленном расстоянии от искомого;
- список всех словоформ в данном тексте или корпусе;
- ключевые слова, оцененные с помощью нескольких статистических формул (мер);
- диаграмму ключевых или частых слов в виде облака слов;
- доступ к диалогу с языковой моделью на базе искусственного интеллекта.

Программа позволяет обрабатывать файлы разных форматов: простые текстовые (txt, srt, sub), табличные (csv, tsv), с интернет-разметкой (html, xhtml, xml), а также предназначенные для сложных документов (doc, docx, pdf, epub). Для правильной интерпретации необходима кодировка символов UTF-8. Если по каким-либо причинам менеджер не может извлечь текст из файла (рис. 1), то можно его преобразовать с помощью конвертера этого же автора – AntFileConverter.

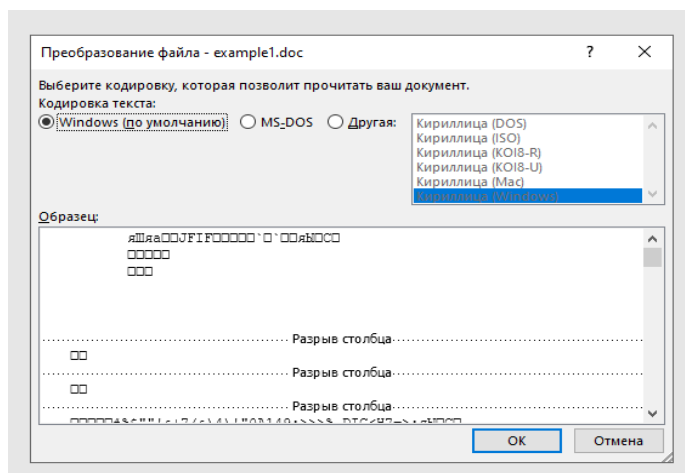

Рисунок 1 – Проблема текстовой кодировки при работе с документом

Наиболее удобным для компьютерных менеджеров является старый формат txt. Такие файлы маленькие и не содержат служебной информации, которая является лишней для лингвистических целей и затрудняет автоматическую обработку текста. Эти достоинства, между тем, обуславливают необходимость особого внимания к кодировкам (наборам символов).

В XX в. самым распространенным стандартом кодировок был тип ASCII. Он был разработан в 1963 г. и использовался в Windows вплоть до начала XXI в. Система ASCII — это семибитный код, а значит, можно закодировать только 128 символов. Символы с номерами от 0 до 127 являются международным стандартом, сюда входят арабские цифры, знаки препинания, основные латинские буквы и некоторые другие. Иные знаки, необходимые для национальных языков, кодируются в национальных кодировочных таблицах — так называемых расширенных версиях ASCII, т. е. таблицах ANSI.

Неправильная установка кодировки в файле приводит к тому, что корпусный менеджер не распознает в нем текст. Данная сложность особенно возрастает при подготовке многоязычного корпуса на славянских языках, поскольку в них используются две графики. Для решения указанной проблемы совместимости алфавитов в одной кодовой таблице был разработан стандарт Unicode (Юникод).

Таким образом, современное корпусное исследование может проводиться на готовых и специально созданных лингвистом корпусах. Если исследователь сам умеет программировать, то это значительно облегчает сбор и обработку языковых данных. Если не умеет, то необходимо тщательно изучить функционал корпусных менеджеров и максимально его использовать. При подготовке нужно учитывать ограничения программ, связанные с объемом файлов и кодировочными таблицами, а также графику исходных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плунгян, В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [2009] / В. А. Плунгян. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> (дата обращения: 29.10.2024).
2. Копотев, М. В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка / М. В. Копотев // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 90–102.
3. Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1983. – 47 с.
4. Беларускі N-корпус : [сайт]. – Мінск, 2015–2024. – URL: <http://bnkorporus.info/korpus.html> (дата звароту: 29.10.2024).
5. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – М., 2003–2024. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).
6. Český národní korpus : [site]. – Praha, 2012–2024. – URL: <https://www.korpus.cz/> (date of access: 29.10.2024).
7. Davies, M. English corpora : [site] / M. Davies. – 2008–2024. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 29.10.2024).
8. The Sketch Engine: ten years on / A. Kilgariff, V. Baisa, J. Bušta [et al.] // Lexicography. – 2014. – № 1. – P. 7–36.
9. Кошчанка, У. Нацыянальны корпус беларускай мовы ў кантэксце корпуснай лінгвістыкі славянскіх краін / У. Кошчанка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XVI Міжнар. з’езд славістаў : даклады беларускай дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларускі камітэт славістаў ; [адк. рэд. А. А. Лукашанец]. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – С. 60–79.
10. Шацкова, Н. Цифровой лингвист: как учить роботов разговаривать по-человечески [2023] / Н. Шацкова. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/61b6f8389a794723ef0ce407> (дата обращения: 29.10.2024).
- Anthony, L. AntConc: Design and development of a freeware corpus analysis toolkit for the technical writing classroom / L. Anthony. – URL: https://www.laurenceanthony.net/research/ipcc_2005_anthony_antconc.pdf (date of access: 29.10.2024).

АНАМАСІЯЛОГІЯ: ПРЫНЦЫПЫ І НАПРАМКІ АНАЛІЗУ МОЎНАГА ЗНАКА

У артыкуле разглядаецца эвалюцыя анамасіялагічных даследаванняў – ад ідэй антычных філосафаў аб канвенцыянальным і неканвенцыянальным разуменні моўнага знака да сучасных канцэптуальна-кагнітыўных даследаванняў лексікону.

Ключавыя словы: анамасіялогія, кагнітыўная лінгвістыка, намінацыя, унутраная форма слова.

M. Famiankova. Onomasiology: principles and directions of analysis of a linguistic sign.

The paper views the evolution of onomasiological research – from the ideas of ancient philosophers about the conventional and unconventional understanding of the linguistic sign to the modern conceptual and cognitive studies of the lexicon.

Keywords: onomasiology, cognitive linguistics, nomination, inner form of the word.

Да пытання гісторыі анамасіялагічных даследаванняў. Анамасіялогія (ад стар.-грэч.: ὀνομασία – называнне + стар.-грэч.: λόγος – вучэнне) – навука аб найменнях, адзін з раздзелаў семантыкі. Займаецца пытаннямі намінацыі, аналізам спосабаў і сродкаў стварэння намінатыўных адзінак на розных узроўнях мовы, высвятленнем унутранай формы назваў у розных мовах для абазначэння аднаго і таго ж паняцця, зменаў назваў у працэсе гістарычнага развіцця мовы. Пачала фарміравацца ў самастойную навуку ў 20 ст. (працы аўстрыйскіх і нямецкіх вучоных лінгвістычнага кірунку «Словы і рэчы» Р. Мерынгера, Г. Шухарта, прадстаўнікоў тэорыі семантычных палёў Л. Вайсгербера, К. Бальдзінгера, працы вучоных Пражскага лінгвістычнага гуртка). Але вытокі анамасіялогіі трэба шукаць у далёкай старажытнасці. В. П. Даніленка вылучае тры этапы ў гісторыі

анамасіялогіі: пачатковы этап, этап нараджэння (антычнасць, сярэднявечча і Адраджэнне), этап станаўлення (Новы час і XIX ст.) і сучасны этап (XX ст.) [1, с. 111]. У Старажытнай Грэцыі Геракліт, стоікі, часткова гностыкі і піфагарэйцы – прадстаўнікі тэорыі «фюсэй», лічылі, што імя неразрыўна звязана з рэаліяй, якую гэта імя называе, што сутнасць рэчы, яе прырода адпастроўваецца ў найменні. Слова ўспрымалася не як умоўнае азначэнне рэаліі, а як частка ці, нават, сутнасць яе. Прыхільнікі тэорыі «тэсэй»: Дэмакрыт, Арыстоцель, Платон, у сваю чаргу, сцвярджалі, што найменне як моўны знак - гэта вынік канвенцыянальнай дамоўленасці. У дыялозе Платона «Кратыл, альбо Аб правільнасці імёнаў» падаецца кампрамісны адказ на гэтае вечнае пытанне: калі слова толькі з’яўляецца, паміж яго гукавай абалонкай і рэаліяй, якую яно (слова) называе, існуе пэўная сувязь, якая з цягам часу губляецца [2, с. 30]. У Сярэднявеччы на пытанні антычных філосафаў аб сувязі слова і рэаліі спрабавалі адказаць рэалісты і наміналісты. Першыя сцвярджалі, што агульныя паняцці, якія існавалі да рэаліі, – гэта мыслі «ў боскім розуме», іншымі словамі, даюцца чалавеку Богам. У сваю чаргу, наміналісты былі ўпэўненыя, што агульныя паняцці з’яўляюцца вынікам працы розуму чалавека і вынікам абстрагавання ад асобных, адзінкавых прымет рэчы. Але сапраўднымі аўтарамі першай анамасіялагічнай мадэлі мовы сталі граматысты XII–XIV ст. «Яны ажыццявілі анамасіялагічную пераарыентацыю традыцыйнай семасіялагічнай граматыкі. Свае граматыкі яны называлі трактатамі пра модусы азначэння, таму іх пачалі называць мадыстамі» [1, с. 108]. П’ер Абеляр і пазней мадысты прапанавалі вылучаць у выказванні дыктум (лац. *dictum* – ‘сказанае’) – змест выказвання; модус (лац. *modus* – ‘спосаб (стаўленне)’ гаворачага да зместа выказвання. Такім чынам, мадысты ў кожным выказванні бачылі творчую асобу – аўтара выказвання, з яго ацэнкай і асэнсаваннем пазамоўнай рэчаіснасці. У XIX ст. яскравым прадстаўніком анамасіялагічнага кірунку ў мовазнаўстве з’яўляецца В. фон Гумбальдт, які звярнуў увагу на тое, што ў розных мовах па-рознаму адпастроўваюцца падобныя сэнсавыя катэгорыі. В.фон Гумбальдт меў на

ўвазе не толькі гукавы, матэрыяльны аспект мовы, але ж і яе (мовы) “унутраную форму”. Пад “унутранай формай” вучоны разумеў сістэму асаблівых спосабаў, пры дапамозе якіх ў мове адлюстроўваюцца тыя ці іншыя катэгорыі. Напрыклад, вучоны звярнуў увагу, што катэгорыя ладу ў гэтаскай мове ў параўнанні з санскрытам мае больш сродкаў выяўлення, у той час як у санскрыце тая ж катэгорыя недастаткова адмяжоўваецца ад катэгорыі часу [3, с. 73].

Анамасіялогія як самастойны раздзел лінгвістыкі са сваім тэрміналагічным апаратам, метадамі, прадметам і аб’ектам даследвання канчаткова аформілася ў XX ст. У 1903 г. А. Цаунэр прапанаваў новы кірунак лінгвістычнага аналізу, зыходнай кропкай якога з’яўляецца паняцце. І менавіта ён уводзіць у навуковае абарачэнне тэрмін «анамасіялогія».

У навуковай літаратуры можам сустрэць тэрміны «тэорыя намінацыі», «анамасіялогія», «анаматалогія» [4, с. 345]; [5, с. 173]. Тэорыя намінацыі вырашае філасофскія задачы: вывучэнне суадносін навакольнага свету, пазамоўнай рэчаіснасці і адлюстраванне яе ў мове-сістэме, спрабуе адказаць на адвечныя пытанні суадносін мовы і мыслення, даследуе намінацыйныя тэхнікі і спосабы намінацыі. І тэорыя намінацыі і анамасіялогія задаюць адзіны вектар даследавання: ад паняцця да яго знакавай рэалізацыі (пры дапамозе слова, словазлучэння і знакаў іншага парадку). У даследаваннях семантыкі моўных адзінак анамасіялогія (тэорыя намінацыі) звычайна супрацьпастаўляецца семасіялогіі – тэорыі значэння. Гэтая апазіцыя «абумоўлена дыхатаміяй знака, наяўнасцю ў знаку плану зместу і плану выказвання і, адпаведна, двума шляхамі яго (знака) даследавання. Можна падыйсці да аналізу ад сэнсу і разгледзець розныя яго трансфармацыі ў моўнай плыні – гэта будзе анамасіялагічны падыход, а можна ўзяць за кропку выйсця форму і высветліць усе магчымыя яе значэнні – і гэта ўжо семасіялагічны падыход». [6, с. 4]. Семасіялогія і анамасіялогія – гэта два аспекты семантыкі, непарыўна звязаныя адзін з адным як тэорыя значэння і азначэння. Па І. С. Торапцаву, «анамасіялогія даследуе працэс стварэння лексічнай адзінкі, а семасіялогія вывучае семантычную структуру і яе змены ў гатовых абалонках лексічных

адзінак» [7, с. 7]. В. Г. Гак адзначае першаснасць семасіялогіі, якая з'яўляецца базай анамасіялогіі, а таксама звяртае ўвагу на непарыўнасць гэтых двух аспектаў вывучэння лексікі [8, с. 82]. Е. С. Кубракова мяркуе, што жорсткае супрацьпастаўленне анамасіялогіі і семасіялогіі немэтазгодна, бо абедзве дысцыпліны знаходзяцца ў рэчышчы семантыкі, але падыходзяць да яе з розных бакоў, таму ў аналізе шэрагу з'яў мэтазгодна сумяшчаць два падыходы [9, с. 46]. Такім чынам, у даследванні намінацыйных адзінак ў роўнай ступені важны як семасіялагічны, так і анамасіялагічны падыход.

Этапы акта намінацыі. Цэнтральным паняццем анамасіялогіі з'яўляецца найменне, намінацыйная адзінка, намінацыя, якая паўстае ў працэсе намінацыйнага акта. І. Гржега і М. Шонер вылучаць 8 этапаў у акце намінацыі [10, с. 18]:

1) наяўнасць рэферэнта ў кантэксце (кантэкст – сітуацыя, у якой знаходзіцца той, хто прамаўляе (адресант) і той, хто слухае (адресат); тып дыскурсу; камунікатыўная мэта;

2) наяўнасць перцептыўнага каналу, які дазваляе ўспрыняць і катэгарызаваць рэферэнта: акрэсліць яго агульныя і спецыфічныя ўласцівасці, упісаць у пэўную класіфікацыю;

3) выкарыстанне намінантам для азначэння рэферэнта знака, які ўжо існуе ў мове, альбо стварэнне новага знака. Рашэнне прымаецца ў залежнасці ад мэты адресанта: ці ўлічвае ён пазіцыю адресата; ці выбірае азначэнне больш ці менш дакладнае, ці надае эмацыйна-экспрэсіўную афарбоўку знаку.

4) аналіз спецыфічных уласцівасцяў канцэпта (гэты ўзровень можа быць факультатыўным ў выпадку запазычання наймення);

5) уласна анамасіялагічны ўзровень: выбар намінантам адной-дзвух уласцівасцяў рэферэнта, якія і будуць з'яўляцца падставай наймення. Гэтыя ўласцівасці дэнатата маюць назву «матывацыйныя прыметы» альбо «іканэмы». Іканэмы могуць базавацца на падабенстве, супрацьпастаўленні, парцыяльнасці і сумежнасці, гэта экстралінгвістычны ўзровень;

6) узровень выбару словаўтваральнай мадэлі;

7) за знакам-найменнем замацоўваюцца адносіны «форма-сэнс» і пэўныя граматычныя характарыстыкі;

8) моўны знак замацоўваецца за фактам пазамоўнай рэчаіснасці.

Структуру намінацыйных актаў прынята апісваць, праз прызму «семантычнага трохвугольніка» «рэалія – паняцце – імя (найменне)». Рэалія набывае найменне на падставе сукупнасці ўласцівасцяў, якія актуалізуюцца ў намінацыйных актах. Паняцце, якое змяшчае ў сабе катэгарыяльна-моўныя прыметы, выступае як сігніфікат наймення. Па вызначэнні Г. У. Калшанскага, «рэальныя ўласцівасці рэальных прадметаў і аб'ектаў, на якія накіравана пазнавальная дзейнасць, мэтазгодна азначаць тэрмінам дэнатат. Розум чалавека фіксуе гэтыя ўласцівасці-прыметы, і яны атрымліваюць ідэальнае існаванне як сваё другаснае жыццё ў якасці паняцця-сігніфіката (ідэальнага дэнатата), матэрыялізаванага ў адпаведнай моўнай адзінцы» [11, с. 30].

Матывацыйная прымета і прынцып намінацыі. Вывучэнне асаблівасцей намінатыўнай дзейнасці дазваляе зразумець, якія элементы пазамоўнай рэчаіснасці маркіруюцца ў слове, чаму яны былі адзначаны і ўтрымліваюцца свядомасцю. Вывучаючы асаблівасці ўтварэння новых найменняў, вучоныя імкнуцца выявіць асноўныя прынцыпы намінацыі. Прынцып намінацыі быў вызначаны яшчэ на этапе фарміравання агульнай тэорыі намінацыі. Іншымі словамі, прынцып намінацыі вызначае агульны падыход да называнай рэаліі, а матывацыйная прымета канкрэтызуе яе. Матывацыйная прымета (далей –МП) з'яўляецца адным з ключавых паняццяў анамасіялогіі. У традыцыйнай анамасіялагічнага аналізу прынята разглядаць МП як аб'ектыўную рысу, прымету самой рэаліі, якая ляжыць у падстаў яе наймення. Як ужо было адзначана, прынцыпы фарміруюцца на падставе абагульнення матывацыйных прымет, такім чынам, прынцып намінацыі – катэгорыя семантычная. У падстаў вылучэння прынцыпаў намінацыі ляжаць фактары пазамоўнай рэчаіснасці – уласцівасці, прыметы, рысы саміх рэалій. Н. Д. Голеў пад прынцыпамі намінацыі разумее сваеасаблівыя анамасіялагічныя мадэлі, якія абагульняюць найбольш характэрныя аспекты і

приметы, па якіх адбываецца працэс намінацыі прадметаў, напрыклад, па колеры, па дзеянні, па паходжанні і г. д. [12, с. 17]. На думку Н. Д. Голева, неабходна падзяляць тэрміны «матывацыя» і «матываванасць», матывацыя – гэта працэс выбару матывацыйнай прыметы, а матываванасць – гэта вынік матывацыйнага працэсу, функцыянаванне знака [12, с. 10]. У анамасіялагічных даследаваннях працэс матывацыі – гэта выбар матывуючай прыметы, якая з’яўляецца падставай наймення пэўнай рэаліі, замацаваннем гэтай прыметы ў свядомасці намінатара пры дапамозе моўных сродкаў. І. С. Торапцаў прапануе тэрмін «класіфікацыйная прымета. У адрозненні ад матывацыйнай прыметы, канкрэтнай, класіфікацыйная прымета» – гэта прымета абстрактная, напрыклад: прымета асобы, прадмета, дзеяння [13, с. 33].

Унутраная форма слова. З паняццем матываванасці звязана паняцце ўнутранай формы слова (далей – УФС). А. А. Пацябня, развіваючы погляды В. фон Гумбальдта, удакладніў ідэю аб унутранай форме слова. У сваёй працы «Думка і мова» (1862 г.) вучоны пісаў: «У слове мы адрозніваем: знешнюю форму, выразны гук, змест, які набывае аб’ектывацыю пры дапамозе гуку, і ўнутраную форму, або бліжэйшае этымалагічнае значэнне слова, той спосаб, якім выяўляецца змест» [14; с. 118]. Такім чынам, паводле А. А. Пацябні, ўнутраная форма слова – гэта этымон слова – наймення, які адлюстроўвае адзінкавую прымету рэаліі. Сучасныя лінгвісты разыходзяцца ў сваіх азначэннях УФС. Частка даследчыкаў (А. С. Ахманава [15], В. Г. Варына [16]) вызначаюць УФС як матэрыялізаваную ў слове матывацыйную прымету у працэсе намінацыі. Намінатар выбірае ў аб’екце намінацыі адну ці шэраг прымет, якія і з’яўляюцца падставай наймення. Б. А. Сярэбранікаў лічыць: «Прымета выбіраецца толькі для таго, каб стварыць гукавую абалонку слова. Уласцівасць, абраная для наймення, далёка не вычэрпвае ўсёй сутнасці рэчы, не раскрывае ўсіх яе характарыстык» [17, с. 172]. Адметная рыса рэаліі, якая з’яўляецца падставай наймення, уяўляе сабой вынік разумовага аналізу, таму даследаванне ўнутранай формы эквівалентных слоў у розных

мовах дазваляе выявіць як агульналюдскія, так і этнацыянальныя асаблівасці намінацыйнай дзейнасці як формы спасціжэння свету.

У межах нашага даследвання нас будзе цікавіць анамаліялогічная матываванасць лексічных адзінак ЛСГ «тканіны», а менавіта, прыметы і прынцыпы намінацыі і структурная матываванасць слова, якая дазваляе выявіць словаўтваральныя сродкі і спосабы намінацыі. У рамках сінхранічна-дыяхранічных даследванняў вельмі важна адрозніваць «жывую» і «мёртвую» УФС. «Жывая» УФС добра ўсведамляецца сучасным носьбітам той ці іншай мовы, «мёртвая» УФС губляе сувязь з сучаснай моўнай плыняй: напрыклад, толькі этымалагічны аналіз дапаможа ў слова *аксаміт* ‘шаўковая варсёстая тканіна’ вызначыць матывацыйную прымету ‘зроблены з шасці нітак’. З пункту погляду тэорыі намінацый дадзенае слова можна лічыць матываваным, бо «мёртвая» УФС, этымон, называе уласцівасці працэсу вырабу дадзенай тканіны, і менавіта гэтыя ўласцівасці з’явіліся падставай для стварэння новага наймення. З пункту погляду сінхраніі слова нематываванае. «Жывая» УФС складае прадмет апісальнай, сінхроннай лексікалогіі, а «мёртвая» – прадмет вывучэння гістарычнай лексікалогіі, этымалогіі. Для носьбіта мовы вельмі важна адчуваць сувязь паміж гучаннем і значэннем слова.

Літаратура

1. Даниленко, В. П. Ономазиологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108–131.
2. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : Курс лекций : учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – М. : Издательский центр “Академия”, 2004. – 432 с.
3. Фон Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию ; ред. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 2000. – С. 37–298.
4. Кубрякова, Е. С. Ономазиология / Е. С. Кубрякова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / редкол. В. Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 345–346.

5. Ягафарова, Г. Н. Основные ономаσιологические понятия / Г. Н. Ягафарова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – Вып. 43. – № 13 (194). – 2010. – С. 172–177.
6. Копач, О. И. Номинация водных объектов в белорусском и русском языках. Ономаσιологический аспект (на материале гелонимов Беларуси и США) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Копач Олег Игоревич ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 21 с.
7. Торопцев, И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономаσιологии / И. С. Торопцев // Проблемы ономаσιологии : науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. – Орел, 1974. – Т. 21. – С. 3–76.
8. Гак, В. Г. К эволюции способов речевой номинации / В. Г. Гак // ВЯ. – 1984. – № 4. – С. 28–42.
9. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. Grzega, J. English and General Historical Lexicology: Materials for Onomasiology Seminars / J. Grzega, M. Schöner // Onomasiology Online. – 2007. – Vol. 1. – 73 p. – URL: <http://www1.ku.eichstaett.de/SLF/EnglVglSW/OnOn.htm>. (date of access : 20.01.2025).
11. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 232 с.
12. Голев, Н. Д. Введение в теорию и практику мотивационного и структурного анализ: учеб. пособие / Н. Д. Голев. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1981. – 89 с.
13. Торопцев, И. С. Лексическая мотивированность (На материале совр. рус. литер. языка) / И. С. Торопцев // Учен. зап. Орлов. пед. ин-та / Орлов. пед. ин-т. – Орел, 1964. – Т. 22. – С. 3–178.
14. Потебня, А. А. Мысль и язык [1862] / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с.
15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
16. Варина, В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц / В. Г. Варина // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 233–244.
17. Серебренников, Б. А. Номинация и проблема выбора / Б. А. Серебренников // Языковая номинация (Общие вопросы) / А. А. Уфимцева [и др.] ; под общ. ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – С. 147–187.

Чжан Хайфэн
Минск, Беларусь

**ЛЕКСЕМЫ С ПОЛНОГЛАСИЕМ И НЕПОЛНОГЛАСИЕМ
КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЕ – ЧУЖОЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ)**

В статье описываются два подхода, использующиеся для решения вопроса о языковой ситуации в Древней Руси, связанного с соотношением между церковнославянским и древнерусским языками. Выявлено, что до сих пор существует мало лингвистически обоснованных исследований о восприятии древнерусским языковым коллективом церковнославянского языка в рамках оппозиции «свое – чужое». Автор считает, что по отношению к данной оппозиции полногласные / неполногласные лексемы выступают как одни из самых показательных языковых единиц, противопоставляющих восточнославянское и южнославянское фонетическое оформление. Выявлено, что в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку неполногласные слова по отношению к оппозиции «свое – чужое» являются нейтральными, т. е. подходящими и для повествования о «своем», и для повествования о «чужом», а полногласные лексемы – маркированными, имеющими весьма высокую соотносительность с представлением о «своем».

Ключевые слова: полногласие / неполногласие; языковое восприятие; языковая ситуация; древнерусский литературный язык; «Повесть временных лет».

Zhang Haifeng. Lexemes with full-voice and incomplete-voice as expressions of the opposition "ours – alien's" (based on the material of the Tale of Bygone Years according to the Lavrentievskiy list).

In the article the author describes two approaches used to solve the problem of the linguistic situation in Kievan Rus', related to the relationship between Church Slavonic and Old East Slavic. It is revealed that there are still few linguistically substantiated studies on the perception of the Church Slavonic language by the Old East Slavic language community within the opposition "own – alien". The author believes that in relation to this opposition, pleophonic/nonpleophonic lexemes act as one of the most indicative linguistic units, contrasting the East Slavic and South Slavic phonology. It was revealed that in the Tale of

Bygone Years, according to the Laurentian list, the nonpleophonic words in relation to the opposition “own – alien” are neutral, i.e. suitable both for narrating about “one’s own” and for narrating about “someone else’s”, while the pleophonic lexemes are marked, having a very high correlation with the conception of “one’s own”.

Keywords: pleophony/nonpleophony; language perception; language situation; Old East Slavic; The Tale of Bygone Years.

Вопрос о происхождении древнерусского литературного языка неоднократно и широко обсуждался, однако и до сегодняшнего дня он не имеет окончательного и однозначного решения. При его решении неизбежно приходится обращаться к проблеме соотношения церковнославянского и древнерусского языков, в том числе и к проблеме восприятия этих языков их пользователями, поскольку все созданные концепции строятся на обусловленном позицией исследователя моделировании языковой ситуации. Нам кажется уместным тут повторить следующие вопросы, касающиеся отношений между церковнославянским и древнерусским живым языками.

1. Существовало ли культурное двуязычие, когда церковнославянский язык, будучи посредником византийской культуры, функционировал в качестве литературного, как полагают сторонники теории А. А. Шахматова?

2. Являлась ли диглоссия особым видом культурного двуязычия, когда церковнославянский язык выступал как высокий язык, а древнерусский живой язык рассматривался как низкий язык?

3. Имели оба языка равноправный статус и распространение или церковнославянский язык был ограничен только религиозной средой, как полагали последователи теории С. П. Обнорского?

Для решения данных вопросов определяются два подхода: исследование функционирования двух языковых стихий в древнерусской письменности и исследование восприятия двух языков древнерусского языкового коллектива. В первом направлении акцентировалось большее внимание русистов – почти во всех работах, посвященных истории

древнерусского литературного языка, рассматривается функционирование церковнославянских и древнерусских элементов в разных письменных текстах. В последнем направлении на данный момент, к сожалению, почти нет работ, так как его исключительно сложно исследовать. По сути, при создании собственной концепции ученые часто **с современной культурно-исторической и социолингвистической точки зрения** определяют, как древнерусский языковой коллектив **должен** был воспринимать пришедший извне церковнославянский идиом и какое отношение этот коллектив **должен** был проявлять к своему родному древнерусскому живому идиому. Именно поэтому споры между сторонниками разных концепций долгое время идут вокруг того, воспринимался ли церковнославянский язык как «свой», и если да, то как язык или как инославянский диалект?

Сторонники теории о церковнославянском характере основы древнерусского литературного языка придерживаются одного из следующих мнений:

1) церковнославянский язык в то время по близости к древнерусскому живому языку и его функциональным особенностям на Руси воспринимался как «свой» язык;

2) церковнославянский язык с течением своего функционирования дал основу одному книжному из «своих» функциональных типов – древнерусскому литературному языку;

3) выступая как высокий язык, противопоставленный низкому древнерусскому живому языку, церковнославянский язык воспринимался как одна из разновидностей единого языка.

Приведем некоторые цитаты, касающиеся восприятия церковнославянского языка в оппозиции «свое – чужое»:

А. А. Шахматов: «Говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка» [1, с. 61].

В. В. Виноградов: «Речь идет не только и даже не столько о применении

“чужого” языка, сколько о развитии особого типа культурного и отчасти культового, литературного языка славянства на восточнославянской почве» [2, с. 101]. Р. И. Аванесов: «Древнецерковнославянский язык может рассматриваться с двух точек зрения: с точки зрения историко-этнической – того этнического субстрата, на почве которого он появился, и с точки зрения функциональной <...> С этой, первой, точки зрения, он может рассматриваться как нечто внешнее (“чуждое”) по отношению к древнерусскому языку, как восточнославянскому. Со второй точки зрения, он в равной степени принадлежит всем южным и восточным славянам (а в раннюю эпоху также и части западных славян) и не может считаться чем-то внешним или чужим по отношению к языку древних восточных славян» [3, с. 6]. «Древнерусский язык нам известен в нескольких своих типах: книжном церковнославянском, деловом, народно-диалектном (в последнем случае надо различать и фольклорный). И все эти типы с точки зрения функциональной (не историко-этнической!) в равной мере были свои» [3, с. 7]. А. И. Горшков: «Некоторые формальные признаки старославянского языка были восприняты языковым сознанием древнерусских авторов и переводчиков не как признаки “чужого”, “иноземного”, “не своего” языка, а именно как признаки книжного, литературного языка» [4, с. 27]. Б. А. Успенский: «Церковнославянский язык, будучи заимствован извне, никогда тем не менее не изучался как иностранный» [5, с. 14]. В. М. Живов: «Насколько мы можем судить по дошедшим до нас свидетельствам, церковнославянский не воспринимался как “чужой” иностранный язык (и не изучался, как иностранный язык)» [6, с. 53].

Говоря о не «чужом» восприятии церковнославянского языка, некоторые ученые еще подчеркивают славянское единство, которое хорошо осознавалось в период существования позднего общеславянского языка. Например, Н. И. Толстой утверждает: «Осознание славянского единства в ту эпоху было весьма четко выражено и однозначно, особенно в ситуации противопоставления “свой – чужой”» [7, с. 52]. Р. И. Аванесов пишет: «Появилось противопоставление Руси ляхам, чехам, болгарам (дунайским)

и т. д. Однако одновременно существовало – и это надо подчеркнуть – также сознание славянского единства в отличие от иноязычных племен и народностей – угров, волохов, чуди, веси, мери, карелов и др.» [8, с. 89].

Сторонники теории о народной основе древнерусского литературного языка вообще отрицают существование двух типов литературного языка и концепцию диглоссии, в основе которой лежат не только функциональные различия двух идиомов, но и культурно-ценностное их противопоставление. Пренебрегая подобием в формальных аспектах, они обращают внимание на лексические различия, подчеркивая, что древнерусский живой язык и церковнославянский были разными языками, а не диалектами общеславянского, и считают, что церковнославянский язык непременно воспринимался как «чужой», иностранный язык, а древнерусский язык благодаря своим художественности и нормированности, отраженным в народных и деловых текстах, ничем не хуже по статусу церковнославянского, и поэтому надо говорить о двух равноправных литературных языках. Например, Б. А. Ларин пишет, что церковнославянский «настолько существенно отличался от русского, что воспринимался как чужой, иностранный язык» [9, с. 135]. Подчеркивая родство между древнерусским и церковнославянским языками, вместе с тем назвал последний чужим и Л. П. Якубинский [10, с. 273]. Очевидно, такого мнения поддерживается и Ф. П. Филин, подчеркивая различия в лексике и констатируя, что «самый образованный русский человек XI–XIII вв. в быту пользовался древнерусским народным языком, церковнославянский язык никогда не был в обиходе и у высокопоставленных священнослужителей, не говоря уже о рядовом духовенстве» [11, с. 233]. Примечательно и то, что вступив в дискуссию по поводу восприятия церковнославянского языка, Ф. П. Филин несколько исказил мысль Р. И. Аванесова, подменив слово *свой* словом *родной* [11, с. 237–238]. Следуя за Б. А. Лариным и приводя доказательство из «Хроники Георгия Амартола», И. С. Улуханов пишет: «...здесь

противопоставляется “наш” (древнерусский язык) и не наш (церковнославянский)» [12, с. 33].

Подводя итог обсуждения по поводу восприятия церковнославянского языка, можно отметить, что, как нам кажется, главным недостатком вышеприведенных концепций является то, что все ученые интерпретируют культурно-исторические данные в пользу своей концепции, но не приводят никаких **лингвистических доказательств** в поддержку своего мнения. Как справедливо заметил В. М. Живов: «В таком случае различие сводится к тому, как воспринимаются соответствующие языковые разновидности, как они представлены в языковом сознании. Это важный момент, но он часто с трудом поддается анализу» [6, с. 64].

Вообще оценочное восприятие языка, по нашему мнению, и сегодня мало рассматривается в социолингвистике, так как большинство лингвистов сразу же будет настаивать на том, что, во-первых, все языки равноправны – нет лучшего или худшего языка, и надо одинаково относиться ко всем языкам; во-вторых, у одних такое восприятие фонетики, лексики, грамматики какого-нибудь языка, а у других – другое восприятие. Поэтому подобное исследование в принципе не имеет никакой ценности для лингвистов.

Однако если признать, что в одном языковом сообществе нет коллективного восприятия какого-нибудь языка, то как объяснить существование целого ряда таких фразеологизмов как *it's all Greek to me*, *double Dutch* в английском языке или устойчивого выражения *китайская грамота* в русском, не говоря уже о проявлении языковой дискриминации в разных видах? Как бы то ни было, какое-то коллективное восприятие языков, выраженное через оппозицию «свое – чужое», все-таки существует. Например, бесспорно, что русский язык воспринимается в Беларуси как «свой» язык. На наш взгляд, коллективное восприятие какого-нибудь другого языка в плане «свое – чужое» не столько интралингвистический вопрос, как полагают многие вышеназванные ученые, приводя в пользу своего мнения общие языковые признаки или языковые различия, сколько

социолингвистический. Отдаленные идиомы могут восприниматься как единый язык – такая ситуация сложилась в континентальном Китае между литературным китайским (имею в виду путунхуа) языком и множеством китайских идиомов (именно китайские, так как другие тай-кадайские или монгольские еще воспринимаются как отдельные языки), которые в условиях диглоссии подчиняются первому как более низкая разновидность. В Гонконге кантонский идиом и литературный китайский идиом воспринимаются как два разных языка, и если первый воспринимается как достаточно престижный, «свой» язык, то последний, с уверенностью можно сказать, воспринимается как «чужой» язык.

Что касается восприятия церковнославянского языка в Древней Руси, то поскольку нет возможности исследовать это восприятие в сознании древнерусских людей, т. е. сделать социолингвистический опрос, то приходится искать иной способ. Безусловно, как указывалось выше, во избежание выгодной для самого себя интерпретации, необходимо искать прежде всего данные лингвистические, а уже затем – культурно-исторические. Такие лингвистические данные можно получить при исследовании противопоставления церковнославянизмов и русизмов, отражающих оппозицию «свое – чужое» в древнерусских текстах. Поскольку в плане лексики в то время большинство слов являлось общеславянским, значит, не может быть разграничено на церковнославянизмы и русизмы, а в синтаксическом плане интересующих нас отличительных признаков недостаточно, то приходится исследовать такое противопоставление по формальным признакам, т. е. учитывать фонетико-фонологические и морфологические признаки. В этом отношении признак **полногласие / неполногласие** является, на наш взгляд, самым показательным, потому что это фонетическое противопоставление хорошо отражается в языковом сознании древнерусских книжников. Об этом свидетельствует, например, наличие ряда мнимых старославянизмов с неполногласием по южнославянскому образцу вроде *влать*, *клаколь* на

основе древнерусских слов *волоть*, *колоколь*, или наоборот – наличие мнимых полногласных русизмов типа *мороморь*, *скоропия* [13, с. 215]. Отметим, что языковые дублиеты с полногласием и неполногласием типа *городь* – *градь* находятся на границе между фонетическим и лексическим противопоставлениями: сложно судить, как древнерусские книжники рассматривали их – как два слова или как два варианта одного слова.

Особенности лексем с полногласием и неполногласием позволяют нам в известной степени исследовать, как оппозиция «свое – чужое» проявляется в сознании древнерусских книжников по отношению к церковнославянскому и древнерусскому языкам.

Заметим, что в целом исследований такого рода крайне мало. Пожалуй, только Т. Н. Кандаурова единственной обнаружила, что «в “речах” представителей “нерусского” народа ... представлены почти исключительно слова с неполногласными сочетаниями в корнях» [14, с. 91] и «также отсутствуют полногласные слова и в “речах” русских, обращенных к грекам, печенегам, половцам» [14, с. 91]. Ученый также наблюдает, что «в речах “чужих” отмечается только неполногласное слово-вариант *градь*, в то время как в речах “своих” были одинаково возможны *градь* и *городь*» [14, с. 91]. Рассмотрев использование лексем *градь* / *городь* и др. при именовании городов в древнерусских памятниках XI–XIV вв., она выдвинула тезис о соотношенности неполногласных лексем и с представлением «чужое», и с представлением «свое», а полногласных лексем – обычно с представлением «свое» [14, с. 92–93]. Таким образом, Т. Н. Кандаурова предполагает, что функционирование этих лексем в древнерусских памятниках раннего периода могло быть обусловлено дополнительным оттенком, выражающим оппозицию «свое – чужое» [14, с. 93]. К сожалению, ученый не приводит статистические данные для подтверждения своего тезиса.

В данном исследовании мы предприняли попытку верифицировать этот тезис статистически на примере лексем с полногласием / неполногласием,

полученных методом сплошной выборки из текста «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) по Лаврентьевскому списку [15, с. 1–286].

Объектом исследования являются 238 неполногласных и 158 полногласных лексем, извлеченных из ПВЛ по Лаврентьевскому списку. Их количество составляет соответственно 1524 словоупотребления и 1034 словоупотребления. Среди них выделяются 49 структурно соотносительных пар типа *градъ – городъ*, количество неполногласных и полногласных членов – соответственно 614 словоупотреблений и 252 словоупотребления.

Задачей данного исследования является выявление особенностей употребления лексем с полногласием / неполногласием, выражающих оппозицию «свое – чужое».

Так как вопрос о разграничении «своего – чужого» является в какой-то степени неразрешимым – современное понимание отличается от древнего, и оно колеблется в разных ситуациях в зависимости от этнического самосознания – стоит сделать оговорку, что принятые нами принципы разграничения «своего – чужого» являются примитивными. Главными критериями при определении того, к какому члену оппозиции «свое – чужое» принадлежит тот или иной предмет, место, персонаж, действие и событие, являются их местонахождение и происхождение, например:

1) предмет, место повествования, которые находятся на Руси, относятся к «своим», а предмет или место вне Руси – к «чужим». Например, русский *златъникъ / золотъникъ* – предмет «свой», а у греков – предмет «чужой»; библейское *древо* – предмет «чужой», а *древо / дерево*, растущее на Руси – предмет «свой». Такой подход тоже применяем для описываемых в летописи событий: битва, знамение, голод, рождение какого-либо персонажа и т. д.;

2) определение принадлежности персонажа к «своим» или «чужим» является очень затруднительным. Например, к какому члену оппозиции относятся действующие лица скандинавского происхождения или Солунские братья? Судя по тому, что летописцы признавали законность

правителей скандинавского происхождения, а св. Кирилла и Мефодия считали родоначальниками славянской письменности, то их можно причислить к «своим». Других иноплеменных христиан вроде византийского философа или библейских персонажей, иноплеменников мы причисляем к «чужим»;

3) действие, осуществляющееся «своими» персонажами, рассматривается как «свое».

Применяя данные принципы, мы получили следующие результаты.

1. Обнаружено, что в парах слов для повествования о «своих» неполногласный член употребляются 368 раз, а полногласный член – 218 раз. Соответственно, их процентное соотношение к общему количеству словоупотреблений составляет **59,93 %** и **86,51 %**. За исключением пар, в которых частота обоих членов невысокая, некоторые пары хорошо отражают различие в отношении оппозиции «свое – чужое»: неполногласные члены подходят для повествования и о «своем», и о «чужом», а полногласные члены – только для повествования о «своем». Например, в паре *волость*¹¹ – *власть*²⁶ (далее верхний индекс указывает общее число словоупотреблений – Ч.Х.) неполногласный член *власть* 17 раз используется для повествования о «своих», 9 раз – для повествования о «чужих», а полногласный член *волость* употребляется исключительно для повествования о «своих»; в паре *голова*⁶ – *глава*²⁷ неполногласный член *глава* 17 раз используется для повествования о «своих», 10 раз – для повествования о «чужих», а полногласный член *голова* употребляется исключительно для повествования о «своих»; в паре *сторона*¹⁵ – *страна*⁷¹ неполногласный член *страна* 19 раз используется для повествования о «своих» и 52 раза – для повествования о «чужих», а полногласный член *сторона* 13 раз употребляется для повествования о «своих» и только 2 раза – для повествования о «чужих».

2. В тексте ПВЛ по Лаврентьевскому списку в целом лексемы с неполногласием 908 раз употребляются для повествования о «своих», а лексемы с полногласием выступают в этой же роли 895 раз. Соответственно,

их процентное соотношение к общему количеству их словоупотреблений составляет **59,58 %** и **86,56 %**. Следует отметить, что большинство лексем с полногласием, использованных для повествования о «своих», является древнерусскими собственными именами и их дериватами (*Володимеръ*, *Новъгородъ*, *новъгородьскыи* и *новъгородыѣ* и т. д.). Они 602 раза употребляются для повествования о «своих» при общем количестве их употреблений 608 раз. Однако и после исключения этих случаев и слов *половчъскыи*⁴, *половць*⁷², *половчинъ*², которые называли «чужих», общая картина не изменится. Из непарных лексем отметим многие старославянизмы типа *благо*, *благовѣрныи*, *благословениѣ*, *благыи*, *блаженни* и т. д., которые часто употребляются для повествования о «своих».

Вышеприведенные статистические данные и примеры позволяют нам констатировать, что в ПВЛ по Лаврентьевскому списку неполногласные слова в выражении оппозиции «свое – чужое» являются нейтральными, т. е., подходящими и для повествования о «своих», и для повествования о «чужих», а полногласные слова – маркированными, имеющими весьма высокую соотносительность с представлением о «своем». Конечно, распространять такие наблюдения на другие летописи, например, новгородские, не говоря о древнерусских памятниках иных жанров и стилей, нельзя. Для того чтобы исследовать, как в целом воспринимался церковнославянский язык по отношению к древнерусскому, безусловно, необходимо охватить как можно больше памятников, изучить их в разных языковых аспектах. Предпринятое исследование показывает, что полногласие / неполногласие в этом плане является, пожалуй, самым удобным и показательным фонетическим признаком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – Изд. 4-е. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.
2. Виноградов, В. В. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 319 с.

3. Аванесов, Р. И. К вопросам периодизации истории русского языка / Р. И. Аванесов // Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации / АН СССР. – М. : Наука, 1973. – С. 5–24.
4. Горшков, А. И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке / А. И. Горшков // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому [Сб. ст.] / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; отв. ред.: Л. П. Жуковская. – М. : Наука, 1987. – С. 7–29.
5. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – München : Sagner, 1987. – 367 с.
6. Живов, В. М. История языка русской письменности : В 2 т. Т. 1 / В. М. Живов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 816 с.
7. Толстой, Н. И. Избранные труды : В 3 т. Т. 2. Славянская литературноязыковая ситуация / Н. И. Толстой. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 544 с.
8. Аванесов, Р. И. К вопросам происхождения и развития русского литературного языка / Р. И. Аванесов // Проблемы общего и германского языкознания. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 88–96.
9. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.) : Учебн. для филолог. специальн. ун-тов и пед. ин-тов / Б. А. Ларин. – Изд. 2-е. – СПб. : Авалон, Азбука-классика, 2005. – 416 с.
10. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1953. – 368 с.
11. Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 288 с.
12. Улуханов, И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. – Изд. 2-е. – М. : Азбуковник, 2002. – 296 с.
13. Соболевский, А. И. [Рец.] С. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном языке, ч. I. СПб., 1893. / А. И. Соболевский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1894. – Ч. CCXCIII. – С. 215–220.
14. Кандаурова, Т. Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи / Т. Н. Кандаурова // Памятники древнерусской письменности : язык и текстология / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. : В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1968. – С. 72–94.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – Репринт с изд. 1926–1928 гг., 2-е изд. / под ред. Е. Ф. Карского. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 733 с.

НАШИ АВТОРЫ

Антонов Андрей Владимирович – магистрант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Баркович Александр Аркадьевич – заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания БГУ, доктор филологических наук, доцент

Бобко Татьяна Викторовна – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, кандидат филологических наук

Гао Ваньжоу – аспирантка кафедры прикладной лингвистики БГУ

Герасимович Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славистики и теории языка Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси

Дединкин Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО»

Иванов Красимир Иванович – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, кандидат филологических наук

Ивашина Наталья Васильевна – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, кандидат филологических наук

Калюта Александр Михайлович – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, кандидат филологических наук

Козловская Людмила Аркадьевна – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, кандидат филологических наук

Кан Жоши – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Коршунова Кристина Николаевна – специалист по учебно-методической работе Российского государственного гуманитарного университета

Марцинкевич Вера Ивановна – аспирантка кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

Милько Сабина Геннадьевна – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Назаренко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского языкознания БГУ

Пискун Екатерина Васильевна – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Рудько Екатерина Сергеевна – студентка 3 курса филологического факультета БГУ

Рудаченко Егор Андреевич – магистрант кафедры редакционно-издательских технологий БГТУ

Саматыя Анастасия Андреевна – преподаватель-стажёр кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики БГУ

Селезнева Валентина Сергеевна – преподаватель кафедры германского языкознания БГУ

Станкевич Анна Валерьевна – магистрантка кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Супрунчук Никита Викторович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Минского государственного лингвистического университета

Фоменкова Марина Александровна – старший преподаватель кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Чжан Хайфэн – аспирант кафедры белорусского языкознания БГУ

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

Научное издание

СУПРУНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024

Сборник научных статей

На русском и белорусском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. В. Бобко*

Подписано в печать 18.06.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,29. Тираж 50 экз. Заказ 56.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.